

Gaunt's Ghosts - 06

Straight Silver

Призраки Гаунта

Серебряный клинок

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полуторп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зрымым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сила едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И многое более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

«На протяжении первых шести месяцев 772.М41, семнадцатого года Кампании в Мирах Саббат, силы Имперского Крестового похода под командованием Магистра войны Макарота боролись за то, чтобы объединить победы, полученных предыдущей зимой и обернуть их в наилучшее преимущество. Верховенство в жизненном пространстве системы Кабал теперь казалось возможным, благодарение линиям ресурсов и поддержки – так называемым «венам победы» - открытыми успешными действиями на Гигаре, Эондрифте Нова, Танзине IV, Фантине и огромном мире-кузне Урдеше. Но печально известный мир-крепость Морлонд все еще держался, и доклады, подтверждали то, что Урлок Гор – который, казалось, стал главой сил архиврага после смерти Архонта Надзибара на Бальгауте – готовил массированную контратаку в Каркадонском Кластере. К тому же, Имперский Крестовый поход боролся по всему передовому флангу с войсками Хаоса под командованием Анакванара Сека, Шебола Краснорукого и Эноке Иннокенти, треми наиболее одаренными военачальниками Гора.

«С обычным инстинктивным чутьем, и вопреки советам своих помощников, Макарот разделил войска Крестового похода между своими самыми доверенными генералами. Девятая Армия под командованием Лорда Милитанта Хумеля, была послана к Энотису, чтобы разжать хватку мерзкого воинства Сека. Восьмая и Шестая Армии под командованием Генерала Келсо и Чаптер Мастера Веегама из Серебряной Гвардии были направлены к Группе Хана для преследования Иннокенти, в то время как Седьмая, под командованием Маршала Блэквуда, атаковала на передовой в направлении Белшиир Бинари и Альфа Мадриго. Лорду Генералу Булледину, во главе Второй, было приказано удерживать и защищать линии снабжения к Урдешу.

Макарот лично с Первой, Третьей и Четвертой Армиями возобновил нахожим на Морлонд и, как отметил Магистр войны, 'поборемся с Гором на его же заднем дворе'.

Множество запротестовали. Командиры Флота в частности верили, что Макарот выжил после своей авантюры в миражах Кабал благодаря только счастливому случаю, и видели сейчас, как он пытается повторить такое же рискованное мероприятие в даже больших масштабах. Другие генералы выражали неудовольствие тем, что их обошло командование армией. Ван Войтц надеялся командовать Шестой армией, но она досталась Лушейму с приказом прикрывать наступление Макарота. Вместо этого, Ван Войтцу дали

группу размером с бригаду, номинально прикрепленную к Шестой Армии, и отправили к Айэкс Кардиналу, Имперскому миру, удерживаемому на протяжении всего доминирования Хаоса в Мирах Саббаты. Там он столкнулся с незавидным делом закончить войну, бушевавшую уже сорок лет... »

- из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ПРОЛОГ

«Можно с уверенностью сказать, что Айэксегарианцы делают хорошо три вещи: любят, воюют и почитают Императора. Из всего этого: воевать – наш лучший навык. Мы занимались этим годы. Я думаю, вы найдете, что мы в этом разбираемся».

- Леонид Феп Крефьюэл, Верховный Сезар Айэксегарии

Брюнгатте кружилась вокруг него как беспорядочный сон. Он устал от долгой поездки на поезде и, пока он ехал на запад, погода все больше и больше становилась плохой и сырой, и штифт в бедре отзывался ревматической болью. Он снова пытался отвлечься просмотром донесений, но было слишком темно на заднем сидении лимузина. Вместо этого он откинулся, сложил руки на животе и смотрел на проплывающий город.

Опускался сумрак, и фонари вдоль дорог начинали светить янтарным светом под матовыми стеклянными колпаками. Через 20 минут они будут как маленькие звезды жемчужно-белого света. Спускался дождь. На юге он стал темным, расплывчатая прослойка под облаками, которые бурлили над коммерческим районом и доками Брюнгатте.

Лимузин, блестящий черный, как ботинок униформы, был старым Ampara Furioso Vitesse, крепко сколоченный как Леман Русс. По обе стороны серебряного орнамента, над рычащей хромированной решеткой радиатора, развевались вымпела. Голубой с золотым слева, белый и пурпурный цвета Союза Айэksa справа. Он едва-едва слышал восьмилитровый двигатель, такая была толщина корпуса и обивки, но дворник на ветровом стекле скрежетал каждые десять секунд как ногти по классной доске.

Машина пересекла Конгрессплатц, проехала под тенью Врат Сезара, с которой свисали нагромождения красных гирлянд, тянувшиеся вдоль Коллонады Рыбаков до Тримерси.

Вжик, вжик, вжик, работали дворники.

Они остановились у огней Тримерси, и трафик с юга проплыл перед ними. Эскорт на мотоциклах так же остановился. Казалось, что климат контроль в лимузине не гоняет ничего другого, кроме как теплый выхлопной газ. Он наклонился вперед и повертел градуированный диск, без какого-либо эффекта.

«Что с печкой?» резко спросил он.

Водитель опустил лакированный коммуникационный экран.

«Что вы сказали, сэр?»

«Печка.»

«Включена, сэр.»

«Можно выключить?»

«Конечно, сэр.» Водитель подрегулировал управление на приборной панели. «Лучше?». Лучше не стало. Он опустил заднее стекло и впустил прохладный аромат городского дождя. Он мог почувствовать сырой бетон и влажный рокрит. Он мог слышать двигатели и далекие гудки. На обочине у пересечения он мог видеть цветок, закрывающийся на ночь. Продавец в непромокаемом плаще, складывал фрактальные цветы в металлические чаши. Блестящие математические лепестки хрустели как живые, руки мастера сжимали их.

Некоторые были частично красными. Он чувствовал, как пульс растет. Не сейчас... не сейчас...

Он закрыл глаза и с трудом сглотнул, стараясь замедлить дыхание так, как его учил личный врач. Но Сейберк Поккет была практически рядом. Молния. Разлетающаяся слякоть.

Дредноуты. Лужи, заполняющие воронки от снарядов. Красный, красный...

Светофор переключился, и они поехали на север, эскорт на мотоциклах описал широкую дугу по мере их продвижения вперед, фонари мерцали.

«С вами все в порядке, сэр?» спросил водитель. «Да, все нормально. Нормально». Он прикрыл окно до узкой щели.

Монс Сезари возвышалась перед ними, господствуя на горизонте, что даже высочайшие шпили и башни Брюнгатте казались карликовыми. Они поднялись по извивающейся дороге и заехали под стеклянный навес позади служебных ворот.

«Готовы, сэр?» спросил водитель.

«Да,» сказал он и вышел. Младший офицер придержал дверь лимузина.

В дни великих сезаров, генералы въезжали в Брюнгатте сквозь Крепостные Врата, в роскошно отделанных драгоценными камнями колесницах, запряженных страусами. Те времена давно прошли, но протокол требовал, чтобы он перебрался из машины в колесницу для финального, формального появления.

Эскадрон гусар ждал у колесницы. Страусы, одни из последних этого сокращающегося вида, были большими, гордыми зверями с массивными, полированными клювами и толстым оперением, около двух метров высотой. Он размышлял о мерзких, худых животных, с которыми приходилось иметь дело кавалеристам в передних рядах.

Он поднялся на колесницу, свой дипломат подложил под руку, и командир гусар погнал страусов вперед. Подстриженные черные когти выбивали искры из влажной мостовой, когда они перешли в галоп.

Боевые птицы протащили колесницу под аркой Монс Сезари и повернули к западному крыльцу дворца, по длинному переходу с электрическими фонарями под грязной стеклянной крышей. Офицеры Банды Сезари ждали при параде со страусиными перьями на киверах. Они носили длинные панталоны из зеленого шелка, золотые цепи соединяли бедра с манжетами и когда офицеры салютовали, казалось, что раскрываются широкие зеленые крылья в его честь.

Он сошел, заплатил водителю ритуальный скую, и прошел по длинному голубому ковру к крыльцу. Дипломат раскачивался в руке.

Сэр Кайдо Феп Сотен, управляющий двором верховных сезар, ждал его под стеклянным портиком.

Сотен вынул руки из-под своего одеяния из горностая цвета черного вельвета и сотворил аквилу.

«Мой сэр, граф, добро пожаловать. Сезар ждет вас.»

Он прошел за Сотеном по длинному коридору, украшенному обоями с герольдическим мотивом, через зал для приемов с огромной люстрой в комнату для аудиенций. Алебардисты из Банды Сезари открыли для них дверь.

Сотен поклонился. «Мой лорд, верховный сезар,» объявил он, «Граф Йако Бусар Феп Голке, командующий силами Альянса Айэкса ожидает вас.» Верховный сезар, Леонид Феп Крефьюэл, поднялся с дивана. Он сидел у камина, закрытый от прямого жара резным экраном. Сквозь открытые двери на дальней стороне комнаты, граф мог видеть сборище фигур и слышать звон бокалов.

Сезар был отцом в церемониальной парчовой с золотом военной форме с серебряной проволокой и бриллиантами под мантией. Он был низким, крупным мужчиной с отвратительным, вызывающим колики лицом, чрезмерно большим ртом и тонкими серыми усами.

«Граф Голке, удовольствие видеть тебя, как обычно,» сказал он.

«Верховный сезар, вы делаете мне честь.»

«Добро пожаловать, добро пожаловать... подкрепись».

Черный, аугментированный металлом, сервитор проскулил рядом с ними, неся поднос с напитками. Голке взял немного амасека и сделал небольшой глоток. Ему принадлежало несколько поместий, включающих виноградники в восточных провинциях, но масштаб архитектуры Монс Сезари все еще пугал его. Потолки были такими высокими, окна такими большими. Шелковые знамена с голубым и золотым, длиной в тридцать метров, свисали со стен и на каждом охотничий герб Айэксегари. Каждый месяц вот уже четыре года он приходил во дворец, принося военные отчеты, и это все еще унижало его.

«Я могу подождать, лорд, если у вас гости,» сказал Голке, указывая на фигуры в соседней комнате.

«Нет, нет. Мы к ним сейчас присоединимся. Я хочу чтобы ты с ними встретился». Голке хотел спросить, кто там, но он знал, что Верховный Сезар Айексегари был в деловом расположении духа. Это было так же, как и за неделю до атаки на Джепел и Сейберг. Он готовился дать мне инструкции, которые, он знал, что мне не понравятся, подумал Голке. Боже, помоги нам, только не еще один Сейберг.

Голке отставил стакан. «Мой отчет, лорд?»

Сезар кивнул головой. «Давай поглядим,» сказал он, садясь назад на диван.

Пальцы Голке тряслись, когда он открывал дипломат и доставал копии отчета. Оба были в голубых конвертах и перевязаны золотой лентой. Он отдал один своему повелителю, который разрезал ленту когтем на печатке.

Голке открыл свою копию, встал перед верховным сэзаром и стал читать.

«Отчет о столкновении между силами его прославленного величества Верховного Сезара Айексгаери и его союзников, и угнетателей Шадика, за период между 181.772 и 212.772. В первую очередь можно увидеть, что концентрация атак артиллерии вдоль Линии Пейнфорк, и, так же, в Аллее Наеме, очень сильно затормозила продвижение диспозиции вражеской пехоты в этом регионе. Наблюдатель оценивает смертность в девять тысяч на указанных деспозициях, с небольшими потерями с нашей стороны около Бассина-на-Наеме ночами 187-189.

Расход боеприпасов в этот период составил сорок восемь тысяч девятьсот двенадцать средних взрывных снарядов калибра 0.12, девять тысяч сорок шесть зажигательных калибра 0.90, две тысячи триста семьдесят девять тяжелых снарядов калибра 0.50 и ---»

«Расходы были оценены?» спросил сэзар.

«Мой лорд, да,» сказал Голке, пролистывая страницы отчета. «Это указано в фискальном приложении. Эм... приблизительно, 2.2 миллиона скую.»

«Ты сказал 'затормозило' продвижение, граф. Означает ли это помешало? Остановило? Ликвидировало?» Голке прочистил горло. «Они понесли

потери, как я сказал, продвижение уперлось в мертвую точку, хотя они отбили города Вилак и Контас-Санлур.»

«Продолжай.»

«Мой лорд, Вдоль границы Сектора Мейсек, я рад сообщить, мы удержали линию обороны, несмотря на продолжающиеся атаки. Днем 197-го был совершен прорыв Сорок Первой Бригадой у Сарво и они смогли продвинуться и удержать водяные мельницы у Сельфа.»

«Как далеко?»

«Три... эм... триста десять метров, лорд.»

«Продолжай.»

«Северо-западный сектор. У Гибсгатте Третий Полк Легкой пехоты Сезари отбили контратаку в день 199. Командир полка лично подчеркивает признательность верховному сезару за его предвидение в дислокации полка у Гибсгатте, что позволило им получить такую славу.»

«Потери?»

«Двенадцать сотен и восемьдесят один, лорд.»

Верховный сезар закрыл копию отчета и положил рядом с собой.

«Мне продолжать, лорд?» спросил Голке.

«Я услышу что-нибудь новое?» спросил верховный сезар. «Услышу ли я что-нибудь отличное от того, что фактически является мертвкой точкой, не важно, как ты это называешь? Услышу ли я что-нибудь отличное от того тупика, который стоит нам тысяч людей и миллионов скота?»

Голке опустил отчет. Вылетела страница и упала на ковер.

«Нет, мой лорд.»

Сезар снова встал. «Сорок лет, граф. Сорок лет этого. Сорок лет трат и застоя. На фронте сейчас молодые солдаты, чьи деды умерли еще в самом начале, когда мы были одни против Шадика. Наши союзники сейчас с нами, спасибо Золотому Трону, но...»

Он взглянул на огонь. Голке подумал, как тяжело смотрится мантия на его плечах.

«Знаешь, что мне сказал Сотен одним утром?» тихо спросил сезар.

«Нет, сэр.»

«Он сказал мне, что с момента, когда Княжество Фичуа влилось в Альянс в... когда это было? 764?»

«763, сэр, с Пактом Стромберга.»

«Ну так. С 763, армии Альянса потеряли людей больше, чем населения Фичуа в 9 раз.»

Это была шокирующая статистика. Голке заморгал. Он хорошо знал Фичуа, так как давно там бывал на каникулах. Самая маленькая страна в Континентальном Айэксе, без сомнения, но до сих пор...

Он чувствовал как пульс опять растет. Гнев возрастал как ртуть в термометре над огнем. Он хотел заорать на лорда сезара.

Это из-за тебя! Тебя! Тебя! Тебя и твоих помощников, которые сгинули до меня, с твоими правилами войны и законами битвы! К черту тебя и твои архаичные стратегии –

Вместо этого, он прикусил язык и глубоко вздохнул, как его научил врач.

«Безвыходное положение сводит с ума, мой лорд» сказал он. Его голос звучал кротко и натянуто. «Но, возможно, к концу года мы можем --»

Сезар повернулся к нему. «Граф Голке, пожалуйста. Я не упрекаю тебя за эти сорок лет. Я хвалю твои усилия, безукоризненную работу с тех пор как ты стал главнокомандующим. Я не дурак, неважно, что пишет пресса --»

«Конечно нет, мой лорд!»

Сезар поднял руку. Свет от камина отразился от печатки. «Пусть выпустят пар, я сказал. Пусть бранятся в передовицах и стимулируют меня своими комиксами. Я любим людьми Айексегарии.»

«Вы верховный сезар, мой лорд.»

«И я получу свой триумф. Без сомнений. Я уничтожу Шадика и загоню его войско в дебри.»

«Я не сомневаюсь, мой лорд.»

«Как и я. Я никогда не сомневался, граф. Но с этой ночи я просто уверен в этом.» Голке бегло оглядел комнату, где посетители разговаривали и выпивали под люстрой.

«Почему... с ночи, мой лорд?»

«Этот день, Граф Голке. Его запомнят в книгах по истории. Наши пра-правнуки будут праздновать его.»

Сезар подошел к Голке и взял его спокойно за руку. «Еще публично не объявили, граф, и еще какое-то время не объявят. Но тебе можно сказать. Пять ночей назад Имперские звездолеты прибыли на орбиту. Первые из флотилии освобождения.» Голке сглотнул и обдумал каждое слово. Он чувствовал головокружение. Штифт в его бедре внезапно разболелся, как сволочь.

«Имперские... ?»

«Крестовый поход достиг нас, мой дорогой друг. Все эти годы борьбы в одиночку с Хаосом. Магистр войны Макарот, да будет благословлено его имя, порвал архиврага и обратил его в бегство. Миры Саббаты теперь его, только протянуть руку. И так как это правильно, он видел, что его приоритетная цель послать элитные войска на помощь Айэкс Кардинал. Первый контингент прибывает в то время, как мы говорим. Со следующей недели война против Шадика будет поддержана Имперской Гвардией Императора. Наша долгая борьба не была напрасной.»

«Я... поражен, мой лорд.»

Сезар ухмыльнулся. «Бери свой бокал, Голке, и подними тост за освобождение со мной.» Голке нашел свой бокал и сезар чекнулся с ним.

«К победе, долго преследуемой и по праву нашей.»

Они кинули пустые бокалы в камин.

«У меня есть кое-что для вас, граф,» сказал сезар. «Две вещи, вообще-то.» Он залез в карман и вынул тонкую, продолговатую коробочку, глянцевую с золотыми прожилками. Сезар открыл ее.

Золотая Аквила, прикрепленная к белой шелковой ленте, лежала на подушечке. «Мой лорд!»

«Это в знак признательности преданного служения мне, Альянсу и Айэксегари. Орден Орла. Величайшая честь, что могу пожаловать этот дар.» Верховный сезар взял медаль из коробочки и осторожно повесил Голке на грудь.

«Ты сослужил великую службу своей стране, Йако Бусар Феп Голке, и ты оправдал себя, моим именем, с преданностью, умением, повиновением и скромностью. Ты лично познал цену войны. Я отдаю тебе честь.»

«Верховный лорд, это был мой долг и только мой долг.»

Сезар мягко похлопал его по руке. «Ты получил его, Голке. Его – и мой другой дар.»

«Сэр?»

«Сегодня в полночь ты с почестями освобождаешься от командования. Твой тяжелый труд окончен.»

«Освобождаюсь от командования...? Мой лорд, почему? Я вас разочаровал?» Сезар смеялся, громко. Он был вынужден, Голке мог это почувствовать.

«Ни разу. Но с прибытием Имперцев я вынужден провести изменения в командной структуре. Радикальные изменения. Ты понимаешь, не так ли, граф? Это все скучная политика.»

«Мой лорд?»

«Имперский генерал... Вонвойц, думаю его так зовут... он захочет авторитета, и пространства для взаимодействия его войск. Ему и его помощникам нужен посредник, кто-то, кто может помочь акклиматизировать их и прикрепить их к нашей военной экономике эффективно. Я верю в тебя, Голке. Хочу, чтобы ты был в этой роли.»

«Посредник?»

«Именно так. Состыковать наши силы с силами освободителей. Ты тактичный, я думаю. Объективный. Ты образованный человек. И ты заслуживаешь стоящую работу после испытания верховным командованием.»

«Я... Я полагаю, что счастлив, мой лорд. Так... кто займет мое место?»

«Как главнокомандующий? Я назначаю Линтора-Севка. Он пылкий и очень многообещающий человек. Он поведет с таким энтузиазмом.» Голке кивнул головой, хотя это был всего лишь механический жест. «Этот Имперский генерал... он будет отвечать перед Линтором-Севком?»

«Конечно, он будет!» сезар фыркнул. «Имперская гвардия могла прибыть, в конце концов, чтобы выкопать нас, но это все еще наша война. Айексегари сохранит верховное командование. Пошли...» Верховный сезар положил свою руку на руку Графа Голке и повел его в смежную комнату к коктейльной вечеринке.

«Пошли, поприветствуем посланных к нам Имперских спасителей. Пусть они оценят тебя. И ты сможешь поздравить Линтора-Севка пока ты еще во всем этом»

«Не могу дождаться, мой лорд.»

ОДИН

ПО ПУТИ К НАЕМЕ

«Это все вопрос соотношений.»

-- Савил Феп Линтор-Севк, Главнокомандующий, Силы Альянса Айекса, просматривая списки потерь

Гигантские лихтеры рассредоточили их на огороженном участке земли сочно зеленого цвета рядом с местом, которое им назвали Брюнгатте. Они могли видеть городской контур на расстоянии, сквозь лесистую местность и невысокие крыши небольших поселков неподалеку. В то утро иногда лил дождь, но сейчас днем было тепло и ясно, и ощущалось как весна.

Все вывезли из поселков: пехоту, тяжелую поддержку, снаряжение, припасы, даже распущеных, неофициальное звание проституток. Процессия больших, грязных грузовиков начала пошатываться на траве собирая их всех, чтобы

отвезти на станцию снабжения. В двух километрах, над лесистой местностью, дропшипы Крассианского Шестого виднелись в воздухе, скользя к точкам сбора.

Рядовой Каффран из Танитского Первого И Единственного медленно удалялся от зоны высадки, где трава была примята реактивной струей, и встал у ограды, обозревая линию деревьев. Ему уже нравилось это место. Там были деревья. Там была зелень.

Каффрану, по имени Дермон, было двадцать четыре стандартных года. Он был низким, но крепко сложенным, с татуировкой голубого дракона на виске. Он родился и вырос на Таните, лесном мире, которого больше не существовало. Каффран был Имперским гвардейцем - высокоэффективным, согласно официальным записям.

Он носил стандартный комплект Танитского солдата: зашнурованные крестом черные сапоги, черные солдатские штаны и китель поверх стандартного жилета и нижнего белья, с тесьмой – которая поддерживала полевые сумки и пухлый ранец – и легкую, матово-серую тканевую броню. Тугая, черная пряжка шлема из керамика болталась между портупеей и боевым ножом. На воротничке он носил крест из черепа и кинжала Танитского Первого, на плечах висел камуфляжный плащ, отличительная вещь Танитского полка, также называемого «Призраки».

Тяжелый ранец висел на спине. Его стандартный лазган типа Марк III, ложа и оснастка которого были сделаны из налового дерева, как и все лазганы, сделанные на Таните, свисал, перекинутый через плечо.

Каффран мог чувствовать запах дождя и букового дерева в воздухе, и влажный аромат травы. Только на секунду запах вызвал нестерпимые воспоминания. Его сердце боролось с чувствами.

Он мельком оглянулся назад, не потеряли ли его, но там все еще была задержка в погрузке полка на грузовики. Двигатели работали вхолостую потому, что колесо застряло в грязной траве, да так, что весь конвой быстро застрял. Местные военные размечали колышками сборный пункт на огороженном участке земли с металлическими стойками для палаток и бечевкой, но, видя, что приходится ждать, несколько Танитцев стояли на их участках. Некоторые сидели на траве. Некоторые скинули ранцы и стали гонять мяч по кругу.

Управляющие в длинных, желто-коричневых пальто спешили, выкрикивая инструкции, направляя грузовики и стараясь собрать гвардейцев вместе, если они покидали территорию.

В конце ограды, Каффран нашел вымощенную кирпичем тропинку, которая тянулась между деревьев с серой корой. Эти огороженные участки точно были городским парком, осознал он, превратившимся во временную зону высадки.

На тропинке были лавочки, и он присел на одну во влажной тени деревьев аллеи.

Было хорошо, думал он. Конечно, деревья не имели ничего общего с великолепием Танитских деревьев, но все-таки.

Он задавался вопросом, как дела у Тоны. Она была его девушкой, хотя она была и его собратом по оружию тоже. Тона должна была прилететь на другом транспортнике, так как теперь они были в разных отрядах. Сержант Крийд. Он до сих пор про себя посмеивался. Еще один первый для Первого И Единственного.

Между каждым деревом на аллее стояли гладкие кубы из белого камня. И на каждом было выцветшее пятно. Каффран подивился, что они могли означать. Какие-то ориентиры, может быть.

Он услышал, как кто-то подходит сзади и обернулся. Это был Комиссар Харк, политический офицер полка. Каффран поспешил взять свой ранец и встал, но Харк дал сигнал ему рукой расслабиться. Иногда Харк мог быть дисциплинарным ублюдком, но только, когда это было нужно, и сейчас этого точно не требовалось. Он провел рукой по скамейке рукой в перчатке и сел рядом с Каффраном, откинув полы плаща так, что смог скрестить ноги.

«Какой-то беспорядок,» сказал он, кивая позади них. «Я не понимаю. Двадцать грузовиков заполнены нашими людьми, которые просто торчат тут, пытаясь уехать из парка. Не удивительно, что война тут длится уже сорок лет. Они даже не могут спланировать выезд отсюда.»

Каффран рассмеялся.

«Все еще» сказал Харк, «есть шанс улететь. У тебя была хорошая идея.»

«Хотя, я почти получил за нее выговор,» сказал Каффран.

Харк бегло взглянул на него и поднял брови в выражении «ты никогда не узнаешь». Виктор Харк был непреклонным человеком, сильным, но полным, благодаря годам хорошей жизни. Его глаза были слегка прикрыты и лицо чисто выбрито. Он снял комиссарскую фуражку и возился с подкладкой, обнажая густые подстриженные черные волосы на черепе, которые торчали как наконечники пуль из его широкой шеи.

«Они занимались этим сорок лет, сэр?» спросил Каффран.

«О, да,» сказал Харк, глядываясь сквозь деревья на опускающиеся и поднимающиеся лихтеры на другом поле недалеко от них. «Сорок фесовых лет. Что ты об этом думаешь?»

«Боюсь, что я немного знаю об этом, сэр. Я знаю, что эта планета называется Айэкс Кардинал, и город там называется Брюнгатте. А больше...»

«Будут инструктажи, Каффран, не бойся. Ты гость государства, называемого Айэксегари, главного среди семи государственных образований, которые ведут войну с Республикой Шадик. Бригада тут, чтобы помочь их силам и показать Шадику как война работает на самом деле.»

Каффран кивнул. Ему особо не было до этого дела, но он не часто разговаривал с Харком. «Тогда, мы сражаемся с государством, сэр?»

«Нет, мы сражаемся все с тем же архиврагом. Хаос запустил свои нечистые когти в Шадик не так давно, пытаясь найти точку опоры, чтобы завоевать всю планету.»

«Полагаю, это впечатляюще, что они сдерживали их так долго,» рискнул заметить Каффран.

Харк пожал плечами. Они молчали пару секунд, потом Харк сказал, «Что ты думаешь, твоя девушка будет делать?»

«Крийд? Думаю, она все сделает хорошо, сэр. »

«Немного рискованно давать женщине командование отрядом, но Гаунт согласился, что это по ней. Кроме того, нам нужен вергхарстец, чтобы сдерживать людей Колеа. Ты думаешь, она потянет? »

«Легко. Я бы о других побеспокоился. Кто будет рядом с ней.» Харк хихикнул и одел фуражку. «Моя оценка точна. Но все еще это будет интересно. Три новых сержанта на поле боя.»

Крийд была не единственной, которой досталось повышение после экскурсии на Фантин. Вергхастцу по имени Аркуда достался взвод Индриммо, и Раглону объявили о том, что он возглавит взвод Адаре. Удача для всех трех, чувствовал Каффран. Индриммо умер на Сиренхольме, Адаре в ходе штурма Уранберга. Колеа, лидер вергхастцев, не умер, но его ранения во время последней фазы сражения за Уранберг украли у него память и самоидентификацию. Он все еще функционировал, физически, но Гол Колеа больше не жил в теле Гола Колеа. Сейчас он был рядовым под командованием Крийд, как часть своего старого взвода. Печально, но так.

«Вижу старые герои Айэксегари и достойные этого звания вернулись на войну,» сказал Харк.

«Сэр?»

Комиссар указал на белые каменные блоки под деревьями. «Те постаменты. Статуи убрали. Даже таблички. Переработаны. Расплавлены для нужд войны. Кто бы тут не стоял, он, возможно, истерически хочет на линии Шадика прямо сейчас в виде снарядной гильзы.

Айэксегари на последнем издохании, Каффран. Выжаты до передела. Мы прибыли вовремя.»

«Сэр.»

«Я надеюсь,» добавил Харк. Может быть они уже мертвы, просто еще дергаются. Думаю мы узнаем.» Его тон был несерьезным, но от его слов Каффрану стало не по себе. Никто не хочет ввязываться в драку, когда она уже проиграна.

Систики начали раздаваться над полем. Они огляделись и увидели, что все пришло в движение. Управляющие подгоняли Призраков на грузовики.

«Вверх и на них,» сказал Харк, поднимаясь. Он отряхнул свой плащ, а Каффран поднял свой ранец.

«Сделай мне одолжение,» Сказал Харк. Пройди дальше по тропинке и посмотри, нет ли отставших. Я придержу транспорт для тебя.»

«Да, сэр.»

Пока Харк шел по траве к зоне высадки, Каффран пошел в другую сторону, осматривая деревья и линию ограды. Он нашел Дерина и Костина, покуривающими лхо.

«Завязывайте,» сказал Каффран. «Мы уезжаем, наконец-то.»

Оба ругнулись.

«И тут рыскает Харк.»

Дерин и Костин закончили с куревом и собрали вещи. «Идешь, Кафф?» спросил Дерин.

«Буду через секунду,» ответил он, и пошел дальше, оставив их брести назад к зоне сбора.

Казалось, все чисто. Каффран только собрался повернуть назад, когда заметил одинокую фигуру у границы поселка, сныряющую под маленькими деревьями.

По мере приближения он смог увидеть кто это: Ларкин.

Лучший снайпер полка так углубился в мысли, что не слышал приближения Каффрана.

Казалось, что он прислушивается к шуршанию ветра сквозь ветки над ним. Его снаряжение и зачехленный лонг-лаз лежали на траве около него.

Каффран снизил темп до шага. Ларкин никогда не был самым спокойным среди Танитцев, но он частично отдался и держал дистанцию со смерти Брагга.

Все любили «Еще разок» Брагга. Тяжело было не любить. Веселый и добродушный, почти кроткий, он пользовался своими известными габаритами и силой, производя большой эффект как специалист по тяжелому вооружению...

даже не думайте о его ужасной меткости, которая дала ему прозвище. Брагг был убит врагом на Уранберге и все скучали по нему. Казалось, что он был одним из постоянных полковых черт, непоколебимый, как скала. Его смерть

кое-что забрала у них. Возможно веру. Даже наиболее фанатичные Призраки перестали верить в то, что они будут жить вечно.

Брагг был ближайшим другом Ларкина. Они были как две стороны искусства, жилистый снайпер и огромный пулеметчик, как Кларко и Клоп, как в Имперских мистических пьесах. Ларкин, возможно, воспринял хуже всех смерть большого человека. Потому что Ларкина не было там, предположил Каффран. Снайпер был в составе миссии внедрения впереди основных сил, и ко времени, когда он вернулся к Призракам, Брагг был уже мертв.

«Ларкс?» начал Каффран.

Нож замерцал. Танитский боевой нож Ларкина, прямой серебряный клинок тридцати сантиметров длиной. Он появился так же быстро, как один из трюков Варла в казарме. Каффран видел клинок и страх в глазах Ларкина.

«Фес!» сказал он, отстраняясь и подняв руки. «Спокойно!»

Казалось, что Ларкину понадобилось мгновение, чтобы узнать Каффрана. Он моргнул, сглотнул, замотал головой и убрал нож. Каффран видел как она дрожит.

«Прости, Кафф,» сказал Ларкин. «Ты меня застал врасплох.»

«Именно так,» согласился Каффран, подняв брови.

«Ты в порядке?» Ларкин отвернулся и стал опять вглядываться в никуда.

«Ларкс?»

«Я в порядке. Просто думаю.»

«О чем?»

«Ничего такого. Ты... один?»

Каффран осмотрелся. «Ага. Харк послал меня собрать всех. Мы выступаем.» Ларкин кивнул. Он казался немного более собранным. Всегда было сложно разговаривать с Чокнутым Ларкином. Он подобрал ранец и положил снайперку на плечо.

«Ты уверен, что в порядке?» спросил Каффран.

«Нервничаю. Всегда нервничаю перед представлением. Неприятное ощущение обо всем этом...»

«Император защищает,» сказал Каффран.

Ларкин прошептал что-то, что Каффран не уловил и схватил маленькую серебряную аквилю, висевшую на шее и поцеловал ее.

«Иногда,» сказал он, «Не думаю, что Император даже обращает внимание.» У парковых ворот причина замедления конвоя стала очевидна. Народ Айэксгаери вышел поприветствовать своих освободителей. Они толпились около врат, заполняя близлежащие улицы, блокируя дорогу массой аплодирующих тел, не обращая внимания на попытки местных арбитров контролировать ситуацию. Позади войсковых грузовиков толпа была словно море с голубыми и золотыми влагами, вперемешку с Имперскими вымпелами. По меньшей мере три группы соперничали в этом.

Женщины несли детей по бокам от ползущих машин и просили гвардейцев прикоснуться к ним на удачу. Местные иерархи при полном параде вышли благословить иномирцев и районный мэр прибыл с делегацией членов городского управления. Голубые шитые золотом флаги украшали фонарные столбы и развевались на ветру. Помощники мэра обступили первого Танитского офицера, чтобы увести его из парка и потащили представить мэру, офицер гарантировал им свободу для города, увешанный гирляндами и по обычай пожимая руки, показывал, что он тут главный. Он не был. Это был Сержант Варл из девятого взвода, которому повезло быть со своими людьми в первом грузовике. Варл наслаждался вниманием, пока его не попросили обратиться к толпе.

Понадобилось более трех часов, чтобы Танитцы добрались из зоны высадки до станции снабжения. Огромный конвой наконец-то избавился от толп и продолжил движение через индустриальный пригород Брюнгатте, где длинные прямые авеню с идентичными жилыми домами из красного кирпича перемежались с залами гильдий, домами чернорабочих и обшарпанными серыми мануфактурами. Начался дождь, легкий сначала, но далее все сильнее и сильнее, до тех пор, пока не превратился в ливень, скрывающий из вида удаляющиеся башни города и скрывавший огромный дворец, возвышающийся над всем.

В дожде станция снабжения была пятном пара. Войсковые вагоны, переделанные из гражданских, были выстроены в линию, локомотивы красно-коричневого цвета пыхтели и выбрасывали пары и сажу. Тракторы с большими цистернами наполняли бойлеры водой, и по конвеерам загружался блестящий кокс.

Воздух пах углем. Раздавались пронзительные свистки. Танитцы слезли с грузовиков и скучковались под временными навесами, пока местная милиция сновала среди них, раздавая посадочные номера.

Тяжелое оборудование и транспорт погрузили на широкие транспортные вагоны. Из-под навесов Танитцы перекликались с Крассианскими солдатами, собравшимися по другую сторону железной дороги. Полки сражались вместе в Уранберге. Старые друзья – и конкуренты – были снова вместе.

Покинув машину, которая привезла его из зоны высадки, Полковник-Комиссар Ибрам Гаунт быстро пробирался сквозь пар и суматоху. Связной офицер приставленный к нему, Майор Нилк Феп Баззел, пытался не отставать. Баззел был низким, пухлым человеком, который держал правую руку в кармане своего зеленого плаща и Гаунт предположил, что тот был ветераном, получившим инвалидность в боевых действиях. Как понимал Гаунт, положение дел в Айэкс Кардинал было таковым что, все способные мужчины, незанятые в тылу, были на фронте. Фронтах, поправил он себя. Это была мировая война с театрами боевых действий на севере и западе Айэксгаери, вдоль суверенных государств южного океана и на востоке.

Баззел был достаточно приятным человеком. Он носил офицерскую фуражку с кокардой из каких-то перьев. Перья поникли в дожде. Он что-то говорил про службу в Банде Сезари, название, которое он упоминал с гордостью, если не предполагать, что это было чем-то особенным, но Гаунт никогда про это не слышал.

«Когда я увижу тактические данные? Схемы расположений войск? Спросил Гаунт, пока они пробирались дальше.

«Будет время, сэр!» ответил Баззел, уклоняясь от тележки с амуницией.

Гаунт остановился и посмотрел на Айэксегарианца. «Я веду своих людей на передовую, майор. И мне хотелось бы знать, что там, пока мы туда не добрались.»

«У нас будет остановка в Ронфорке, штаб-квартире союзников, сэр. Файлы брифингов были отправлены туда.»

«А это вагоны для скота?» спросил Гаунт, хлопая по корпусу ближайшего вагона.

«Да, но --» начал Баззел, пока не понял, что Гаунт уже пошел дальше.

«Сержант Брей! Охраняй свернутые палатки!» крикнул Гаунт.

«Сэр!»

«Обел? Эулер? В каком вагоне вы должны ехать? Посмотрите на билеты, фес вас дерни!»

«Да сэр!»

«Варл? Хорошая речь. Ты проморгал несколько своих людей. Я видел их у бригадирских бараков, они там курили и играли в кости.»

«Будет сделано, сэр!»

Баззел с любопытством смотрел на полковника-комиссара. Несомненно он был героем войны, так они сказали. Высокий, внушительно выглядящий в своем черном кожаном плаще и комиссарской фуражке, с лицом как... как его имя. Узкое, словно высеченное из камня, аристократическое. Баззел кисло отреагировал на то, что он понятия не имел, как должен выглядеть герой войны. Шестнадцать лет на передовой и он никогда не встречал ни одного.

Ему нравилась манера Гаунта. Авторитарная, оживленная, дисциплинированная, и казалось, что он знает всех своих людей поименно.

«Даур!»

Молодой статный Танитский капитан подбежал и отсалютовал Гаунту.

«Ты что-нибудь выяснил?»

Капитан Даур кивнул головой, протягивая планшет. «Я позаимствовал его у одного из местных инспекторов,» сказал он. «В этом больше смысла, чем в непрекращающихся свистках и криках.»

«Дай взглянуть,» сказал Гаунт и изучил данные.

«Все в порядке?» спросил он, пока читал.

«Да сэр. Пытаюсь найти взвод Грелла. Они уже должны быть в вагоне С, но должно быть они потерялись в этом хаосе.»

Гаунт повернулся и заметил. «Я видел их вон там, за сигнальным мостиком, они помогали грузить ящики с амуницией с трактора.»

«Спасибо, сэр,» сказал Даур, забрал планшет и убежал.

«Для вас подготовлено место в вагоне А,» сказал Баззел, но Гаунт его не слушал.

«Хирург Керт? Какая-то проблема?»

Появилась женщина. Она была молодой и носила одолженный дождевик поверх красной медицинской формы. На ее привлекательном лице было мрачное выражение.

«Все медицинские запасы полка куда-то исчезли, Гаунт,» сказала она. Баззел очень удивился услышать от нее фамилию комиссара-полковника без звания.

«Все тут осмотрели?»

«Да все. Дорден уже вне себя от ярости.»

Баззер сделал шаг вперед. «Если позволите, сэр... медицинские припасы должны быть погружены в вагон Е вместе с расходниками. Наверное, их туда уже привезли.»

«Вот и твой ответ, Ана,» сказал Гаунт. «Эффективность Айексегарианцев опережает тебя.» Женщина улыбнулась и исчезла в толпе.

Гаунт, спрыгнув с рокритовой платформы, пошел в стороне от вагонов по гравию. Танитские солдаты прильнули к окнам, а некоторые болтали ногами в дверях вагонов как обезьяны, хлопая и скандируя его имя. «Гаунт! Гаунт! Гаунт!»

Гаунт засмеялся, поклонился, сняв фуражку, и сам захлопал им.

В ответ слышалось «ура!».

«Сорик! Мколл! Халлер! Домор! Спасибо вашим людям за такую теплую поддержку! Готовы выдвигаться?» Раздался хор подтверждений.

«Мы готовы, сэр!» крикнул коренастый, одноглазый старый сержант.

«Рад слышать, Сорик. Скажи парням, чтобы устроились так комфортно, как получится. У нас шестичасовая поездка.»

«Так точно, сэр!»

«До Ронфорка только четыре часа, сэр,» прошептал Баззел.

«Я знаю. Но если они подготовят себя для шестичасовой, четыре им покажется как мгновение. Это называется психологией,» прошептал Гаунт в ответ.

Он снова повернулся к поезду. «Сержант Домор?»

«Сэр!» ответил солдат с большими оптическими имплантами.

«Где Майло?»

«Тут, сэр!»

В дверях вагона появился юноша, самый молодой Танитец из тех, что Баззел видел до сих пор.

«Майло... сыграй нам на дорожку,» сказал Гаунт. Мальчик кивнул и через несколько мгновений заунывная, печальная мелодия разлилась над бурной деятельность. Баззел узнал мелодию: Старый Имперский гимн «Смотри! Триумф Терры!».

Тремя вагонами дальше, Колм Корбек, полковник и второй офицер Танитского полка, слышал волынку, пока закрывал входную дверь вагона.

Корбек был могуч, как дуб, бородатый, с всклокоченными волосами, с бойцовским темпераментом и легким хорошим юмором, и все это делало его любимцем среди его людей.

«Эх, волынка,» вздохнул он. «Возвеличивающая славу Терры до небес в горестном мотиве.»

«Ты слишком много рассуждаешь, для старого феса, иногда, начальник,» сказала Мюрил, снайпер в отряде Корбека, и остальные солдаты засмеялись. Мюрил была Вергхасткой, одной из мужчин и женщин, набранных из улья Вервун, чтобы увеличить изначальную Танитскую силу. Разделенная верность и культурные различия двух сторон – Танита и Вергхаста – долго оставляли неприятный осадок, но сейчас казалось, что они все действуют, как единое целое, чему Корбек был очень рад. Они хорошо сражались вместе, хорошо ладили, отдавая друг другу должное, но как понял Корбек, на самом деле преграды были разрушены, когда они стали использовать матерные слова друг друга. Однажды, когда он услышал, как Вергхастцы говорили «Фес!» и Танитцы «Гак!», он понял, что они чувствуют себя, как дома.

Мюрил была одной из его самых любимых солдат. Как и большинство из Вергхастских женщин-добровольцев, она была великолепным снайпером. Ее запакованный лонг-лаз лежал перед ней на полу, покрытом соломой, на ее полевой куртке с левой стороны между третьей пуговицей и нагрудным кармашком был прикреплен вымпел снайпера из серого шелка. Мюрил была высокой и худой, с длинными темными волосами, которые она заплела в хвост, и узким лицо с острым носом. Хитрыми темными глазами и приятной улыбкой. Корбек видел, как ее ранили в битве за Сиренхольм. И, кстати, его самого чуть не убили, когда он вытаскивал ее с поля боя. Несмотря на то, что хирургам пришлось пересобратить ей тазовые кости, она восстановилась фесово быстрее, чем он.

Его все еще трясло, он все еще был слаб, хотя он храбро это переносил. Некоторые отмечали, что он очень сильно похудел. Я старый, говорил Корбек себе. Восстановление длится гораздо дольше у человека моих лет.

Старый по многим параметрам, отметил он. Сехра Мюрил была такой же прекрасной, как и любая девушка, за которыми он давным-давно ухаживал в Кантри Прайз, но он понимал, что она теперь не в его лиге. Он знал, что некоторые молодые солдаты соревнуются за ее внимание. Мюрил все равно обращала внимание на Корбека, на самом деле больше пугаясь и это видно было по ее взгляду. Взгляду, каким девушка смотрит на своего отца.

Мколл, начальник разведчиков полка, сказал Корбеку, что Мюрил допустили к тренировкам разведчиков. Если она преуспеет, Корбек потеряет ее, но он не завидовал. Незаметность была сильной стороной Танитского Первого, и

пока еще ни один Вергхастец не заслужил находиться среди них. Мколл старался изо всех сил, чтобы кто-нибудь из них подошел, и если это будет Сехра Мюрил, то Корбек решил, что не почувствует ничего, кроме фесовой гордости.

Поезд зашатался и пришел в движение. Корбек облокотился на стенку вагона.

Он вытащил колоду карт таро из кармана и ухмыльнулся. «Итак, мальчики и девочки. Кто хочет сыграть в Раздень Солона?»

Поезд Е тронулся, скрепя всем корпусом и набирая скорость.

Майор Элим Роун. Третий офицер полка после Гаунта и Корбека, сел в первый вагон и взял сигарету с лхо у своего адъютанта, Фейгора.

«Что ты об этом думаешь, майор?» спросил Фейгор.

Фейгор был порочным человеком, высоким и худым, который присоединился к Роуну с самого начала. Поговаривали, что на Таните они проворачивали темные делишки. Это было похоже на правду.

Роун был суровым, в том смысле, как могут быть суровыми змеи и орудие. Стройный, но крепко сложенный, Роун был красивым, с глазами, как Корбек заметил, которые могут заставить Сороритас снять с себя трусы. Когда это замечание дошло до Роуна, то он только отметил, «Эм. Разве они носят трусы?»

Роун ненавидел Гаунта. Это было просто. Он ненавидел его за многое, но более всего за то, что тот позволил Таниту умереть. Но это была старая ненависть, постепенно исчезающая. Сейчас он терпел Гаунта. Даже в этом случае, большинство солдат думали, что Роун самый противный, которого мог предложить Танитский Первый.

Они ошибались.

Муртан Фейгор потерял голосовые связки в битве за улей Вервун, и каждое его слово было ровным и монотонным из-за голосового импланта в глотке. С тех пор его голос постоянно звучал саркастически, хотя некоторые Призраки, Варл и Корбек в частности, имели мнение, что это не было из ряда вон выходящей травмой, потому что так было всегда. Агрессивный, как

распоследняя чумная крыса, он был лживым и коварным и доверял только Роуну.

Но он не был самым противным в Танитском Первом.

Роун выпустил густой голубой дым, пока думал над вопросом Фейгора. «Окопная война, разве не так, Мюрт? Продолжительная, старина. Будут окопы, попомни мои слова. Фесовы полевые укрепления.

Проведем время, работая с девяносто седьмым как чернорабочие или укрываясь в чьем-нибудь ублюдочном сортире.»

«Понял тебя,» сказал Фейгор с отвращением. «Фесовы окопы. Фесовы девяносто седьмые.» Девяносто седьмой представлял из себя стандартное устройство Имперской гвардии: тяжелое кайло, которое можно переносить, отделив черенок. Оно официально наименовалось «Имперский инструмент (Основные Полевые Укрепления) тип 970». Каждый Призрак носил такой в кожухе, прикрепленном тесьмой сзади.

«Окопы,» проворчал Роун. «Снова будет как Фортис Бинари.»

«Фортис, фесов, Бинари,» отозвался Фейгор.

«Где это было?» прошептала Бэнда Каффрану. Они сидели недалеко, спиной к двери, достаточно близко, чтобы услышать замечание командира взвода.

«До тебя,» ответил Каффран. Жесси Бэнда была Вергхасткой, еще одним высококлассным снайпером, как Мюрил. Фортис Бинари была адской дырой, которую выдержали Танитцы, несколькими годами ранее до битвы за улей Вервун, где были набраны новые рекрутты.

«Это был мир-кузня,» объяснил Каффран. «Мы долго торчали в окопах. Это было... неприятно.»

«Что случилось?» спросила Бэнда.

«Мы выжили,» прорычал Роун, прислушиваясь к ним.

Это был прямой намек, но Бэнда только подняла брови и оскалилась, не обращая внимания. Майор Роун никогда не маскировал свое презрение к солдатам женщинам. Он не верил, что им место в Танитском Первом. Бэнда часто удивлялась почему так. Иногда даже спрашивала его об этом.

«Какой-нибудь совет?» спросила она.

Дерзость в вопросе застала врасплох Роуна на секунду, но это были фесовы женщины. Он попытался ответить что-нибудь хорошее, но кроме как «Пригибайся» ничего не шло в голову.

«Этого достаточно,» кивнула она.

«Ты это слышал?» внезапно спросил Фейгор.

«Что?» спросил Роун.

«Повышенный тон. В другом вагоне.»

Роун нахмурился. «Ты понял, кто это?» сказал Роун.

«Я тебе опять не буду этого говорить,» сказала Тона Крийд.

«Ну так не говори,» ответил Лайжа Кью, даже не смотря на нее. Каждый член взвода Крийд, толпившиеся в вагоне, стихли и осторожно смотрели на конfrontацию.

«Ты осмотришь свою амуницию и оружие, солдат,» твердо сказала Крийд.

«Потеря времени,» ответил Кью.

«Тебе есть, что делать что-то еще?» спросила она.

Кью впервые посмотрел на нее, своим холодными зелеными глазами.

«Дофига,» сказал он.

Еще никто не осмеливался иметь дело с Тоной Крийд после ее повышения. Стройная и крепкая, с осветленными короткими волосами, Крийд была гангстером из трущоб улья Вервун, окружение привило ей сообразительность, рефлексы и боевые навыки. Хотя она была молода, это ни о чем не говорило, и она была одной из самых жестких солдат-женщин. У нее не было специализации, как у Бэнды или Мюрил. Она была обычным солдатом с опытом на передовой.

Ее повышение до сержанта, и командование отрядом соответственно, не было легким выбором. Гаунт сделал это по совету Харка. Харк верил, что это будет правильным знаком для всех солдат в полку... воспринимать Вергхастцев серьезно. Воспринимать женщин серьезно.

Вообще-то десятый взвод нуждался в Вергхастском офицере, потому что Колеа был непригоден. Он получил уважение почти автоматом за свои действия в ходе партизанской войны за улей. Но его отряд был сплочен и все знали, что они не воспримут дружелюбно перевод к ним кого бы то ни было. Было несколько непокорных в десятом взводе, и никого хуже Лайжи Куу.

Куу был засранцем, без сомнений. Отличный солдат со способностями, которые могли бы его перевести в разряд снайперов или разведчиков, но у него был примечательный шрам, пересекающий лицо сверху до низу. На Сиренхольме, его обвинили в страшном убийстве гражданского и чуть не расстреляли, пока Гаунт не вытащил его. Невиновный в этом, возможно, но виновный во многом другом. Факт в том, что он любил орудия убийства. В Гвардии такие попадаются.

Гаунт решил перевести Куу из десятого взвода, но он знал, что это подорвет авторитет Крийд. Призраки подумают, что он делает Крийд одолжение. И он сказал ей, что ей придется иметь дело с Куу.

Крийд выдержала взгляд Куу не моргнув. «Подведем итог,» сказала она медленно и четко. «Ты член десятого взвода. Я командующий офицер. Я только что отдала приказ Десятому на время передислокации проверить оружие и амуницию, и все счастливы сделать это. Не так ли? Лубба?»

«Так точно, мэм,» прохрипел огнеметчик в бандитских татуировках.

«Нэсса?»

Взводный снайпер, оглохший в улье от разрыва снаряда, показала «да».

«Жажко? Хвлан? Какие-то проблемы с приказом?»

Жажко, метис из Вергхаста, с темно-коричневой кожей и темными глазами пожал плечами и улыбнулся. Разведчик десятого Танитского взвода Хвлан живо кивнул головой, «Да, м – сарж!»

«Кажется, только у тебя проблема, Куу.»

«Кажется так. Точнее некуда.» Он улыбнулся. Это была самая тревожная улыбка в Империуме. Самые злые служители Хaosa были убиты с такой улыбкой.

Тона Крийд не улыбалась. Глубоко внутри ее тряслось. Величайшим страхом не были ни смерть, ни страшные раны. Величайшим страхом была неудача. Неудача в том, что Гаунт доверил ей.

Она подчинит взвод себе. Или умрет, пытаясь. И умрет, пытаясь, казалось наиболее возможным вариантом.

«Сделай это сейчас,» сказала она.

Куу демонстративно скинул ранец и оружие на пол и достал сигарету с лхом, которую зажег от спичечной коробки. «Знаешь, что я ненавижу,» сказал он, выдыхая на нее дым. «Что я ненавижу, так это то, что ты говоришь со мной, как со своими гаковыми детьми.»

«Ох фес меня!» Врил прошептал Хвлану. «Сейчас будет драка».

«Именно так,»sarкастически ответил Хвлан.

Если вы что-то и хотели сделать правильно, так это не упоминать детей Крийд. Йонси и Далин. Они не были ее биологическими детьми, только приемышами, которых она спасла в улье Вервун, и приглядывала за ними с тех пор. Она и ее парень Каффран стали родителями для обоих, и пока их не было, за ними присматривали люди из обоза. Это была одна из счастливых историй в Танитском Первом. Крийд и Каффран по-настоящему любили детей, которых спасли от смерти... вы даже не представляете, ни на фес, насколько.

«Что ты сказал, солдат?» спросила Крийд.

«Начинается,» тихо сказал Врил.

«Эх, фес с ним,» прошептал Хвлан. Он вытащил черенок от девяносто седьмого, и воспользуется им как дубинкой. Если дойдет до рукоприкладства, он будет на стороне Крийд. Куу был злобным червем. Разведчик видел, как ДаФелбе и Скин тоже приготовились ворваться, как и Несса.

Но если до этого дойдет, Хвлан подумал, вмешается ли он? Поблагодарит ли Крийд их?

Возможно, нет. Она хотела утвердить свое командное положение над Куу, расставить точки. Хвлан чувствовал руку Врила на своей, придерживающей ее. Врил чувствовал то же самое.

Куу вынул сигарету из рта. «Я сказал, что мне не нравится, когда ты говоришь со мной так, как будто я один из твоих детей. Почему? Тебя это расстроило?»

«Вовсе нет,» мягко сказала Крийд. «Но я отметила, что ты не выказываешь уважения к моему рангу с начала нашего разговора. «Сержант» или «Мэм» прикончит тебя?»

«Гак, если я захочу выяснить,» сказал Куу, подмигивая окружающим солдатам.

«Не стоит так говорить,» произнес кто-то с конца вагона.

«Что?» усмехнулся Куу.

«Не говори так. Не смей.» Это был Колеа. Он медленно поднялся и стал подходить к Куу. Что-то было смутно враждебное в его глазах, но на лице была написана отстраненность. Ранение в голову на Уранберге сделало его медленным и прямолинейным. Он невнятно произносил слова.

«Сядь, тормоз,» игриво произнес Куу. «Найди мозги. Слышал они в стеклянном ящике у локсадов.»

Лубба, верный Колеа, взметнулся к Куу, рыча, но Крийд опрокинула его на задницу.

«Я тебя понимаю,» сказала она ему. «Но мне не нужны разногласия во взводе.»

«Да мэм,» сказал Лубба.

«Почему ты такой засранец?» Спросил Колеа Куу. Он прошаркал вперед, отведя глаза в смущении. «Все в порядке, Гол. Присядь,» сказала Крийд. «Присесть, сарж?»

«Ага, присядь, я разберусь.» Колеа стоял в нерешительности. «Вы уверены, сарж? Этот... Этот человек очень плохо говорил.»

Крийд знала, что Колеа пытался вспомнить имя Куу, но не смог. Она так же знала, что он звал ее «сарж», только потому, что видел ее лычки.

«Садись, рядовой Колеа.»

«Так точно.»

Крийд посмотрела на Куу. «Приказываю осмотреть снаряжение.»

«Или что?»

Крийд нанесла удар по лицу Куу, тот увернулся, но это было уловкой. Это был отвлекающий маневр и она ударила его левой ногой по колену.

Куу крепко приложился об пол, покрытый соломой. Крийд сидела на нем, одной рукой держа за волосы и давя коленом на шею.

«Или я надавлю авторитетом,» сказала она.

Куу ответил отборным матом. В ответ он припечатал его лицо к полу.

Послыпался треск и это было не дерево.

«Ты гакова сука!» Куу закашлял, когда она оттянула его голову за волосы. Кровь бежала из носа.

«Хочешь продолжить, рядовой Куу?»

«Гакова су--!» Еще один удар об пол.

«Ооо, ты становишься умнее!» Врил открыл рот от удивления.

«Могу продолжать до тех пор, пока не надоест, потом отдам тебя Гаунту... » сказала Крийд, давя коленом на спину, пока он не начала орать, « ...или ты осмотришь оружие и амуницию и будешь меня звать по званию. Что скажешь, Куу? Что ты, гак тебя, скажешь?»

«Я проверю амуницию, сержант!»

«...это правильный ответ. Вставай.»

Она слезла с него и он откатился в сторону. Все лицо было залито кровью.

«Свободен, Куу.» Куу забрал амуницию и оружие и забился в самый дальний угол вагона. Члены взвода похлопали и Крийд слегка поклонилась.

«Чего вы не сделаете?» спросила она.

«Иметь дело с вами!» отозвался Лубба.

«Великолепно. Так держать.»

«Тут все нормально?» спросил Фейгор, открыв дверь между вагонами.
«Конечно,» сказала Крийд. «Что с Куу?» спросил Фейгор. «Ничего,» сказала она.

«Нормально, что он истекает кровью?»

«Да.»

Фейгор пожал плечами. «Роун сказал, тише тут.»

«Да мы и так.»

«Хорошо,» сказал Фейгор и вышел.

Крийд подошла к Колеа и присела. «То, что ты сделал было неплохо.» «А что я сделал?» озадаченно спросил он. «Не бери в голову,» вздохнула она.

Гаунт ехал в поезде А. Его вагон был был первого класса, но дни роскоши давно прошли. Хотя даже сейчас обивка была куда фесово лучше, чем в том, в чем ехали его Призраки.

Он сидел в компании Баззеля, Главного Медика Дордена, Харка и полкового капеллана Цвейла. Его адъютант, капрал Белтайн, ожидал у двери.

Цвейл и Харк о чем то болтали, но Гаунт не обращал внимания. Он смотрел на проплывающие долины и поля и деревья и городки Миттэл Айэкса.

Док Дорден подался вперед и тронул Гаунта за колено. «Доверяешь им?» Гаунт улыбнулся серовласому медику. «Если честно нет. Пытаюсь сосредоточиться.»

«Пустой ум подобен горшку, в который нассал Хаос,» сказал Цвейл. Баззел выглядел шокированным.

«Шучу,» сказал старый жрец, сдавленно фыркая в бороду. Он раскурил трубку.

«Тут не курят,» сказал Баззел.

«Я знаю!» спарировал Цвейл, неубедительно. Он поднялся. «Пойду благословлю блудных засранцев,» сказал он и пошел дальше по коридору.

«Ваш капеллан... необычный человек,» сказал Баззел.

«Без шуток,» сказал Харк.

Гаунт вернулся к созерцанию окружающей местности. Низкая холмистая местность с лесопосадками и маленькими озерцами. Можно было сказать, что это живописно, если бы не погода. Дождь хлестал по окнам.

«Мы едем в Ронфорк?» спросил Баззела Дорден.

«Да, доктор.»

«С какой стороны Долины Наэме?» Баззел кивнул. «Наэме окружена по фронту в центральном секторе.»

«Окопались?» Спросил Харк.

«Еще как,» сказал Баззил, «давно уже.»

Харк почесал мочку уха. «Значит фронт на мертвоточке, как нам и говорили?»

«Ну мы продвигаемся,» решительно сказал Баззел.

«Так же как и они,» сказал Гаунт. «Как я понял, тут тридцатикилометровая территория шириной и в тысячу километров длиной, оспариваемая уже сорок лет. Сплошной ад.»

Баззел пожал плечами. «Это тяжелая война.»

«Это тупик,» сказал Харк. «Который нам нужной преодолеть. Ставлю на то, что вы используете Танитские силы и разведчиков?»

Баззел выглядел смущенным. «Я понимаю, что вы были на передовой. Поэтому вас послали к нам. Передовая.»

Харк посмотрел на Дордена и оба вздохнули. Гаунт подозвал Белтайна кивком. «Сэр?»

«Можешь меня связать с лордом-генералом?»

«Боюсь, что нет. Помехи. Вокс накрылся.»

«Когда мы доберемся до Ронфорка, найди Мколла и пусть его отряд выдвигается в линии фронта. Я хочу детальную информацию до того, как мы двинемся дальше.»

«Да, сэр!»

Гаунт посмотрел на Баззела. «Мои Призраки будут сражаться до конца: лучше, храбрее и сильнее, чем любые солдаты, которых вы до этого видели. Но я не хочу видеть их в мясорубке медленной окопной войны.

У них есть навыки, и я хочу, чтобы они их использовали.»

Баззел дружелюбно засмеялся. «Уверен главнокомандующий понимает это, сэр,» сказал он.

Поезд замедлился. Снаружи, Гаунт увидел, что ландшафт изменился. Растения казались серыми и больными и сельхозугодия превратились в серую массу. Пеньки покрывали пространство как на кладбище. Они проехали, как минимум, одну команду лесопильщиков, работавших на склоне, выпиливавших деревья с помощью машин, выбрасывающих в воздух искры и древесную пыль. Дороги были переполнены телегами, которые тянули волы.

Городки и деревеньки были заброшены и утопали в грязи. Окна закрыты на ставни. Кое-какие были засыпаны и обнесены оградой с восточной стороны, пятая часть домов была снабжена генератором щита. Кроме генераторов щита и машин больше ничего металлического не было.

Они проехали деревню, где звучали колокола и горны. Ветер с запад приносил не только дождь, но и желтый смог. Горожане на улицах шли по делам в масках и респираторах.

Они стояли на станциях – палаточные городки боролись с наплывом раненых, прибывающих с фронта. По подсчетам Гаунта, они были все еще за сотню километров от настоящего фронта. Эта война была старой, хронической.

Он чувствовал это. Война имеет свой особый запах. Не фуцелина, не прометиума, не воды и грязи, не крови, не говна, даже не отложенным чувством смерти. Все это витало в воздухе.

У войны металлический привкус. Вы даже можешь это почувствовать. Минерал, извлеченный и переработанный. Пахнет сталью и ненавистью. Чистой, отвратительной, универсальной.

Гаунт чувствовал это на Балгауте, на Вольтеманде, на Калигуле, Фортис Бинари, Буцефалоне, Монтаксе, Вергхасте, Хагии, Фантине и всех других. Этот

аромат чистой войны, просачивался сквозь любые другие, сопровождавшие людской конфликт.

Это должно стать тяжелым испытанием. Айэкс Кардинал будет стоить им жизней. Это витало в воздухе.

Война. Ждет их. Старая и коварная, как бессмертный зверь, готовый к прыжку.

Готовая убивать.

ДВА

РАНЕНАЯ РЕКА

«От Бассина до Серрона сельская долина вверяет себя посетителям, старые церкви, кафе и гостиницы, спокойные тропы и мирные берега рек.»

-- Туристический Проводник Вебера по Миттел Айексу, издание 720

Земля была испещерена древними, заполненными водой, дырами от снарядов, насколько хватало глаз. Рябая поверхность, похожая на кратеры какой-нибудь мертвой луны. Влажная почва была серо-зеленой и лужи казались темными изумрудами, хотя некоторые были покрыты пеной. Казалось, что тут нет ничего выше человеческого плеча. Несколько пеньков торчали из грязи, случайные остатки деревьев, железные ободы, колышки и мотки колючей проволоки.

Небо было свинцовым и казалось изогнутым с пятнами серых и желтых облаков. К востоку темная пелена дождя накрывала горизонт грязным пятном.

Мколл опустил бинокль и сплюнул на землю. Воздух был тяжелым с запахом извести, который забивал глотку. Он чувствовал песок на зубах. Это был запах мертвой земли, земли вскопанной, измельченной и выброшенной назад столько раз, что вся пыль стояла в воздухе.

«Как тут фесово хорошо,» пробормотал Бонин с сарказмом.

Мколл глянул на него и кивнул. Это место беспокоило. Танитские разведчики обладали безошибочным чувством направления, но местное болото вокруг них заставляло думать, что они вообще непонятно где. Все его люди казались

озадачены: обычно неунывающий Бонин, Каобер из взвода Гаунта, Хвлан из десятого, Баен из ватаги Варла. Даже Мквеннер, опора Корбека, молчаливый разведчик из второго взвода, всегда невозмутимый, казался встревоженным.

У Каобера была небольшая карта, которую Гаунт дал ему. Он держал ее, водя указательным пальцем в недоумении. «Ситвэйл Вуд,» произнес он наконец.

«Ситвэйл Вуд?» повторил Хвлан, делая ударение на втором слове.

Каобер пожал плечами. «Полевой артиллерию все равно,» сказал он, «после нее все кажется одинаковым.»

Виднелись тропинки, изрезанные колеями и трясиной. Разведчики выдвинулись позади Мколла, направившись на северо-восток. Примерно через километр, они вышли к разилке с временным указателем. «55th/9th rg» было написано с одной стороны. На другой: «916th /88th ac». «R' forq ASHQ & 42th rg» было обозначено на стороне, откуда они пришли. Последний знак, указывающий на запад, гласил «Настоящая Жизнь».

«У нас гости!» крикнул Баен. На дороге позади них появился свет от фар и послышался звук двигателей. Мколл увел людей с дороги.

Трясущиеся грузовики, заляпанные грязью, проехали мимо и повернули на восток. Позади них прогрохотали тракторы, таща части полевых пушек. Пехота Альянса Айэкса в зеленых плащах прошли в хвосте колонны. Головы были покрыты брезентовыми капюшонами с прорезями для рта и глаз. Большинство несли металлические брусы или мотки колючей проволоки, чтобы подкладывать их под колеса, если машины застрянут. Люди в капюшонах напомнили Бонину пугал, расставленных на фруктовых полях в Кахалик Кантри. Никто не обратил внимания на группу Танитцев.

Двадцать тракторов, тридцать, тридцать пять, потом двенадцать повозок высокими бортами, наполненными боеприпасами, зафиксированными для безопасности. Повозки тянули хиппины, по десять на каждую.

Эти животные были тощими с дикими глазами, они воняли болезнью, хранили и фыркали, каждый шаг давался с трудом.

За медленными повозками шла пехота, волочась под тяжестью амуниции, головы были замотаны грязными шарфами. Мколл увидел, как офицер отошел от колонны к указателям и стал показывать солдатам направление.

Через несколько минут офицер повернулся и пошел к Танитцам. Его плащ был перепачкан, и когда он убрал шарф с грязного лица, Мколл был поражен тем, как молод был офицер.

«Потерялись?» начал он. Затем он заметил лычки Мколла и отсалютовал более формально.

«Нет,» сказал Мколл, сделав к нему шаг. «Сержант Мколл, Первый Танитский.»

«Вы из Имперских сил?»

«Так точно.»

«Лейтенант Февриерсон, тридцатый батальон, Генсвик Фут.» Его акцент сухим и отрывистым.

Айексегариенец.

«Рад видеть вас. Где ваши войска?»

«Двигаются позади,» ответил Мколл. «Командование послало нас разведать путь.»

«Разведать... ?»

«Оценить позиции на передовой,» пояснил Мколл. Молодой человек кивнул головой. Это все из-за акцента, подумал Мколл. Как мой непривычен для него, так и его для меня. Это, и то, что они еще пользуются старыми терминами. Он напомнил себе, что эта война – этот мир – очень долго был в изоляции.

«Мы движемся к 55-му сектору,» сказал Февриерсон. «Присоединяйтесь.» Мколл благодарственно кивнул и подал сигнал рукой, который лейтенант не заметил.

Тотчас пять человек из его патруля оказались рядом. Они присоединились к медленному потоку пехоты Альянса.

Февриерсон слегка побеседовал с ними, пока они шли. Он немного подозрительно относился к иномирцам.

Их амуниция была очень чистой и в хорошем состоянии, кроме пятен, образовавшихся после дневного похода. Материал формы он не смог

определить. Она выглядела удобной и крепкой, возможно синтетической. Они несли внушительные винтовки, и было непонятно, где отсек для обоймы. Может быть энергетическое оружие? Февриерсон никогда еще не видел лазгана так близко, и его смущала длинная тяжелая огнестрельная винтовка, которую он нес. У иномирцев еще были энергетические прицелы и комм-линки в ушах. Индивидуальные солдатские комм-линки! Они точно не из наших мест, как персонажи из дешевого фантастического романа, который его брат купил у газетчика.

«Передислокация?» спросил Мколл.

«Ага. С неделю как нас подняли и еще две недели мы проторчали в резерве.»

«Ты со своими людьми простоявал целую неделю?»

«Ага.» Мколл еще раз мельком взглянул на ужасное состояние местных, но Февриерсон заметил взгляд.

«В Джен-Фроу негде помыться. Дров нет. Воды для прачечной тоже.» Мколл кивнул. «Не хотел выказать неуважение.»

«Да, конечно,» убедительно произнес Айэксегариенец.

«Вы скоро тоже будете все в грязи,» пробормотал кто-то в колонне. Люди рядом захихикали.

«Довольно, Херцер!» прорычал Февриерсон.

«Все нормально,» сказал Бонин. «Мы хорошо умеем пачкаться. В грязи мы тоже раньше дрались.»

«Где ваш старший офицер?» спросил Мколл Февриерсона.

«Да это я и есть,» сказал он.

Посыпался свисток откуда-то с конца эшелона, затем еще один, и еще, приближаясь по колонне.

Февриерсон взял свой и тоже свистнул. «С дороги! С дороги!» Мколл решил было, что это атака, хотя больше не было никаких знаков, да и окружающий мокрый ландшафт был практически тих.

Они услышали «копыта». Кавалерия галопом двигалась по дороге и пехота ушла в сторону, чтобы дать им проехать.

Айэксегариенцы приветствовали их, размахивая шарфами и головными уборами.

Кавалеристы были одеты в голубые с золотом плащи, ярко-зеленые пояса и белые высокие кивера. Они сидели строго вертикально и надменно, глядя вперед, сабли звенели у них на бедрах. Они ехали верхом на огромных нелетающих птицах с серым оперением и широкими клювами, покоящимися на массивных ляжках.

«Фес меня!» сказал Хвлан.

Передние наездники держали пики с колыхающимися знаменами, остальные везли короткоствольные винтовки.

Казалось, что у них нет ничего, напоминающего уздечки.

«Гусары. Гусары-карабинеры,» гордо сказал Февриерсон. «Прекрасное зрелище.»

«А что это за большие птицы?» спросил Каобер.

«Страусы,» сказал Февриерсон. Он нахмурился. «Вы раньше не видели страусов?»

«Я много чего повидал,» сказал Каобер. «Но теперь я точно видел все.»

«У них нет уздечек,» сказал Мколл. «Как они ими управляют?»

«Они пси-кавалеристы,» сказал Февриерсон. «Им нужны обе руки, чтобы управляться с карабинами, так что у каждого есть свой кукловод, связывающий его с животным.»

«Имплант? Аугметика?»

«Я не знаю таких слов. Маленькая машинка кукловода. Ее хирургически помещают в голову. Что-то такое вживляют и страусу. Это создает ментальную связь и позволяет человеку управлять птицей.»

Более шестидесяти гусар проехали мимо и пехота вернулась на дорогу. Мколл видел как несколько Айэксегариенцев вытащили перья из грязи и прикрепили к застежкам плащей.

«На удачу, » сказал Февриерсон.

Через сорок пять минут, Мколл заметил, что дорога стала идти под уклоном, хотя окружающий ландшафт был все таким же, насколько хватало глаз. Они подходили к задней сети окопов. Горизонт был раньше чист потому, что все жизненно важное было утоплено и вкопано.

Работы тут были проделаны ошеломляющие, траншеи шириной как городские улицы и десяти метров глубиной. Там, где докопались до воды, был настил из досок и команды саперов выкачивали воду ручными насосами. Лампочки гирляндами свисали с аккуратно облицованных стен, и Мколл чувствовал запах озона от пустотных генераторов. Бронемашины и грузовики спускались к рабочей линии и, когда одна из машин появлялась, им приходилось вставать в ниши в стенах, чтобы дать ей проехать. Солдаты сновали туда-сюда. Кто-то в зеленом, кто-то в сером, несколько в голубом с золотым или красно-коричневом, все местные, все грязные. Ощущалось так, словно входишь в частично закопанный город. Некоторые секции траншеи были накрыты проволочной сеткой, с лампочками, свисающими с нее.

«Это нечто,» сказал Баен Мколлу. «Я ожидал траншеи, но точно не такие.»

«У них было сорок лет, чтобы так отстроиться,» сказал Мколл.

И они отлично это сделали. Впечатляющие, резервные траншеи шириной с главную городскую дорогу, часто укрепленные рокритом, в которых были выкопаны ответвления бараков на западе и траншеи для снабжения и коммуникаций на востоке, тянувшиеся к фронту. Протянувшись от складов и глубоких укрытий с амуницией, траншеи поддержки были неглубокие, но зигзагообразные, или пересекались с большими ходами, чтобы их было легче защищать по секциям. Примерно в километре, на востоке, по предположению Мколла, располагались огневые траншеи. На западе в тылу, были глубокие шахты соединенные узкоколейной железной дорогой.

«Орудийные ямы,» сказал Февриерсон. Даже главную артиллерию глубоко вкопали, подумал Мколл. Рельсы предназначались для вагонеток, подвозящих боеприпасы. Чуть позже они остановились, чтобы пропустить тележку со снарядами большого калибра, которую тащили с орудийным ямам. Февриерсон посмотрел на часы. «Готовятся к ночному обстрелу,» сказал он.

Генсвик Фут остановились в огневой траншее, как докладывал Февриерсон в бункере сектора. Он взял Мколла с собой.

Бункер представлял из себя скопление бронированных комнат, глубоко закопанный, в стороне от главной резервной траншеи.

Внутри было жарко и сыро и суетливо. Были комната брифинга с картами, и комната с voxом, где операторы сидели за громоздкими старомодными установками связи.

Связка толстых кабелей связи тянулась сквозь переднюю комнату и исчезала в амбразуре.

В передней комнате потные, краснощекие посыльные сидели на лавке, ожидая, новых указаний.

Мколл ждал у бронированной двери Февриерсона, который зашел внутрь. Со своего места Танитец видел маленькую командную комнату, заполненную военными и окружившими маленький стол с картой. Они все были в поношенной, но впечатляющей униформе: еще больше голубого и золотого, больше зеленого, немного желтого, немного серого, и немного темно-красного.

Мколл еще ничего не знал о различающихся инсигниях или униформе. Люди в сером были немного более темнокожими, а некоторые, в красном, были рыжими или блондинами.

Февриерсон докладывал болезненного вида генералу, чья зеленая униформа казалась плохо подогнанной. У него было вытянутое лицо. Он похудел с тех пор, как ему сшили этот комплект, подумал Мколл.

Генерал поговорил с Февриерсоном немного, указывая на карту, и подписал лист с приказами. Затем Февриерсон сказал что-то и указал на Мколла.

Генерал кивнул и пошел к Мколлу. Мколл отдал честь, как и генерал.

«Мы не ожидали вас еще пару дней,» сказал генерал.

«Мы не боевая группа, сэр. Мой командир приказал выдвинуться вперед, чтобы разведать обстановку.»

Генерал кивнул и затем удивил Мколла, сделав знак аквилы и протянув ему руку.

«Все равно я очень рад вас видеть и благодарение Трону, что вы прибыли. Я Харгютен, 55-ый регион. Добро пожаловать на Линию Пейнфорка.»

«Сэр. Мколл, Танитский Первый.»

«Вам что-нибудь нужно, сержант?»

«Взглянуть на передовую и возможность доложить в Ронфорк,» сказал Мколл. Он предоставил бумаги, которые дал ему Гаунт, подписанные Баззелом.

Генерал Харгютен глянул на них. «Ждите тут,» сказал он. «Генсвик отправляется к пункту 143, так что вы можете отправиться с ними.»

Он ушел посовещаться с другими военными. Пока Мколл ждал, он заметил, что один из офицеров в красном осматривал его с головы до ног. Полковник, по лычкам. Мколл ничего не знал об его инсигнии с перекрещенными саблями и драконом.

«Имперец?» сказал он погодя, его акцент был чем-то новым для Мколла. Низкий, гортанный, сильный.

«Да, сэр.»

«Прибыли спасти нас.»

«Прибыли сражаться с архиврагом, сэр.»

Полковник фыркнул. Он был очень бледным и слегка веснушчатым, его волосы были ярко рыжими на выбритой по бокам голове. «Мы можем выиграть эту войну,» сказал он. «Без сомнений.»

«Без вашей помощи,» закончил он.

«Мне нечего сказать, сэр.»

Полковник проворчал что-то и отвернулся. Февриерсон вернулся с генералом.

«Бумаги в порядке, сержант,» сказал Харгютен, возвращая их Мколлу. «Идите с лейтенантом. Осмотритесь. Мои наилучшие пожелания вашему командиру.» Мколл спрятал бумаги в мешок и отдал честь.

«Осмотрите фронт,» бросил вдогонку полковник. «Поглядите на войну, какую еще не видели.»

«Я знаю войну, сэр,» сказал Мколл и вышел из бункера.

«Шлейк меня! Не верю что ты это сделал!» воскликнул Февриерсон, пока они выходили через дымовую завесу на сырой вечерний воздух.

«Сделал что?»

«Поддел его!»

«А кто это был?»

«Рэджак!»

«Кто?»

Февриерсон взглянул на Мколла, как на сумасшедшего. «Рэджак... Рэджак Анkre, из Коттмарка?»

«Понятия не имею.»

«Коттшадские Виверны?»

«Серьезно, я не знаю. Коттмарк это соседняя страна, так?»

«Ага... и одна из главных участников в Альянсе. Нас бы уже не было, если бы они к нам не присоединились двадцать лет назад.»

«И этот Рэджак... какой-то особенный?»

«Их лучший полевой командир. Возглавляет Вивернов. Они бешеные. Нам повезло иметь их в этом секторе.»

«Уверен, что так.»

Темнело. Февриерсон приказал солдатам выдвигаться, и они пошли сквозь зигзагообразные траншеи к линии фронта. Дальше не было ничего, на что надеялся Мколл. Нет было электрических лампочек, иногда попадались лампы с прометиумом. Грязные огневые траншеи, углубленные на три метра и хорошо укрепленные металлическими ячейками, наполненными землей. Стрелковые ступени, выложенные из камня, поднимались к брустверам и металлическим петлям. Несмотря на досчатый настил, траншеи были заполнены жидкой грязью и паразитами.

Солдаты в окопах, в голубых плащах, начали медленно отступать, и люди из Генсвик Фут стали заменять их.

На небе собирались облака и казалось, что свет исходит из них. Где-то загрохотал гром.

В траншее был гомон. Мколл повернулся к своим людям. «Каобер, Баен, Бонин... наверх. Мквеннер, Хлан... в прикрытие. Двадцать минут и назад. Поглядим, что вы увидите.» Они пошли, но Мколл придержал Мквеннера ненадолго.

Неофициально, Мквеннер был втором среди разведчиков, полностью преданный и абсолютно беспощадный в том плане, в каком Мколл, благодаря своей репутации, не мог быть. Некоторые Танитцы поговаривали, что Мквеннер изучал древнее искусство рукопашного боя цвэльхэл, искусство боя Налшинов, легендарных воинов, которые поддерживали порядок в феодальные времена Танита. Мколл всегда отвергал эти предположения, по большей части потому, что это было правдой, и он знал, как Мквеннер прикрывает ему спину.

«Пригляди за Хланом,» сказал ему Мколл. «Десятый взвод еще не восстановился под командованием Крийд. Убедись, что с ним все нормально.»

Мквеннер кивнул и удалился. Мколл смотрел на высокую, гибкую фигуру, пробирающуюся сквозь переполненную траншею.

Мколл присоединился в Февриерсону в командном убежище. Оно было немногим больше, чем выемкой в траншее. Тут был V-образный перископ на станине, и Мколл взглянул в него.

Это был его первый взгляд на поле битвы. В сумерках оно казалось печальным местом, хотя он был уверен, что днем оно выглядит так же. Колючки на земле, непонятные обломки, висящие провода на столбах. Далее в километре земля просела и образовалась пойма с отравленной водой и грязными лужами в воронках от снарядов.

«Там много воды,» сказал он

«Это река.»

Мколл снова взглянул. «Это не река...»

Февриерсон посмеялся над ним. «Ну да! Это прекрасная Наеме, гордо несущая жизнь по границе!»

«Но там всего лишь лужи и озерца, и болотца...»

Голос Мколла поник. Он понял, как должна выглядеть река, если ее бомбить сорок лет. Дамбы, окрестности, даже само русло, уничтожено и обращено в пыль. Но река все еще текла. Однажды это было гордой рекой, тянущейся сквозь луга и деревеньки к далекому морю, но сейчас она выглядела, как кровь, текущая из раны, потерявшая свою форму и целостность в войне.

Послышался звук выстрела, и зона над ними осветилась пронзительным белым светом. Через несколько секунд другие осветительные ракеты, мерцая, поднялись в воздух. В перископе теперь все казалось блеклым и холодным, жесткие тени дрожали, когда осветительные огни медленно падали.

«Мертвый свет,» сказал Февриерсон, надевая свой стальной шлем.

«Приготовься,» сказал он.

«Почему?»

«Война идет.»

Недалеко раздался свисток. Раздался горн и пронесся по линии фронта.

Ожили орудийные ямы Линии Пейнфорка.

Звук и свет пронзили темноту и осветили. Земля содрогнулась. Из глубоких орудийных ям, позади тыловых траншей, гаубицы и мортиры посыпали снаряды в сумрак. Полевые орудия и ракетницы вторили им.

Мколл оглянулся на линии Альянса и увидел световое шоу. В двух километрах от него и далее на двадцать километров на север и юг, орудия вспыхивали огнями. Огромные, бриллиантовые вспышки, поднимались над артиллерийскими позициями, некоторые казались сверхъестественными, сразу исчезая в темноте. Мколл слышал шокирующий визг тяжелых снарядов, уносящихся прочь, глубокий звук мортир, тяжелые удары снарядов. Ракеты все взлетали и взлетали, визжа и оставляя в воздухе огненные следы.

Он никогда не видел бомбардировку такого масштаба. Даже в улье Вервун.

Мколл посмотрел на восток, через прицел. Рваная линия взрывов и огня ползла вдоль уничтоженной земли с другой стороны раненой реки. Он чувствовал фуцелин и железо в воздухе, затем зловоние грязи добавилось в пар.

Февриерсон казался удовлетворенным. Он присел и взял чашку кофе у подчиненного.

«Хотите?» спросил он.

«Нет,» сказал Мколл. Бомбардировка продрала его до костей.

«Они будут так еще несколько часов, потом может дадут сигнал выдвигаться.»

«Фес,» сказал Мколл.

«Так что лучше выпейте чашечку,» сказал Февриерсон. «Мы тут еще пробудем нес --» Внезапно с западной стороны послышался приглушенный крик и оттуда прошла ударная волна.

Февриерсон вскочил на ноги. Он уставился на линии Айэкса. Конус огня вздымался со стороны позиций артиллерии союзников.

«Точно не ошибка...» начал он.

Прозвучал еще один взрыв и сбил их с ног. Прозвучали свистки. «Это детонация боеприпасов,» сказал Мколл, поднимаясь. «Но у них нет ничего --» Третий взрыв, потом четвертый. Потом еще куча взрывов вдоль линии к северо-западу.

Адские вспышки разрывали небо.

«Шлейк!» заорал Фериерсон. «Что это за херня?»

«Что-то новенкое?» спросил Мколл.

Посыльный почти рухнул в командный пункт, истекая потом. «Приказ отразить атаку!», задыхаясь сказал он.

«Отразить?» сказал Февриерсон.

Мколл вытащил прицел. Со стороны Аллеи Наэме двигались к ним размытые фигуры.

«Готовь своих людей,» сказал он молодому лейтенанту. «Нас штурмуют.» Мколл присел в траншее, расчехляя винтовку. Люди бегали и орали, натыкаясь друг на друга. Они паниковали.

«Пристрани их, или нам крышка,» прошипел Танитец Февриерсону, начавшему свистеть в свисток. Мколл слышал резкие звонки телефонов и пронзительные крики, уточняющие подтверждение приказов.

Он этого не планировал. Он пришел осмотреться, а не попадать под полномасштабный штурм.

Он передал по воксу. «Четвертый! Это четвертый! Тишина в эфире!»

«Тридцать второй!» Это был Бонин.

«Двадцать восьмой, Четвертому!» Каобер.

«Тринадцатый. Иду с Шестидесятым,» ответил Мквеннер, идя с Хланом.

«Сорок пятый, сэр,» сказал Баен.

«Четвертый, принято. Я недалеко от траншей.»

«Тридцать второй, контакт с противником,» отчитался Бонин.

«Понял. Выдвигайтесь ко мне. Огонь по ситуации.» Прозвучало больше ужасных взрывов и небо на западе озарилось желтым.

Ответная бомбардировка врага уничтожила дисциплину Союзных войск. Мколл слышал ультразвуковые удары и после почувствовал запах озона, когда щиты вспыхнули вдоль фронтовой линии. В полутора метрах он видел белые вспышки энергии над резервными системами. Еще больше вражеского огня обрушилось на щиты. Они отключились с шипением.

Мколл не был артиллерийским экспертом, но он знал мощь вражеского оружия и оно, как минимум, было таким же как и Имперское. Передовая, эта «Линия Пейнфорка», легко достигалась артиллерией, так как была в пределах пяти-шести километров. Снаряды легко могли пролететь больше пятнадцати-двадцати километров. Достаточно было посмотреть на реакцию Февриерсона. Он никогда такого не видел. И это было плохо.

Мквеннер и Хлан присоединились к Мколлу, как и Бонин мгновением раньше. «Они почти тут, метров тридцать,» сказал Бонин.

«Почему, фес их, эти идиоты не на месте?» сказал Хвлан.

Февриерсон с несколькими солдатами поднялся к амбразуре и Мколл услышал несколько выстрелов из мортир и стрекотание автопушки.

Почти тотчас, верхушка траншей сотряслась от выстрелов. Края брызнули щепками и посыпалась земля. Один из солдат Генсвика, что стоял на лестнице, упал в траншею, из-за земли, ударившей его по лицу.

«Примкнуть штыки!», крикнул Февриерсон. «Будем отбиваться!» Толпа пехотинцев Альянса присоединили длинные, напоминающие клюв, клинки к винтовкам.

«Им нужно больше, чем просто отразить атаку,» тихо произнес Мквеннер. «Несколько гранат и вовремя ворваться – все что нужно врагам, чтоб проникнуть в траншею. Они должны перехватить врага, пока он не достиг парапета... » Мколл взглянул на Февриерсона. «Ну так? Пока еще есть время.» Приказ был отбит атаку. «Удержать и отбить...» Голос Февриерсона затих. Его глаза казались дикими в сумраке.

И стало слишком поздно. Множество взрывов прозвучало в траншее. Гранаты. Секундой позже динамитная шашка пролетела над головой. Она взорвалась позади, осыпав из грязью.

Пехота начала стрелять. Пули большого калибра имели большую отдачу, так что солдаты качались назад и вперед. Пули врагов вгрызались в парапет. Пара человек упала, одного крутануло от попадания.

«Удержать и отбить! Удержать и отбить!» кричал Февриерсон.

Внезапно большую часть парапета снесло, разрывая облицовку и отбрасывая людей в стороны. Первая волна сошедших с ума людей ворвалась в траншею с взвешенными гранатами. На них были плащи цвета хаки, коричневые брюки и темно-зеленые шлемы, поверх шерстяных или кольчужных масок. Большинство тащили огромные автоматы с безобразными штыками, но так же были пистолеты с длинными кусачками. Мколл видел, по меньшей мере, трех grenadierов, несших гранаты и бомбы.

Пробираясь в траншею, захватчики открыли огонь по солдатам из Генсвика Фут. Другие забрались на парапет и атаковали центр обороны сектора.

Между Мколлом и нападавшими было полно людей, большинство из которых пытались спрятаться. Он слышал, как вражеские пули прорезали себе путь сквозь ткань, брезент и кожу, сквозь плоть.

Удар, несколько людей стояли в конвульсиях в толпе, потому, что она держала их, не давая упасть. Другие кричали, потому что были ранены, или, наоборот, не были. Один орал, потому что пуля попала ему в шею, но толпа несла его над собой. Маленькая бомба, круглая и черная, с фитилем, отскочила от человека и взорвалась перед командным бункером, в воздух полетели фрагменты тел.

Из стана Генсвика вырвался рев от солдат, которые пытались убежать от перекрестного огня. Многих прикончило по дороге к бункеру. Февриерсон и кое-кто из его людей отстреливались, и Мколл насчитал, по меньшей мере, двоих убитых захватчиков. Он встал напротив паникующих людей.

«Фес это! Вернитесь! Вернитесь и сражайтесь! Давайте!» заорал он.

Мквеннер и Хвлан забрались на ступеньки и открыли огонь из траншеи. Внезапные лазерные вспышки остановили Генвикских парней. Как будто они не видели лазерного огня раньше, подумал Хвлан.

«Ложись! Ложись!» кричал Мколл, пока люди в траншее пригибались и прятались, он и Бонин стреляли в автоматическом режиме, помогая огнем со стороны Мквеннеру и Хвлану.

Рейдеры отступили под градом энергетического огня. Фронт раза три или четыре прогибался и обрушивался на людей, сметая их. Мколл шел сквозь солдат Генвика по траншее и стрелял по захватчикам, лезшим через парапет. Он почувствовал, как пуля пробила его броню, а другие врезались в восточную стену, но он продолжал стрелять.

Февриерсон свистел в свисток. «Давайте! Давайте! Имперцы заставили их отступить!» Винтовки начали стрелять во врагов. Бонин прислонил лазган к плечу, сделав один выстрел, который свалил гренадера посередине группы захватчиков. Бомба взорвалась в его руке и сорвала жилет. Цепная реакция разнесла все во всех направлениях.

«Пошли!» закричал Мколл, устремляясь вперед вместе с Бониным. Пролом был засищен взрывом. В воздухе стояла пыль, она была везде, оставляя темные полосы везде, смешанная с кровью. Тела рейдеров, обугленные и

смешавшиеся, лежали на ступенях и полу траншеи. Одно висело на проволоке парапета. Мколл, Бонин и пятерка из Генсвика Фут взяли штурмом пролом, в то время как следующая группа захватчиков лезла через парапет.

Дикая пальба на близком расстоянии откинула трех рейдеров от траншеи и они потеряли одного из Генсвика. Потом пошла рукопашная, жестокая, кровавая. Мколл блокировал винтовкой штык атакующего и ударил его в колено прикладом. Один из Генсвика вспорол живот противника и поднял его как мешок соломы над собой. Бонин, у которого оказалось достаточно времени, чтобы закрепить серебряный Танитский нож на зажиме для штыка, убил человека справа, вспоров бедро еще одному, и разбив ему голову прикладом лазгана. Пару раз выстрелил пистолет и рядовой из Альянса заорал, упал и схватился за лицо. Мколл открыл огонь из винтовки и прострелил горло гренадеру с автоматическим пистолетом в руках. Человек сполз по парапету, на котором стоял, и приземлился сидя, мертвый, спиной к стенке траншеи.

Бонин и два Генсвикера встали на парапет и открыли огонь в темноту, заставляя атакующих отступить. Вдоль траншеи Февриерсон со своими людьми залег под массированным огнем, отзвуки их мощных выстрелов сопровождали стрельбу лазганов Мквеннера и Хвлана.

Мколл прополз на ступеньки и стал собирать бомбы с мертвого гренадера. Это были зажигательные заряды с бумажными фителями. Он поджег их все и бросил за парапет. У динамита были деревянные ручки с болтающимися петлями на конце. Мколл догадался дернуть за них перед броском. Один из людей Февриерсона, раненый в руку, побежал к нему и помог метнуть бомбы в темноту.

Танитский сержант повернулся на мгновение, услышав стрельбу из лазгана слева. Каобер и Баен, вместе с тремя солдатами Альянса, пробирались к следующему укреплению, стреляя впереди себя. «Атака с фланга!» крикнул один из солдат Альянса. «Рейдеры в огневой траншее!»

«Держать позицию!» Мколл крикнул Бонину, спрыгнул со ступенек и побежал на помощь Каоберу и Баену. Мквеннер был рядом, вместе с горсткой людей Февриерсона.

Проход защищал их от рейдеров в следующей секции, но, так же, не позволяла им прицелиться. Баен высунулся в него и выстрелил. Граната

пролетела рядом. Почти очень быстро, но Мквеннер схватил ее в воздухе и швырнул назад. Дым от взрыва взметнулся на другом конце прохода.

«Они должны быть в смятении! Застанем их врасплох!» крикнул один из Генсвикеров и рванул вперед с двумя другими сослуживцами. Прозвучало три выстрела и их откинуло на облицованную камнем стену. Они застыли на миллисекунду и сползли лицами вниз.

Мколл взглянул на Мквеннера.

«Поверху, обойти и напасть,» произнес высокий, угрюмый разведчик.

Мколл кивнул. Он взял Каобера с ними и указал Баену прикрывать угол прохода.

Три Призрака вытащили свои камуфляжные плащи и натянули на плечи, да так, что они покрывали головы.

Потом они залезли на стену огневой траншеи.

Поверхность снаружи была вся в лужах и грязи. Было темно, но в небе появлялись яркие следы от снарядов. В центре жестокой окопной битвы, Мколл почти забыл о бомбардировке. Но она продолжалась: сверхтяжелые дальнобойные снаряды срывали штукатурку с командных и траншей и траншей поддержки по всей Линии Пейнфорка, насколько было видно. Кое-какие щиты еще держались, но только редкий ответный огонь звучал в ответ на вражеский обстрел.

Мколл, Каобер и Мквеннер ползли вперед, натянув головные уборы и утопая в грязи.

Они убрали свои ножи в ножны и спрятали лазганы под накидки, так что их нельзя было рассмотреть на фоне камней и кусков металла на земле. Они скользили, вперед.

Постоянно, когда небо освещалось вспышками от снарядов, они замирали.

Внизу в траншее справа от них они слышали Баена и Генвикских парней, перестреливающихся с рейдерами. Мколл мог слышать, как рейдеры кричат друг другу на языке, который он не понимал. Единственный приказ, который был озвучен, без сомнения «Гранаты! Гранаты!»

Они были совсем рядом. Мквеннер отстегнул жесткий, но гибкий, шнур с пояса и протолкнул его в конец траншеи. Это был оптический провод. Со стороны Мквеннера был небольшой разъем, к которому он присоединил свою оптику.

Аккуратно, он поводил проводом и изучил плохое изображение на своем оптическом приборе.

Он поднял руку, достаточно, чтобы Мколл и Каобер заметили. Пять пальцев, Потом три. Восемь рейдеров. Он повел рукой, указывая, что четверо в конце прохода, двое перед ними и двое слева.

Мколл кивнул и достал цилиндрический заряд из вещмешка. Все трое убрали лазганы и положили их в грязь. Слишком должно было ими воспользоваться. Они достали лазпистолеты и боевые ножи. У Мколла и Каобера были стандартные лазпистолеты, а у Мквеннера автоматический .38 калибра с обоймой на двенадцать патронов, который он позаимствовал на Нацедоне. Каобер и Мквеннер взяли пистолеты в правую руку и ножи в левую. Мколл положил пистолет рядом в грязь и взял нож в зубы. Затем он поджег запал на цилиндрическом заряде и кинул его в угол прохода.

Взрыв порвал одного из рейдеров. Его пылающие куски вылетели наружу.

Сразу после этого, три Призрака скинули плащи в скользнули в траншею.

Мколл приземлился прямо в зону перестрелки. Он прицелился и уложил двоих рейдеров, ослепших от дыма после взрыва.

Мквеннер мягко приземлился меж двух рейдеров. Он выстрелил в голову одному и сломал шею другому.

Каобер спрыгнул на последних, и все трое упали на пол траншеи. Они сопротивлялись, один из рейдеров схватил за лодыжку Каобера и вывернул ее. Каобер вскрикнул и прострелил ему таз. Рейдер не отступил, крича и нанося удары, как сломанная кукла. Другой рейдер откатился и ударил Каобера штыком. Каобер заблокировал удар боевым ножом и ударил в ответ, но промахнулся. Рейдер кинулся к нему и Каобер выронил пистолет в попытке увернуться.

Лазпистолет валялся рядом на досках, но Каобер даже не пытался добраться до него. Он схватился за ствол рейдерской винтовки свободной рукой,

уперев его в стену траншеи под подмышкой, и с силой потянул, насаживая врага глоткой на длинное лезвие. Кровь хлынула на грудь Каобера. В своем оконце он услышал, как Мквеннер сказал «ложись», что он и сделал, падая вместе с телом.

Еще пять рейдеров спрыгивали в траншею. Мквеннер проигнорировал винтовочные выстрелы и рванул к ним, стреляя из пистолета. Двоих срезало и они упали. Третий получил выстрел в лицо. Четвертый боролся с затвором, пока выстрел Мквеннера не проделал дыру в его голове. Пятый выстрелил и опрокинул Мквеннера, кровь стекала по голове.

«Вен!» заорал Каобер, и бросился на рейдера, крепко приложив его. Каобер пригвоздил солдата правым предплечьем и мастерски развернул свой боевой нож левой рукой. Каобер всадил несколько раз клинок в грудь рейдера.

Мколл покончил с рейдерами, выжившими после взрыва и примчался с Баеном и солдатами Генсвика. Еще несколько рейдеров спрыгнули после предыдущей пятерки и среди них был гренадер.

Мколла свалил одного выстрелом из пистолета и затем Баен переключил лазган в автоматический режим. Солдаты Альянса присоединились к нему, открыв огонь из своих винтовок.

Мколл шел впереди, перешагивая порванные тела. «Вы двое! Идите вперед и защитите траншею!» приказал он, и пара пехотинцев помчалась вперед. «Остальные на стрелковые ступени!» Оставшиеся поднялись наверх и начали стрелять в темноту.

«Траншея зачищена!» прокричал один из Генсвика. Он присоединился к товарищу из взвода, осматривая следующую секцию.

«Наверх тогда!» подстегнул их Мколл. «Справадим их!»

Каобер встал и побежал к Баену, который присел рядом с Мквеннером. Там было все залито кровью.

«Святой фес!» заикаясь, произнес Каобер. «Вен!»

«Да заткнись ты,» проворчал Мквеннер. У него из уха торчал кусочек стены, и когда он выдернул его, хлынула кровь. «Всего лишь перепонка лопнула. На этом все.»

«Фес!» с облегчением воскликнул Каобер, когда Баен и Мквеннер стали смеяться.

Той ночью больше не было атак на пункт 143, хотя Февриерсон со своими людьми оставался до последнего. Были донесения, что пункты 129, 131, 146 и 147 понесли большие потери, хотя к вечеру только 146 сектор все еще сражался, чтобы отбросить силы рейдеров. По неподтвержденным данным секции между 287 и 311 были захвачены, и по звукам битвы Мколл верил этому.

Вражеский обстрел внезапно закончился около полуночи, оставив только мрачный дым из фуцелина и пыли, оседающей на линии союзников. В 01.00 ответная бомбардировка Альянса обрушилась на позиции Шадика вдоль Наэме и продолжалась до рассвета.

В 02.15 когда карающая артиллерия накрыла небо за ними, Мколл со своей командой попрощался с Февриерсоном. Молодой лейтенант отдал честь и затряс руку Мколла, а многие из его уставших людей аплодировали и одобрительно восклицали.

«Вы возвращаетесь?» спросил Февриерсон.

«Мы долго отсутствовали. Нам нужно отчитаться.»

«Спасибо,» сказал Февриерсон. «Спасибо вам. Благослови вас Император.»

«Это хорошие люди,» сказал Мколл, кивая в сторону перепачканной грязью пехоты, окружившей их.

«Присматривай за ними, и они будут живы.»

«Надеюсь, больше вас не увижу,» сказал Февриерсон. «Никому не пожелаю повторения всего этого во-второй раз.»

Мколл кивнул. Бонин ухмыльнулся.

«Что вы скажете своему командиру?» спросил Февриерсон.

«Правду,» сказал Мколл. «Фронт везде, как он и опасался.»

ТРИ

A.S. ШТАБ-КВАРТИРА. РОНФОРК

«... и по вопросам, касательно вспомогательных частей, офицеры данных частей должны отчитываться (I) командующему зоной/сектором, к которому приписаны и (II) офицерам Альянса в данных подразделениях.»

-- Основная Книга Приказов Альянса Айэкса, 772-ое издание, часть 45f, параграф iv, «Командный Протокол.»

Из Ронфорка, можно было увидеть тяжелый дым, поднимающийся с Линии Пенфорка, десятью километрами далее на востоке. В ночи, старые дома города содрогались от далекой оружейной симфонии.

Рассвет наступал в 04.37 по Имперскому времени. Вставало солнце, закрытое пеленой, над деревьями в сторону Онгче, и туман лежал над лугами и огородами на западе от города. Танитский Первый отдыхал уже пять часов в скучных апартаментах на юге города, но большая часть obsługi и оружейников не спали всю ночь. Они сошли с поездов в 21.00 вчерашней ночью, вместе с двумя группами Крассианцев и моторизованного батальона Секгеверцев, прибывших из Серонна.

Гаунт встал в 05.00, невыспавшийся. Всю ночь посыльные и транспорты снабжения сновали за его окнами. Ему выделили комнату в маленькой гостинице в черте города. Даур и Роун так же расположились тут, вместе с пятью Крассианскими офицерами и представителями Альянса Айэкса. Корбеку досталось место с Призраками.

Комната Гаунта была маленькой, с низким потолком и окном, которое нормально не закрывалось. Белтайн постучал в дверь и принес ему флягу кофеина и чашу с теплой водой.

«Мколл еще не вернулся?» спросил Гаунт, пытаясь побриться с теплой водой. Белтайн раскладывал форму Гаунта на кровати.

«Он в пути, сэр.»

«Задерживается?»

«Кое-что произошло.»

«Например?»

«Вы слышали выстрелы, сэр. Да тут все тряслось. Новые сверхтяжелые осадные орудия. Линия подверглась массированной бомбардировке прошлой ночью.»

«Я так и подумал,» сказал Гаунт. «Я работал!»

Белтайн взглянул на него. «Сэр?»

«Порезался,» сказал Гаунт, поднимая подбородок и рассматривая в зеркале порез на шее. «Вода почти холодная, Белтайн.»

«Вода такая же теплая, как и должна быть, если она не для кофеина,» сказал Белтайн. Он начистил ободок фуражки Гаунта и положил ее на кровать. Потом он подошел к Гаунту и всмотрелся в порез.

«Бывало и хуже,» сказал он.

Гаунт улыбнулся. «Спасибо за замечание.»

«Что вам нужно, так это игла,» сказал Белтайн.

«Игла?»

«Старый семейный трюк. Игла. Отлично работает, когда бреешь шею.»

«И как это работает?»

«Когда бреешь лезвием, берете иглу и втыкаете ее в десны.»

«Это работает?»

Балтайн подмигнул. «Конечно, фес как отвлекает от боли на шеи.»

Побравшись и приложив кусочек папиросной бумаги Белтайна к ранке на шее, Гаунт взял чашку кофеина и вышел наружу. Было ясно и день обещал быть теплым, хотя фуцелиновая вонь чувствовалась везде. Он остановился на веранде гостиницы, чтобы переговорить с Крассианским майором и двумя офицерами из Секгевера и видел, как Роун и Фейгор уничтожают свой завтрак в маленькой гостиной.

Колонна танков прогрохотала по площади. Гаунт допил, поставил пустую чашку на один из столиков на террасе и пошел к Часовне Святого Авина, где располагался штаб Альянса.

Ронфорк был одним из Восьми Городов – восемь высших церковным образований, поддерживающих авторитет Моря Грэнн по всему Миттел Айэксу. Церковь и монастырь в Ронфорке были построены в 502-ом, десятью годами после того, как первая колония была основана в Самонпарлиане, и до того, как началась война, тут изготавливали шерсть, пуговицы и сыр. Посетителям предлагалось бросить монетку в фонтан Беати Хагии, а если они были в состоянии осилить длительную прогулку, то их приглашали на Шеффурдские Холмы, посмотреть на место, где родился Генерал-Губернатор Данер Феп Квелстин, чьи автограф и печать стояли на знаменитой Декларации Независимости Великого Айэкса.

Гаунт узнал все это из старого путеводителя, который нашел под кроватью прошлой ночью.

В штаб-квартире союзников кипела деятельность. Во внутреннем монастыре шеренга эскорта ожидала на жужжащих мотоциклах. Пучки телеграфных и вокс-кабелей уходили в окна, и были подключены к спутниковым тарелкам на крышах. Мачты пустотного щита соединялись с переносным генератором, занимавшим большую часть двора, трава под ним стала коричневой и мертвой от радиации.

Гаунт поспешил по лестнице главной часовни, мимо отдающих ему честь офицеров Альянса.

«Где Вон Войтц?» спросил он адъютанта, стоявшего у стола.

«Вы имеете ввиду Генерала Вон Войтца?» раздраженно ответил адъютант не поднимая глаз.

«Если уж быть настолько формальным, вам нужно сказать 'Лорд-Генерал Вон Войтц, полковник-комиссар, сэр,'» прорычал Гаунт, хрустнув пальцами так, что адъютанту пришлось бы поднять глаза. Что он и сделал и сглотнул.

«Прошу прощения, сэр. Лорд генерал отбыл в Мейсек, и ожидается, что он прибудет завтра ночью.»

«Мне нужно с ним переговорить.»

«Вокс-линии были разорваны ночной бомбардировкой, сэр»

Надо что-то придумать, думал Гаунт. «Что насчет Линтора-Севка?»

«Главнокомандующего отзвали, сэр.»

«Фес!» проворчал Гаунт. «Мне нужны сводки! Мне нужно взглянуть на карты! Мне нужно --»

«Момент, сэр. Сделаю звонок.»

Адъютант поспешил снял трубку полевого телефона и крутанул рукоятку.

«Полковник-Комиссар Гаунт, на брифинг,» сказал он и сделал паузу.

«Минуточку, сэр,» сказал он Гаунту, повесив трубку.

«Полковник-Комиссар!» раздался голос в зале. Гаунт огляделся и увидел высокого, рыжеволосого офицера в темно-красной униформе, идущего к нему по коридору.

Гаунт отдал честь.

«Гаунт, Танитский Первый и Единственный.»

«Рэджак Анкре, Коттстадские Виверны. Я представляю Альянс в отсутствие Линтора-Севка. Идите за мной.»

Гаунт прошел за ним, Рэджак был немного выше, к основной комнате планирования операций. Что-то было в этом Анкре, что-то в его манерах и поведений, что Гаунт чувствовал себя рассерженным. Хотя он и игнорировал это чувство. Он был в Гвардии достаточно долго, чтобы знать, что частенько ему не нравились люди, которых приходилось иметь в союзниках.

Подавление личного мнения обычно помогало в работе.

«Я встретился с некоторыми вашими людьми прошлой ночью,» сказал Анкре, про между прочим.

«В самом деле?»

«Группа разведчиков.»

«А, да. Я отправил их вперед.»

«Вы не доверяете нашим данным разведки?»

Гаунт остановился и встретился глазами с Анкре. «Уверен, что они актуальны. Но я пока что не видел ни одного отчета,» сказал он злобно. Анкре задумался, не вполне понимая, как ответить на критику.

До того как он что-то придумал, Гаунт сгладил последнее замечание спросив, «Так значит вы были на фронте вчера ночью?»

«Да, был,» сухо ответил полковник.

«Кажется, вам наподдали. Новые сверхтяжелые осадные орудия, как я слышал.»

«Не думаю, что вы читали сводки,» сказал Анkre, наслаждаясь своим остроумным замечанием.

«У меня есть глаза и уши. Итак... у врага новая тактика? Новое оружие?»

«Да,» сказал Анkre. Часовой в зеленой униформе Альянса устало отдал честь и придержал для них дверь.

Главный зал старой часовни переделали под военные нужды. Окна были затемнены и заклеены, хотя Гаунт мог разглядеть свинцовые узоры на старых, заляпанных стеклах. Перегородки из баллистической ткани разделяли зал, лежали мешки с песком, воздух был теплым и сухим с запахом электричества.

Светящиеся шары свисали со стропил, освещая центральную зону с техниками, офицерами и помощниками. Переносные кодиферы и высокомощные вокс-передатчики лежали на скамьях. Стоял постоянный тихий гул, дребезжание машин, случайные свистки настроенных вокс-каналов, фоновый шум. Пара аколитов Адептус Механикус в капюшонах благословляли сервиторов, приставленных к Имперским вокс-аппаратам.

Операционная комната была конфиденциальной зоной. Внутри, Гаунту пришлось сказать клерку свое имя и идентификационный номер, а тот дал ему маленький зеленый бейдж. Верховное Командование желало полной проверки и записи каждого, кто входил и выходил.

Анkre повел Гаунта к столу со сводкам, которые Гаунт тщательно изучил. Тут был полный хаос. Анkre дал ему запачканную, низкокачественную карту, на которой был отмечен только небольшой участок фронта, отпечатанную на хрупкой бумажонке.

«Вашему полку предписано выдвинуться в сектор 55 вдоль линии коммуникации 2319, сегодня вечером, и занять позиции от пункта 287 до 295. Ваши командиры – Майор Нейлландс на пункте 280 и Генерал

Харгютен в Зоне/Секторе. Тут ваши позывные и частоты вокса.» Анkre вручил Гаунту планшет с данными. «Ознакомьтесь с ними и затем сотрите.»

«У меня начальник – майор?» спросил Гаунт.

«Какие-то проблемы?»

«Этот Нейлландс будет передавать приказы из зоны/сектора?»

«Конечно, в случае, если вы не сможете получить их сами... если, скажем, вокс-связь пропадет.»

«А что, если Нейлландс не сможет получать приказы из зоны/сектора... если, скажем, его вокс отрубится? Мне отчитываться ему?»

Анkre пожал плечами, потом что не видел в этом проблемы. «Да, как я уже сказал --»

«Я слышал, что вы сказали, полковник. Я просто не могу поверить в это. То есть вы мне говорите, что в определенных обстоятельствах, точнее в большинстве случаев, я должен подчиняться младшему офицеру? То есть я должен передать командование... своим полком... в его руки?»

Анkre насупился. «Дайте мне Основную Книгу Приказов,» сказал он помощнику. Помощник вернулся через несколько секунд, неся толстую, с красной обложкой, папку, с печатью Альянса в виде креста и словами «Совершенно Секретно – Уничтожить в Случае Опасности.» Анkre пролистал ее. Гаунт видел, что большинство страниц были допечатанными вставками, приклеенными и пришпиленными. «Главнокомандующий описал все это черным по белому,» сказал он серьезно. «Его тактики обрисовали все так, как только вы услышали о вашем прибытии. Тут... командная цепочка, как я и сказал.»

«Дайте взглянуть,» сказал Гаунт. Анkre казался расстроенным, что выпускает книгу из рук, но все-таки отдал ее через мгновение. Гаунт прочитал плохо пропечатанный список приказов. «Тут ничего нет о нашей ситуации. Никакой конкретики. Тут просто сказано, что мы должны отвечать перед старшим офицером сектора в который нас направят --»

«Это Генерал Харгютен.»

«И во-вторых, старшему офицеру Альянса на нашем участке.»

«В точности, как я и сказал. Старший офицер Альянса на вашем участке – Майор Нейлландс из Файнстерских Горцев.»

Гаунт покачал головой. «Я так не думаю. Думаю, как раз Майор Нейлландс будет подчиняться мне. В случае, если мы потеряем связь с зоной/сектором, это будет лучшее решение.»

«Это плохо», сказал Анкре. «Мне кажется, что вы проигнорировали слово 'Альянс'. Вы влились в цепь командования Альянса. Главнокомандующий просто следует воле верховного сезара. И он дал ясно понять, что войска Альянса Айэкса будут контролировать ход войны. Таким образом, вам придется засунуть свою гордость подальше и отвечать перед майором. Вы прибыли сюда сражаться за Альянс.»

«Я сюда прибыл сражаться за Императора,» прошипел Гаунт. «Мы на одной стороне против Шадика. Гвардейцы теперь часть Альянса.»

«Технически нет,» сказал Анкре, забирая папку у Гаунта и переворачивая на другую страницу. «Тут. Немного специфично. Имперская экспедиция обозначена как 'вспомогательные войска'.» Он закрыл папку и улыбнулся так, словно был уверен, что победил в этой маленькой дискуссии. Гаунт знал, что больше с ним не о чем говорить. Он встречал уже таких, как Анкре. Он поступить по-своему.

Гаунт повернулся к карте и, с некоторым затруднением, нашел пункты, про которые упоминал Анкре. «Это линия фронта?»

«Да.»

«Мои люди – легкая пехота, специализирующаяся на тайных операциях. Расточительно тащить их туда.»

«У нас нет роскоши выбора. Пункты с 287 по 311 были атакованы прошлой ночью, самая большая дыра на Линии Пейнфорка. Противника отбросили, но необходимы подкрепления. Жизненно. Бригада Крассианцев выдвинется к пунктам с 296 до 311, к северу от вас.»

«Я повторяю свой протест.»

«Вы боитесь, что ваши люди не удержат линию траншей?» Гаунт снял фуражку и перчатки и положил их на край стола, глубоко дыша и все еще в ярости.

«Боюсь, что не ожидал от верховного командования такого идиотизма и недальновидности,» ответил он.

Анкре отступил назад и медленно и угрожающе наклонил голову.

«Главнокомандующий выбрал Танитцев на эту точку, из-за того, как хорошо ваши разведчики сражались прошлой ночью. Горстка людей, но они отбили атаку на пункт 143. Командующий хочет проверить вас на линии, особенно там, где мы наиболее уязвимы.»

«Даже если мы просто вспомогательные войска?»

Анкре вернул папку ожидающему помощнику. «Думаю, что мы закончили, полковник-комиссар,» сказал он.

«Я хочу копии полевых отчетов,» сказал Гаунт.

«Почему?» спросил Анкре, уже начав терять терпение.

Гаунт взял хлипкую карту. «Потому что это показывает мою непосредственную позицию.»

«Это как?»

«Как я могу эффективно командовать, если вижу только то, что находится рядом? Как мне видеть сражение в целом?»

«Да вам и не нужно. У вас определенная цель. Это все, что вам нужно делать. И это все, в чем вы должны быть заинтересованы.»

Гаунт положил карту и планшет в карман плаща и надел фуражку и перчатки. «Не могу поверить, что в такие годы вы так ведете войны,» сказал он. «Вы никогда не читали Махариуса? Солона? Слайдо?»

«Тут, на Айэксе, никого из этих славных воинов нет,» сказал Анкре.

«Тем хуже,» сухо ответил Гаунт. Он пошел к выходу, затем повернулся и пристально посмотрел на Анкре. «Я мобилизую своих солдат. Но они и с местем не двинутся, пока я не встречусь с командующим Альянса – любым командующим Альянса – который сможет подтвердить эти приказы более удовлетворительно, чем вы. Сделайте это, полковник. И побыстрее.»

Взгляд Анкре был убийственным. «Это вопиющее нарушение субординации. Да я могу вас –»

«Совет,» резко прервал его Гаунт. «Вам не захочется иметь со мной дело. Прикусите язык и найдите мне кого-нибудь более полезного чем вы, и никогда больше мне не угрожайте. Все ясно?»

Анкре нечего было ответить. Весь зал затих. Гаунт развернулся и пошел прочь.

«Сделай мне одолжение,» вздохнул Дорден. «Можешь не дергаться, фес тебя?»

Рядовой Каобер пожал плечами. «Очень жжет, док,» застонал он.

«Ты большой мальчик. Заткнись. Ты видел, чтобы Вен жаловался? Нет не видел. Он истекал кровью как боров, но разве он хныкал? Мы не слышали. Так что заткнись.» Каобер вздохнул и стиснул зубы. Он сидел на деревянном столе во временном медицинском пункте Призраков, древней суконной фабрике на южной окраине Ронфорка. Фабрика была большой и старой, построенная из черного камня, и накрывала собой водяной поток, который рабочие использовали давно, чтобы вымывал ланолин из овечьей шерсти. Чувствовался сырой запах жира, и все вокруг было покрыто им же.

Санитарам приказали отдраить тут все, но Дорден сомневался, что они пробудут тут долго, и что это будет стоить того. Полуденный свет, жесткий и желтый, проникал через решетки вентиляторов наверху в черепичной крыше, и заливал зал болезненным светом. Большинство фабричного оборудования давным-давно вывезли. Тонкие шерстяные лоскуты свисали с балок и лежали по углам.

Группа Мколла прибыла в Ронфорк в 11.30 утра, и Мколла, Каобера и Мквеннера немедленно доставили в медпункт. Дорден обслуживал сломанную лодыжку Каобера, пока Лесп перевязывал ухо Мквеннера. Мколл сказал, что его раны подождут. Примыкающий зал фабрики позаимствовали Крассианские медики, и оттуда доносились голоса, пока Крассианцам делали прививки.

«Как это опять произошло?» спросил Дорден, осматривая обнаженную ногу и лодыжку разведчика. Плоть опухла и была цвета сирени.

«Ну – ай! – так получилось. Драка была.»

«Мколл так и сказал. Хорошая?»

«Эм. Ну ты знаешь.»

Дорден бросил взгляд на Каобера. «Нет, не знаю. Давай, поведай мне. Позволь мне прожить войну за счет твоего хвастовства, пока я в тут стираю повязки.»

«Была битва. Ай! Битва. В траншее. Подвалили враги и мы сражались с ними. Я – ай! – подвернул лодыжку.»

Каобер промямлил что-то и замолчал. Он был хорошим разведчиком, но у него совершенно не было способности к рассказам.

Дорден продолжил тую накладывать повязку на лодыжку Каобера. «Кто-нибудь еще что-нибудь расскажет? Вен?» Мквеннер поднял взгляд, его ухо было забинтовано. «Прошу прощения?»

Дорден засмеялся, как и все остальные – Лесп, моющий руки в оловянной тарелке. Чайкер и Фоскин, разбирающие хирургические инструменты. Даже Мколл, сидящий на стуле в углу.

«Что смешного? Я ничего не слышу,» раздраженно прорычал Мквеннер. Смех тотчас стих. Никто не хотел, чтобы Мквеннер вышел из себя. Мквеннер был из тех Призраков, которых ты уважаешь, каждую секунду дня.

«Когда начался обстрел, они прощупали линию траншей рейдерами,» сказал Мколл, вставая.

Дорден мог бы сказать с первого взгляда, что Мколл казался напряженным, когда двигался. «Мало приятного. Местные не были готовы?»

Дорден закончил с повязкой и позвал Фоскина. «Одень Каобера ботинок, не завязывай, и найди какие-нибудь костили. А ты, полежи несколько дней и все будет нормально.» Он развел руками и пошел к Мколлу. «Давай поглядим», сказал он.

Мколл начал снимать жилет и подсумки, но было ясно, что ему тяжело поднимать руки, так что Дорден помог ему раздеться до талии. Синяк груди был черным и жутко выглядел.

«Фес! Тебя что палкой стукнули?» спросил Дорден.

«Винтовочный патрон. Ранило прошлой ночью. Тогда даже не заметил. Из-за адреналина, полагаю. Фесово начало болеть на рассвете.»

Дорден неодобрительно покачал головой и побрызгал на рану антисептиком. Рядом Фоскин изумленно взыхал. Он складывал одежду и амуницию Мколла и поднял пулю большого калибра.

«Твой бронежилет остановил вот это,» сказал он. «Пуля застряла в нагрудной пластине. Мне ее выкинуть?»

Мколл взял ее и положил в карман штанов. У него были свои суеверия.

«Вижу война началась без меня,» произнес голос позади них. Гаунт зашел на фабрику.

«Вольно,» добавил он, до того, как они начали отдавать честь. Он посмотрел на здоровенный синяк у Мколла.

«Первая кровь, я так понимаю?»

«Мы им хорошо отплатили,» сказал Мколл.

«Слышал, слышал. Встретился с твоим фан-клубом. Полковником Анkre.»

«С кем?» прошептал Мколл. «А, с ним. Рыжий, Не думал, что он запомнил нас.»

«Вы – герои линии, мой друг,» сказал Гаунт с сарказмом. «Местные настолько впечатлились, что дали нам защищать целый фронт траншей.»

«Фес,» сказал Мколл.

«Но ты то им сказал --» начал Дорден.

«О да, я все им высказал. Но не думаю, что они слушали.» Гаунт вздохнул. Он дал Мколлу хлипкую карту. «Вот где мы окажемся, если они упрются.» Мколл бегло просмотрел карту. «Плохое место. Хуже, чем было прошлой ночью. Намного хуже. Тут еще и река близко подходит, видите? Низкий бруствер и заболочено. Идеальное место для штурма. Не удивлюсь, если они этого не понимают.»

«Расскажи мне, что ты видел на передовой,» сказал Гаунт, присаживаясь, пока Дорден перевязывал рану Мколла.

«Солдаты Альянса, как мы увидели, уставшие и напряженные. Еще и больные, большинство из них. Антисанитария. Что хуже всего, так это их

весьма низкая дисциплина. Они довольно хорошо сражаются, если им приказывать и направлять, но нет никакого намека на инициативу.»

«Когда началось нападение, они запаниковали», сказал Каобер.

«Если быть честным,» сказал Мквеннер, «они запаниковали, когда начался обстрел. Они такого не видели никогда. Именно такого, какой произошел. Они были в довольно хорошей форме для передовой пехоты, но когда новые сверхтяжелые оружия открыли огонь, они перепугались. Вражеские рейдеры просто прошли сквозь них.»

Гаунт кивнул. «Враг?»

«Умелые профессионалы. Внушительное огнестрельное оружие. Кое-какая броня. Основная сила – гренадеры. Простая взрывчатка, но эффективная и ее очень много.» Гаунт слушал главу разведчиков и затем сказал, «Итак... Что Лорд Генерал Мколл думает?» Это была личная шутка. Гаунт очень доверял тактическому уму Мколла, и часто озвучивал этот гипотетический вопрос. Если бы Мколл был главнокомандующим, что бы он стал делать?

«Эта драка будет длиться до судного дня,» сказал Мколл и пояснил. «Она уже длится сорок лет. Тупик. Можно подумать, что Гвардейские подкрепления как-то переломят ход войны на сторону Альянса, но теперь у врага появились супер-пушки. Что я хочу сказать, так это то, что нужно что-то новое, какой-то обходной маневр. Не могу придумать что с одной только этой фесовой картой.»

«Работаю над этим,» уверил его Гаунт.

Мколл пожал плечами, и затем вздрогнул, желая, чтоб он этого не делал. «Не знаю. Что-то новое. Что-то другое или неожиданное. Что-то под другим углом. И нам лучше побыстрее понять, что. Пока они этого не сделали.»

«Я знаю кое-что,» тихо сказал Мквеннер. «Эти их новые супер-пушки. Они разрабатывали их, должно быть, годами, но вам не кажется забавным, что они впервые применили их через два дня, после нашего появления? Они должны были видеть наши корабли. Они должны были знать что, Гвардия тут, и что Альянс наконец получил подкрепления. Они боятся, что у Альянса появилось преимущество. Они хотя его вернуть.»

«Я им его верну, » усмехнулся Каобер, проверяя остроту своего прямого серебряного боевого клинка.

«Так держать,» с улыбкой сказал ему Гаунт. Он посмотрел на Мколла.
«Напиши мне полный отчет. Обо всем.»

«Сделаю, сэр.»

Гаунт хотел еще кое-что сказать, когда сердитые голоса ворвались в помещение фабрики. Ворвалась Ана Керт. «Дорден, где фес – Оу! Мои извинения, сэр.» Гаунт встал. «Отставить, Хирург Керт. Думаю сейчас вы ругнетесь снова.»

«Фесово точно,» сказала она. «Я не могу найти наши фесовы припасы, и они должны быть тут, и Крассианцы упрекают --»

«Тише! Тише!» сказал Дорден. «Остановись и отдохни.» Ана Керт сделала глубокий вдох. Она была уважаемым и хорошо оплачиваемым гражданским врачом на Вергхасте до Войны с Зойкой, и, к удивлению Дордена и Гаунта, присоединилась к Танитскому полку по Акту Утешения. Никто не понял, почему она променяла комфортную жизнь на неблагодарную службу в Имперской Гвардии. Гаунт верил, что у нее, возможно, было чувство долга, которое заставляло их испытывать стыд.

Им фесово повезло, что она с ними.

«Наши припасы пропали,» сказала она. «Все. Все, что мы забрали с кораблей Муниторума. Я искала их при погрузке, и мне сказали, что они погружены впереди. Но их нет.»

«Нет, нет,» сказал Чайкер. «Я видел их. Сложены позади фабрики.»

«Ох, там завались гаковых ящиков, Чайкс,» сказала Керт. «И все они помечены Танитскими и Крассианскими символами. Но в них ничего нет, кроме грязной ваты и соломы. Крассианские медики пытаются привить своих людей, но нечем, и они думают, что все забрали мы --»

«Хорошо, хорошо... »сказал Гаунт. «А у нас что есть?»

«Около тридцати ящиков с ампулами антибиотиков и примерно столько же с таблетками,» сказал Лесп. «Все, что мы прихватили с собой, сэр.»

«Отдайте их Крассианцам.»

«Гаунт!» начала Керт.

«Сделайте это. Я не хочу быть в плохих отношениях с такими союзниками, как Крассианцы. Я найду наши припасы, и их тоже.»

«Всегда дипломатичен, да, Ибрам?» улыбнулся Дорден.

«Однажды меня приглашали в Имперский дипломатический корпус,» сказал Гаунт. «Я сказал им идти к фесу.»

Громкий смех зазвенел в стенах старой фабрики. Его водитель сказал ему, что это место было отдано под нужды медиков Имперской Гвардии. Смех казался странным по звучанию. Он пошел от машины и зашел в большой зал, где восемь мужчин и женщина гикали и ликовали. Казалось, что офицер только что им рассказал отличную шутку. Четверо мужчин и женщина были медиками. Остальные, не беря в расчет офицера, были ранеными солдатами в черном обмундировании.

Он прочистил глотку и смех прекратился. Все оглянулись.

«Мне кажется, что вы спрашивали обо мне,» сказал он. «Я Граф Йако Бусар Феп Голке.» Граф Голке был тихим, седовласым Айэксегариенцем, одетым в темно-зеленую форму, но которой не было ничего, кроме инсигний Айэксгаери на воротнике и погонах, и золотой аквилы на шее. Он прихрамывал, и Гаунт видел, что его аккуратно стриженая седая борода росла, частично прикрывая старые следы от ожогов на щеках и горле. Он представился как глава поддержки и связи.

Они вместе прошли на площадку снаружи фабрики.

«Мы уже встречались,» сказал Гаунт. «В прошлом. Я был одним из Имперских офицеров, представленных вам, на приеме у верховного сезара той ночью.»

«Думаю так,» ответил Голке. «Признаюсь, что той ночью я был в отстранение. Простите меня. Я был смущен. Неожиданные новости о прибытии Имперцев, мой неподобающий вид...» Он похлопал по золотой медали. Гаунт знал, что Голке не упомянул тот факт, что тогда он был разжалован. Та ночь ознаменовалась концом главнокомандования Голке над силами Альянса Айэksa. Удар по его гордости, представил Гаунт. Еще один надутый аристократический генерал, который сделал карьеру благодаря

родственным связям, а не командным заслугам, теперь был выброшен с должности, чтобы дать дорогу новичкам. Гаунт ожидал горечи и негодования от него, но был приятно удивлен, когда не увидел ничего такого. Голке казался только уставшим и освобожденным.

«Мое новое назначение,» сказал Голке, опершись на ворота, чтобы расслабить ногу, «как я понял, посодействовать коммуникации между силами Альянса и Имперской экспедицией. Тут все не очень понятно, так что я хочу поблагодарить вас.»

«За что?»

«За то, что дали мне какое-то пристойное занятие, полковник-комиссар. Что-то такое, в чем нет бесполезных вечеринок и рукопожатий. И вы слегка привели в замешательство Рэджака Анkre.»

«Могу говорить начистоту?»

Голке сделал провокационный жест рукой. «Полковник Анkre показал мне настояще игнорирование современных методов ведения войны. Он слеп, цепляется за старое и дескриптирует принципы и стратегии. В самом деле, вся война --» Гаунт остановился. «Продолжайте, полковник-комиссар.»

«Не нужно, сэр. Я плохо вас знаю и чувствую, что не должен критиковать методы ведения войны вашей нацией.»

Голке улыбнулся. Это было похоже на победную улыбку, даже если одна половина его рта, которую пересекал шрам, отказывалась изгибаться.

«Полковник-Комиссар Гаунт, мне было двадцать девять лет, когда эта кровавая война началась. Двенадцать лет я был офицером на передовой, потом еще пятнадцать лет в Стратегическом Штабе, потом какое-то время на западе, далее пять лет как генерал в секторе 59, и, наконец, четыре года как главнокомандующий. Мне никогда на сто процентов не нравилось, как Айексегари ведет эту войну. Я критиковал, объяснял, пользовался званием, пытаясь что-то изменить в лучшую сторону. Это была как толкать воду против течения. Так что давайте договоримся. Говорите свободно, о чем думаете. Если я буду не согласен с чем-то, мы согласимся об этом не говорить.»

Гаунт кивнул. «Тогда должен сказать, что эта война должна была закончиться еще тридцать лет назад, если бы Альянс пересмотрел бы свою философию. Вы сражаетесь как во времена, до стрелкового оружия, как в древности.

Использование пехоты и кавалерии, зависимость от пушек, растрата человеческих сил. И, простите меня, влияние знати над командным составом.»

Голке печально рассмеялся.

Есть понятие, которого мы строго придерживаемся в Гвардии. Тотальная война. Преследование противника, который не обращает внимания на национальные или политические границы. Война с простой, непоколебимой целью, уничтожить врага. Война, которая не останавливается, чтобы настал удачный момент.

Реальность этого понятия в том, что Имперская Гвардия побеждала врагов Императора на всех театрах боевых действий. Мы движемся вперед, как физически, так и умственно. В этом вы остановились, интеллектуально, так же, как и ваш фронт.»

«Вы не наносите удары, не так ли, Гаунт?»

«Не тогда, когда меня пригласили нанести один бесплатно. Смотрите, сэр. Я знаю, что у Айексгаери долгая и славная история боевых побед, но вы все еще ведете войну, как ваши предки.

Шадик не враждебное государство, которое можно переиграть на поле битвы, а затем пригласить на дипломатический разговор о репарациях. Это рак, расползающееся зло Хаоса, которое никогда не будет играть по старым правилам. Оно перемелет вас, захватит и истребит.»

«Я это знаю.»

«Значит вы в одиночестве. Анкре не понимает этого. Совсем.»

«Анкре из старой школы. Он Коттмаркер. Они озабочены тем, чтобы показать свою пользу в Альянсе. Да что я говорю? Мы все из старой школы.» Голке посмотрел поверх крыш Ронфорка, скосив глаза, когда полуденный свет ударили его по глазам. «Просвятите меня, тогда.»

«Во-первых, Танитцы – эксперты по проникновению. Они будут сражаться как проклятые на передовой, но это будет растратой их сил. Их нужно использовать, но не как пушечное мясо, а как клинок, которым они являются.»

«Звучит разумно.»

«Во-вторых... разрозненность данных. Я знаю, что жизненно важно охранять данные о расположении войск от вражеских глаз, но сделано это ужасно.»

Гаунт достал мятую карту, которую Анкре дал ему. «Думаю, что скажу за любого Имперского офицера, когда озвучу, что нам нужен общий план. Как я могу планировать что-то, если не вижу картины в целом?»

«Анкре сказал мне, что вы думаете об общих планах. Эта идея повергла его в шок. Наша стратегия войны крутится вокруг отдельных командиров, выполняющих свои задачи и оставляющие решение глобальной задачи штабу командования.»

«Да это как сражаться с завязанными глазами или, по меньшей мере, глядя в узкую щель.» Голке запустил руку в карман и достал планшет. «Скопируйте отсюда все, что нужно,» сказал он. Тут все данные, которые вы хотите. Но будьте осторожны. Анкре и генералы Альянса пристрелят меня, если решат, что я вам все это предоставил.»

«Я буду осторожен.»

«Дайте мне время, и я подкину идею главнокомандующему. Если мы докажем ее целесообразность, то остальные проглотят это. Ваш начальник, Вон Войтц, тоже на них работает. Неверю, что он ужасно рад сложившейся ситуации.»

«Я бы такого не ожидал,» улыбнулся Гаунт.

«Теперь сделайте мне одолжение. Выдвигайте своих людей к указанным пунктам. Покажите твердое согласие. Я вернусь к главнокомандующему и подам ему петицию, чтобы действовать, как вы посоветовали. День, два. Может три.

Потом мы увидим результат.»

Гаунт кивнул и пожал руку графу. «У вас есть шанс выиграть эту войну, сэр,» сказал он.

«Не позволим Альянсу упустить победу.»

ЧЕТЫРЕ

287-311

«Сержант Тона Крийд? Сержант Тона Крийд? Мне нравится, как звучит. Другая гакова морда так не будет, впрочем.»

-- Тона Крийд, сержант

Шел уже третий день для Призраков на линии. Они занимались рутиной: патрулировали, проверяли проволочные заграждения, откачивали воду, наблюдали, выносили ведра из уборных по коммуникационным траншеям и возвращались с едой в ведрах из полевых кухонь («Клянусь, что они эти ведра уже много раз перемешали между собой,» слышали, как говорил Роун). Им приходилось использовать то, что Корбек назвал «окопной прогулкой» - ходить пригнувшись так, чтобы ничего не торчало над бруствером.

Напряженность оставалась. С ночи, когда Мколл привел передовую группу, бомбардировок не было.

На второй день, враг штурмовал линию в двадцати пяти километрах к северу от пункта 317, но в остальном было тихо.

Треть полка располагалась на линии, оставив остальных в тылу в Ронфорке. В конце первой недели, они должны были поменяться, и таким образом сформировался порядок, по которому ни один из солдат не оставался на передовой больше недели, и каждый солдат находился в резерве две недели из трех. Гаунт, конечно же, надеялся, что Танитцы не будут так долго торчать на передовой.

На линии, Призраки вываливались в грязи через несколько часов, а за день собирали кучу вшей. Они спали, как могли это сделать лучше всего, свернувшись калачиком под выступом бруствера или в землянке.

Крийд стала такой грязной, что решила с этим больше не бороться. Ее размазала грязь по лицу и волосам.

«Что за фес ты делаешь, сарж?» спросил Скин.

«Камуфляж,» сказала она.

Пятнадцать минутами позже все, кроме двоих, в ее взводе проделали тоже самое. Колеа не делал, потому что не понимал, что происходит.

Как и Кью, потому что, это же Кью.

Крийд мысленно поздравила себя. Кажется, я сделала многое, чтобы сплотить взвод. Может я смогу это сделать.

Десятый взвод занял пункт 290, с одиннадцатым взводом Обела к северу, и шестнадцатым Мароя, к югу.

Каждый пункт представлял собой огневую траншею, примерно километр длиной, пересеченную каждые двадцать метров переходами. У них был бункер с полевым телефоном и воксом, но на фоне вокс-передатчиков Призраков они были устаревшими.

Три раза в день, Крийд делала обход вместе с Хвланом и ДаФельбе. Она проверяла целостность траншеи, проверяла, что доставляли еду, проверяла наблюдательные пункты. Она лично проверяла амуницию солдат, боеприпасы и обувь.

Третий день был мрачным. Дождь шел с запада под таким углом, что края траншеи не давали никакого укрытия. И еще дождь был со слабым привкусом металла и химикатов. Кто-то сказал, что за день до этого был применен газ в Мейсекском Котле, и некоторые солдаты надели респираторы или плотные тканевые маски. Небо было низким и давящим, бурлящим быстрыми, почти черными облаками.

Оно лишило день цветов. Лица стали бледными, глазниц не было видно.

Кое-кто из состава предыдущей группы, занимавшей траншеи – Семьдесят седьмой Люнгаттской Стрелковой Бригады – располагалась позади.

Тридцать человек были приставлены к мортирам в блиндажах позади основной огневой траншеи. Их офицер, сержант по имени Хартвиг, присоединился к Крийд, когда она обходила укрытия для мортир. Он был высоким и с отсутствием чувства юмора, одетый в испещренную грязью серую непромокаемую ткань, вязаную шерстянную шапочку и кепи, с металлическим значком, на котором был изображен зверь, чем-то напоминающий медведя. Его люди особо не общались с Танитцами. Казалось, что они довольствуются жизнью в ямах укрытий. Крийд произвела впечатление, так как Хартвиг и его люди не могли подумать, что есть отряд, включающий женщину, еще и во главе.

Мортиры были низкими и широкими, машины из синего металла, называющиеся фельдверфер, и использовали сжатый воздух, чтобы выстреливать трехкилограммовыми снарядами. Команды держали их в чистоте, всегда полировали и смазывали. С другой стороны, сами они были перепачканы, и униформа висела лохмотьями. Большинство носили шерстяные шапочки или просторные капюшоны, в кожаных или шерстяных безрукавках, и у многих были металлические листы, закрепленные на груди. Грязь делала руки и лица черными.

Вперемешку с мортирами стояли пружинные пушки модели Фавелла, тяжелая маленькая катапульта, которая показалась Крийд похожей на орган. Нужно было два человека, чтобы управлять двойной лебедкой и оттянуть длинный метательный механизм к стопору. Когда дергали за спусковой крючок, пучок массивных пружин в орудии ударял по метательному механизму и посыпал высоко гранаты или круглые бомбы над огневой траншеей на поле битвы.

Хартвиг уверил Крийд, что модель Фавелла может зашвырнуть гранату более чем на двести пятьдесят метров.

Трюк состоял в том, чтобы гранаты не сработали до того, как упадут. Гранаты должны были взорваться на земле, или около нее, но если гренадеры оставят длинный запал, то будет риск того, что у противника хватит времени собрать их и метнуть назад. Один член каждой команды пружинного орудия постоянно носил керамическую трубку, с подготовленным источником огня, и ждал команды поджечь фитили, что было менее хлопотным, чем спички или тлеющая бечевка.

Семьдесят седьмой Люнгаттский не были единственными прежними обитателями огневой траншеи. Сморщеные, разъеденные части тел торчали из-под настила траншеи и, иногда, из стен, обычно, когда дождь обнажал их. Во время тяжелых столкновений тремя годами ранее, выяснила Крийд, солдаты были вынуждены закопать своих убитых в траншее. Вода потихоньку вымывала их назад.

Во время своего дневного обхода на третий день, Крийд нашла Луббу и Врила, пытающимися укрепить секцию облицовки, которая обрушилась из-за дождя. Часть выступа бруствера стала стоком для дождевой воды, которая теперь лилась мощным потоком в траншею. Задача была еще более

неприятной, потому что в местах, где отошли балки, показались древние останки, скрученный и почти мумифицированные.

«Гак,» сказала она, наблюдая за сценой.

«Нам нужно больше досок,» сказал Лубба. «Даже если мы поставим эти назад на место, то они все равно прогнили.» Крийд посмотрела на Хартвига. «Доски?» Он рассмеялся. «Вы, должно быть, шутите.»

«Есть предложения тогда?» сказала она. Она стала быстро уставать от его печальной покорности.

«На пункте 282 иногда бывает хворост. Его принесут, по линии снабжения, когда он появится.»

«Хворост?»

Крийд повернулась к Хвлану. «Иди на пункт 282 и глянь, может там есть хворост.»

«Да, сарж.»

«А как перекрыть поток?» намекнул ДаФелбе, указывая на жидкую грязь, хлещущую с выступа.

«Ну нам нужно тогда перелезть через бруствер. Хотя я лучше буду мокрым, чем мертвым,» сказал Врил.

«Тогда после наступления темноты?» рискнула спросить Крийд.

«Конечно, сарж. Как только стемнеет.»

Было мокро, что-то забулькало, и еще одна секция облицовки свалилась в траншею, где Лубба попытался прилепить ее обратно. Жирная грязь вывалилась вместе с еще одним мерзким телом.

Труп пялился, челюсти раскрыты в крике, но глаза и рот были забиты грязью.

«Ох гак... Хвлан!» Крийд позвала разведчика. Он остановился и оглянулся.

«Погляди, может, еще найдешь Цвейла.»

Хвлан кивнул.

Они прошли еще немного. Крийд проверила следующих двух или трех солдат на ступеньках: Вулли, Джаддо, Кенфелд, Субено. Сапоги Кенфелда протекали и ему нужна была присыпка для ног.

Потом они дошли до Куу, по крайней мере, до его позиции. Она была пуста.

«Мкхеф!» Крийд окликнула следующего. «Где Куу?»

«Уборная, сарж!» отозвался солдат.

Они подождали и Куу появился. Как только он увидел Крийд, он снял винтовку и протянул для осмотра, молча. В глазах не было ничего. Его лицо все еще было в синяках, там, где она его приложила.

«Ты покинул пост, Куу.»

«Нужно было.»

«Ты должен был ждать пересменки.»

Он замотал головой. «Не мог. Живот взбунтовался. Гакова еда. Крайняя необходимость, как пить дать.»

«И как долго ты болеешь?»

«День.» Он выглядел бледным и нездоровым, и она подошла посмотреть.

«Тянет еще?»

«Еще как,» сказал он с излишним чувством.

«Пришли кого-нибудь,» сказала она ДаФелбе, затем посмотрела на Куу. «Доложи Дордену. Скажи ему, чтоб подлечил тебя. Потом возвращайся, ты меня понял? Хочу, чтобы к 13.00 ты был тут.»

«Окей,» сказал Куу, забирая снаряжение. «Назад к часу, как пить дать.»

Крийд смотрела, как уходит Куу, пока он не скрылся из вида в следующем проходе. «Он - сплошная проблема,» сказал ДаФелбе. «Как пить дать,» ответила она.

В следующей огневой точке Крийд нашла Позетина, Мосарка и Нессу Бурах, столпившихся в выемке под протекающим бруствером. Они играли в кости, но она могла сказать, что они думали совсем не об игре. Она провела быструю проверку, хотя все трое были компетентными солдатами, за

которыми не нужно было присматривать, и спросила, были ли какие-нибудь проблемы.

«Только ожидание,» сказал Позетин. Он был низким, массивным Вервунцем, с кривым носом, как у боксера, из бывшего Главного Вервуна, и метким стрелком. Подходящий для специализации снайпера, он им не был из-за печального отсутствия терпения. Он тревожился, он волновался. Поэтому снайпером он не был.

«Ожидание всегда убивает,» сказала Крийд.

Позетин кивнул. «Вот почему я ненавижу сидеть в окопе, сарж,» сказал он. Он перебирали кости между костяшками пальцев. Точно и слишком опытно.

«Всему свое время,» сказала Крийд.

«Именно это я ему и повторяю,» просигналила Несса, образец спокойствия.

Легко сказать. Ни один солдат не любит ждать часами. Вырабатывалась привычка растить страх и терзать нервы. Но это сказывалось не Позетине больше, чем на большинстве.

«Займись чем-нибудь,» предложила Крийд. «Могу подобрать тебе дело. Уборные --»

«Гак их,» прохрипел Позетин. Мосарк рассмеялся. «Тогда вернись на наблюдательный пункт.»

«Я предлагал, но он счастлив и уже там.» Упомянутое Позетином «он» относилось к Колеа, дальше в конце прохода. Он был неподвижен, всматриваясь в стереоскоп, поднятый над бруствером.

Крийд прошла по дощатому настилу к нему. «Колеа?»

Он не двинулсya. Она мягко дотронулась до его руки и он поднял взгляд. Она могла сказать, что ему понадобилось какое-то время, чтобы узнать ее.

«Ты в порядке? Ты уже долго смотришь.»

«Не обращай внимания. Я могу наблюдать.»

И ведь он мог. Если Позетин был самым нетерпеливым человеком во взводе – гак, даже в целом полку – то Колеа стал самым спокойным и сфокусированным.

Она знала, что вообще-то он смотрит в стереоскоп, по меньшей мере, два часа, медленно поворачивая его туда-сюда на сто восемьдесят градусов. Ему не было скучно, он не устал. Она бы давным-давно сменила другого человека, из-за страха, что он станет невнимательным от утомления. Но только не Колеа.

Крийд точно не знала, что боеприпас локатля сделал с мозгом Колеа. Хирург Керт пыталась объяснить, но технические термины были непонятны Крийд. Что-то связанное с памятью и самоопределением. Все это было уничтожено. Гол Колеа, герой отряда рабочих, мудрый, умный, сильный... потерян, и от него осталась только физическая оболочка. Его функциональная надежность не пострадала, и проявилась в необычайной концентрации внимания.

Или, по крайней мере, говорила себе Крийд, способность не устать от наиболее примитивных заданий. Колеа мог наблюдать за линией неустанно часами. Заведи разговор с ним через пять минут после предыдущего, и он не вспомнит, о чем вы говорили.

Крийд никому не признавалась, но Колеа был самой большой проблемой под ее командованием. Гаунт предполагал, что это будет Кью, но она знала, что справится с этим гакнутым. Но вот Колеа. Десятый был взводом Колеа поначалу. Он сковал отряд. Он был все еще его. Если бы он умер, то это была бы совсем другая игра, но он все еще был тут, как постоянное напоминание его умственного бессилия, пустоты, оставшейся от его вдохновенного руководства.

Хуже всего, что он оказался в этом положении из-за нее. Ее ранило во время сражения за Уранберг. Колеа тащил ее в безопасное место и в результате получил свое ранение в голову. Она серьезно не понимала, почему он так поступил. Варл говорил, что это был просто путь Колеа. Он никогда не оставлял раненых солдат в опасности. Может так. Но чувствовалось что-то еще. Как будто Колеа было необходимо спасти ее по какой-то причине, большей, чем простая верность.

Каффран считал, что это из-за детей. Колеа иногда называл двух сирот, которых Крийд спасла из улья Вервун, как «маленький кусочек счастья», и Каффран верил, что у Колеа почти отеческий интерес в присматривании за Крийд и Каффраном, приемными родителями детей.

Тем не менее. Она никогда не узнает. Она никогда не сможет спросить у Колеа, потому что Колеа даже вспомнить не может Уранберг, и мотивов по которым он сделал то, что сделал.

«Когда ты устаешь, ты свистишь,» сказала она.

«Не беспокойтесь, сарж.»

«Когда ты видишь что-нибудь, ты тоже свистишь.»

Он потянулся к шее под плащом своими большими пальцами и вытащил оловянный свисток. Он сиял.

«У меня есть свисток.»

«Хорошо,» сказала она. «Продолжайте, Рядовой Колеа.» Она хотела уйти, но его следующие слова остановили ее. «Дети.»

«Что?»

«Что?» эхом повторил он.

«Что ты сказал, Гол? Только что?»

«Эм... » он задумался. «Дети. С ними все будет в порядке? Они в порядке?»

«С ними все хорошо,» сказала она. Ее сердце стало барабанить по грудной клетке. Это было почти так, как будто старый Гол Колеа стоял перед ней.

«Они молодые,» сказал он. «Именно так.»

«Но я думаю, что они справляются. Если ты говоришь, что с ними все в порядке.»

«Справляются.»

Он кивнул. «Такие молодые. Все что они знают, это война. Но такие молодые, большинство. Даже еще не брились. Действуют как солдаты.»

Солдаты Альянса Айэкса. Вот о чем он говорил. Все в полку были шокированы, когда увидели, как ужасно молоды было большинство местных солдат. «Дети,» говорил Лубба.

Дорогой Бог-Император. Не ее дети. Она увидела искру, всего на секунду, но ей не показалось «Продолжайте,» сказала она.

«С вами все в порядке, сарж?» спросил ДаФелбе.

«Ага. Песок в глаза попал,» сказала Тона Крийд.

Продовольственная тележка проехала вдоль огневой траншеи к северу пункта 290 минут пятнадцать назад, выдавая куски сухого ржаного хлеба, жидкую кашу из рыбы и толстые корнеплоды солдатам одиннадцатого взвода. Теперь Рядовой Гатс возвращался назад под дождем с мусорным ведром, собирая у солдат грязные миски, чтобы отнести их по линии снабжения и помыть под водопроводным краном позади пункта 290.

Согласно расписанию нарядов, Гатсу это досталось на сегодня. Он не жаловался, но это было паршивой работенкой.

К тому моменту, как он соберет все миски, мусорное ведро будет переполнено. Пайет Гатс был одним из самых старых Танитских рядовых, уставший и напряженный. Но он страдал не от физической усталости. Это было утомлением от Гвардейской жизни. Безнадежность каждый день, после которой не будет счастливого конца для них. Родного мира нет. Семейных объятий тоже не будет.

В тот день, когда погиб Танит, дочери Гатса, Финре, было двадцать один, а другой дочери Фуне только четыре месяца. Было больно покидать их, но Император призвал, а Император – это Император.

Пайет Гатс иногда просыпался ночами и садился прямо, с догорающим Танитом в мыслях. Этот финал, с дрожащими пламенем и светом, означал смерть мира, где он вырос. Была еще одна маленькая деталь, мерцание в ночи. Он наблюдал его через иллюминатор военного корабля. Просто крошечная вспышка.

Он часто удивлялся, как вообще Танит мог погибнуть. Мантия раскололась. Океаны испарились. Континенты надвинулись друг на друга и уничтожились. Великие наловые леса превратились в пепел в стене белого жара. Ядро высвободилось, извергаясь в вакуум. Пайет Гатс предполагал, что все, даже самое важное и глубокое событие в его жизни, или чьей-либо еще, казалось ничем, по сравнению с крошечной вспышкой, если вы ее видели издалека.

Он удивлялся этому, иногда, моя груду грязных мисок, выводя глубокие пятна, пришивая пуговицы на свой китель. Галактика была большой, и все в ней было маленьким, как и он. Император мертв! Серьезно? Ага... затем эта

слабая вспышка. Ты видел это? Империум пал! Святой фес, да ты шутишь?
Нет... снова эта слабаю вспышка. Вы должны были заметить.

Далеко. Вот где он хотел бы оказаться. «Далеко в горах,» как в старой песне. Это все, чего он желал в эти дни. Быть так далеко, чтобы все казалось маленьким и незначительным.

«Миски! Миски!» крикнул он, шествуя к пожарному гидранту с металлическими ведрами в руках. Гаронд положил свою внутрь, за ним Феникс и Токар.

«Сердечно вас благодарю,» сказал Гатс каждому, его голос, наполненный сарказмом заставил из смеяться.

Он скользнул в орудийное гнездо, где Каилл и Мелир съежились позади своего орудия поддержки. Каилл бросил свою миску, с наполовину съеденной едой, но Мелир все еще подбирал последние крохи подливки оставшимся кусочком хлеба Каилла.

«Фес, тебе это нравится?»

«Нормально, если ты голоден,» сказал Мелир.

Мелир нравился Гатсу. Крепко сложенный, серьезный, ас в использовании больших пушек или ракетных труб. Он он ненавидел видеть его тут. Брагг был стрелком из больших пушек у одиннадцатого взвода. Харк перевел Мелира из двадцать седьмого, когда Брагга убили. Это было почти некрасиво. Каилл, лучший разряжающий в полку по мнению Гатса, практически был женат на Брагге. Теперь он подносил ящики с патронами и заряжал ленты кому то еще.

Времена изменились. Необходимость. Забраться так далеко, и ничего из этого не было достаточно большим, чтобы быть важным в любом случае.

Мелир закончил, тщательно облизав губы, и засунул свою миску в ведро Гатса.

«Мои комплименты повару,» сказал он.

«Мелир, чувак, ты фесов лунатик,» сказал Гатс.

«Тебе нужно беспокоиться,» сказал Каилл. «Мне приходится сидеть рядом с этим фесоголовым.»

«Сядь подальше и тебе будет казаться, что это не имеет большого значения,» предложил Гатс. «Что?» Гатс помотал головой. Гатс был рад, что Каилла приставили к новому напарнику. Это все что важно. Он знал, что Каилл все еще корил себя. Он оставил Брагга, убежав за новыми патронами, и, к тому времени, как вернулся, Брагга больше не было. Три флешеттных снаряда локсатлей с близкого расстояния, это то, что слышал Гатс. Он, как будто, проглотил ракету. Пришлось сильно постараться, чтобы найти достаточно, что похоронить, а Брагг был здоровяком.

Фес случается, думал Гатс.

Он задержался, под укрепленной аркой, на сходе в следующую огневую позицию, желая иметь свободную руку, чтобы отогнать мошкуру, жужжавшую у его лица. Логлас рассказывал ему о солдате, выше по линии, который позволил этой мерзости садиться на него, а затем проснулся с мозгом, выеденным личинками.

Пайет Гатс не был от такого в восторге. Тем не менее, он удивился, как кто-то смог проснуться со съеденным мозгом. Несоответствие в рассказе. Может Логлас дурачился.

«Все нормально, Пайет?» позвал Сержант Обел, приближаясь с другого конца траншеи с посыльным.

«Нормально, сэр.»

«Ты мою уже забрал,» сказал Обел.

«Забрал,» сказал Гатс. Каждая миска Призраков была помечена фамилией и персональным кодом. Самая забавная часть работы была в том, чтобы вернуть правильную миску правильному телу.

Забавная часть. Ага, точно. Ничего не было забавного в том, чтобы собирать, мыть и распределять миски.

«Продолжайте, Гатс,» сказал Обел.

Гатс остановился в конце позиции и поставил ведро. Жидкие помои вылетели и попали на губу. «Эй, Ларкс?»

Чокнутый Ларкин медленно отвернулся от амбразуры, где лежал его лонг-лаз. Он слегка улыбнулся, когда посмотрел на Гатса. Они были хорошими

друзьями с Полей Основания. Было хорошо увидеть его улыбающимся. Ларкин казался более раздраженным, чем обычно, в эти дни. Он и Брагг были чрезвычайно близки.

«Твоя миска?» спросил Гатс.

Ларкин огляделся и в конце концов достал свою миску с выступа на облицовке. Она была полна кашей с кусочком хлеба, накрошенным в нее.

«Эх, Ларкс, тебе нужно поесть.»

«Не голоден, Пайет.»

«Тебе все равно нужно поесть.»

Ларкин пожал плечами.

Гатс забрал миску. «Уверен, что не хочешь?»

«Ага. Нет аппетита.»

«Ладно, тогда.» Гатс оставил ведро рядом со стрелковой ступенькой Ларкина и пошел назад по траншее.

Мелир принял дополнительную порцию с наслаждением. «Ты должен помыть эту миску сам и принести ее Ларксу,» сказал ему Гатс.

Он вернулся к своему ведру.

«Чем занят, Ларкс?» спросил он.

Ларкин ковырял отверткой в фиксаторе для прицела. «Калибрю,» сказал он.

Каждый снайпер калибровал прицел. Это было как данность. Регулировка прицельного кольца, мгновение, чтобы сканер считал сетчатку и установил визиры, но Ларкин развлекался куда круче. Он вскрыл крышку и убрал считыватель, калибруя свое оружие к нюансам скорости ветра и снижению траектории после выстрела, что было неуловимо для автоматического прицела. Гатс слышал, как тот говорит иногда, что видит правду через прицел. Вид через прицел было всем, во что верил Ларкин.

«Тебе нужно опасаться, чтобы ни один техно-жрец не застал тебя за этим,» предостерег Гатс. «Они сожгут тебя на столбе.»

«Так не говори им,» сказал Ларкин.

«Не буду,» сказал Гатс. Ларкин был лучшим снайпером в полку, и Гатс не хотел указывать ему, как делать его работу, даже если копаться в военной технике было строго запрещено. Это была территория техно-жрецов, которые ревностно охраняли свои секреты. Если Ларкину нужно было быть еретиков, чтобы так хорошо стрелять, то Гатс это одобрял.

Гатс поднял мусорное ведро и поспешил, собирая последние миски и направляясь на запад по линии снабжения.

«Эй, Ларкс.»

Ларкин оторвал взгляд от прицела, думая, что Пайет Гатс зачем-то вернулся. Это был не Пайет Гатс. «Как дела?» сказал Лайжа Куу.

«Какого феса?» Ларкин прислонился спиной к углу огневой точки, рукой он пытался нащупать рукоять своего ножа. «Какого феса ты тут делаешь?»

«Ох, сейчас, это не хорошо,» Куу присел на стрелковой ступени, уперевшись локтями в колени. «Заглянул сказать привет другу. А ты действуешь вовсе недружелюбно.»

«Нет,» пробормотал Ларкин.

«Да, ты, как пить дать.»

«Чего тебе надо?»

Куу вытянул свои худые ноги и облокотился на ступенку, спиной к амбразуре. «Как я и сказал, пришел сказать привет.»

«Ты не должен быть тут,» сказал Ларкин.

«А кто узнает, скажи мне?» Меня послали к врачу. Кто меня потеряет? Кто побеспокоит двух приятелей, болтающих друг с другом?»

«Я не твой приятель,» храбро сказал Ларкин. Рукой он нащупал нож. Ларкин держал его за спиной.

Куу задумался. «Может, нет. Может, нет.»

Он наклонился вперед, подняв свое лицо со шрамом к лицу Ларкина.

«Приятели не правильное слово, а, Танитец? У нас счеты, ты и я. Ты продал меня, ты продал меня комиссарам, там на Фантине. Ты и этот здоровый кретин.»

«Не называй его так!»

«Здоровый кретин? Почему, гак, я не могу называть этого здорового кретина здоровым кретином? Он был здоровым кретином, как пить дать.»

«Заткнись!»

«Эй, я всего лишь пытаюсь быть хорошим и сказать привет.» Голос Куу понизился до шепота. «У на счеты, Танитец. Ты знаешь это, я знаю это. Это не изменится. Спасибо тебе за шрамы на спине. Я думаю о тебе, почти каждую ночь. Тебе и этом святом здоровом кретине. Раньше или позже, ты заплатишь.»

Ларкин попытился еще дальше. Он знал, что нет надежды достать лонг-лаз из бойницы. Он хотел закричать, но рядом никого не было.

«Что ты имеешь в виду, заплатишь?»

«Раньше или позже, как пить дать. Война грязное дело, Танитец. Беспорядочная, и все деръмо в таком духе. Середина битвы, всякое деръмо летает туда-сюда. Кто заметит, если я отплачу? Ты будешь всего лишь еще одним телом.»

«Ты не посмеешь!»

«Ой, разве нет? Ты получишь свое, прямо как здоровый кретин.» Хлэйн Ларкин окаменел. Значит с Фантина, он всегда был позади, ожидая этого момента. И сейчас Лайжа фесов Куу пришел к нему, когда он этого меньше всего ожидал. Но эти последние несколько слов прозвучали ясно сквозь угрозы.

«Что означает, он получил свое? Что, фес, это значит?»

«Ужасная досада. Большой кретин заплатил этим.»

«Нет... нет, это не так. Не так! Фес... фес, ты ублюдок... ты убил его! »

«Как будто,» улыбнулся Куу.

«Ты ублюдок! Я донесу это до Гаунта --»

Куу выбросил руки и сжал их на шее Ларкина. Его глаза стали темными, как облако, закрывающее солнце.

«О нет, ты не станешь, ты маленький гак. Кто тебе поверит, а? Где твои гаковы доказательства? Это только между мной и тобой. Наши маленькие счеты. И мы их разрешим, как пить дать. Ты знаешь почему. И я знаю почему. Ты заплатишь за мои шрамы. Ты заплатишь своими.»

Ларкин резко выхватил нож. Прямой серебряный клинок, тридцать сантиметров. Боевой нож Танитского Первого и Единственного.

В припадке он нанес удар Куу.

Куу был готов. Он заблокировал запястье Ларкина левым кулаком, отводя клинок в сторону, и стал душить еще сильней. Ларкин скорчился от боли, но он был загнан в угол, как животное, как жертва.

Куу ударили его в висок и, когда Ларкин покачнулся, оглушенный, скинул его со ступеней. Ларкин приземлился на настил вперед головой, чувствуя, как хлюпает под ним.

Его пальцы нащупывали клинок. Он был в руке Лайжи Куу.

Куу стоял над ним, подняв клинок Ларкина ко рту и медленно облизывая его. Маленькая капля крови упала на лоб Ларкина.

«Ты, фес, сумашедший!» с трудом сказал Ларкин.

«Как,» сказал Куу, «пить дать. Мы так далеко зашли. Сделаем это.» Он приблизился к Ларкину, занес клинок. Ларкин вспомнил приемы, о которых ему говорил Корбек, и откатился, ударив Куу по ногам. Куу рухнул, клинок рванулся в сторону и срезал полоску со штанов Ларкина. Ларкин заорал и пнул снова. Но Куу двигался как змея, навалившись на Ларкина и обездвижив его.

Клинок был у горла Ларкина. Он чувствовал его острие на коже.

«Что это за фес?»

Логлас спускался из траншеи к ним, его руки были сжаты в кулаки. «Куу? Какого феса ты делаешь?»

Сопротивляясь давлению на шею, Ларкин закричал. Странно, его крик звучал как свист.

Свист. Еще два. Затем еще один.

Логлас остановился и посмотрел наверх. Снаряд ударили в заднюю стенку отневой секции и взорвался, поднимая грязь, слизь и куски дощатого настила на пятьдесят метров в воздух. Двадцати фунтовый по меньшей мере.

Ларкин видел его, видел сам снаряд. Серая оболочка, стабилизаторы, словно это было в замедленной съемке. Он видел яркую вспышку. Он видел как один из стабилизаторов, осколок металла размером двадцать сантиметров на десять, просвистел от места взрыва, вращаясь в воздухе как будто брошенная ребенком игрушка.

Логласа разворачивало силой взрыва, когда летящий стабилизатор ударили его по лицу. Ларкин видел, как это заставило Логласа нахмурить брови, сделал гримасу, и затем его лицо приняло такие черты, какие не смогло бы сделать ни одно лицо живого человека.

Лицо Логласа сначала раскололось в районе носа, и его лоб оторвался от головы, как будто дернули занавеску.

Его голова резко дернулась назад и шея сломалась. Его лицо исчезло, превратившись в дыру посреди головы, и затем вращающийся стабилизатор вышел сзади, разбрасывая куски черепа и кровавые ошметки.

«Нееет!» застонал Ларкин. Затем он оглох от рева взрыва.

Колм Корбек вышел из своей землянки на пункте 295 приблизительно за шестьдесят секунд до того, как упал первый снаряд. Он остановился на стрелковой ступеньке, нахмурившись, подняв руки, чтобы защитить глаза от дождя.

«Шеф?» спросил Рервал, его вокс-офицер. «Что там?»

Корбек чувствовал запах аммиака на ветру. Батареи заряжались для обстрела. Рервал смотрел, как Корбек медленно, с ужасающей притягательностью, поднял свисток и засвистел.

Рервал поднял свою вокс-трубу и стал кричать. «Артобстрел!» Он повторил три раза до того, как раздался щелчок, который известил, что электромагнитный импульс от вражеских пушек уничтожил сигнал вокса.

Начали падать снаряды.

Они падали как дождь. Они чувствовались как дождь. Они снаружи и внутри первой огневой траншеи Линии Пейнфорка в 55-ом секторе от пункта 251 до пункта 315, и далее в 56-ой сектор вплоть до пункта 349.

Десять снарядов в секунду, тяжелый калибр от далеких сверхтяжелых осадных батарей, и меньший, от гаубиц с фронта Шадика. За две минуты, воздух наполнился грязным дымом и паром от расщепленных на молекулы обломков, растянувшимися на пятнадцать километров.

Земля дрожала.

Между пунктами 293 и 294, Роун и Домор послали солдат в укрытие. Среди третьего взвода, Велна и Леклана ранило шрапNELью, Торез потерял руку и Фамосс был обезглавлен. Пять метров огневой траншеи и прохода просто исчезли в буре падающей земли.

Сержант Агун Сорик спал первые тридцать секунд нападения. Рев и вибрация не разбудили его. Это сделал Рядовой Вивво, тряся его за руку и крича в лицо.

Сорик заморгал своим единственным глазом и взглянул на бледное лицо Вивво в полуслучае землянки на пункте 292.

«Что?» спросил он, кратко. Но на заднем фоне стоял шум грома и голосов, и маленький походный стол дребежжал.

«Гак!» фыркнуть Сорик и быстро встал. Как он мог только спать посреди такого?

Над постоянным воем снарядом, он мог слышать, как рушиться стена укрытия. Кто-то звал медика.

Низкий, коренастый, седеющий, обладающий сильным смехом и характером, едким, как кислота, Сорик был начальником плавильного завода на Вергхасте. В войне за Вергхаст он стал лидером отряда, бойцом сопротивления. Его подвиги остались ему шрам поперек глаза, хромоту и вечное уважение жителей улья Вервун. Ибрам Гаунт дважды не думал над тем, чтобы поставить Сорика во главу взвода.

Способность спать относилась к старым дням, когда он мог вздрогнуть, несмотря на грохот линий плавильного завода. Сейчас умение казалось помехой.

Он выпихнул Вивво наружу, прижимая молодого человека рукой за плечо, чтобы он не высывался. Воздух был полон накатывающего, непроницаемого дыма, который заставлял их дышать с трудом. Они не могли ничего видеть, кроме кружашегося тумана и размытых ярких вспышек. Бруствер на пункте 292 частично обрушился и был затоплен; широкое озеро было напротив наружного края. Снаряды, падающие в него, поднимали густой пар.

«Гак! Назад в укрытие, сынок!» прокашлял Сорик, и указал Вивво залезть назад в землянку. Он стоял в одиночестве на мгновение, хотя насколько одиноко он не мог сказать. Здесь может быть люди, всего лишь в нескольких метрах, думал Сорик, и я не могу их увидеть. Он попробовал закричать, но рот забился каплями грязи и он стал опять кашлять. Более того, продолжающийся шум от взрывов полностью заглушил его.

Сорик пошел, покачиваясь, назад в укрытие. Вивво стоял на четвереньках, поверх головы он накинул свою броню, его рвало мутной жидкостью.

«Мы умрем, босс?» спросил он.

«Разве мы умерли на Вергхасте?»

«Н-нет...»

«Тогда я как как уверен, что мы не умрем в этой жопе мира.» Сорик сел на стул. Что-то уперлось в бедро, и он обнаружил гильзу для сообщений в кармане штанов.

Он не мог вспомнить, чтобы ложил ее туда.

Он отвернул бронзовую крышку и вытряхнул наружу маленький голубой листок. Листок из Гвардейского пакета с приказами. У каждого сержанта был такой, хотя они нечасто им пользовались, так как был вокс. Это было на экстренный случай, и Сорик был уверен, что не использовал его с тех пор, как они прибыли. Но когда Сорик огляделся, то увидел, что пакет лежит на столе укрытия, печать сорвана и первый лист отсутствует.

Сорик развернул бумагу. Первая надпись была сделана карандашом. «Бомбардировка в течение шестнадцати минут, потом штурм с северо-востока под прикрытием канала со сточными водами.» Он прочитал снова. Его пальцы слегка подрагивали. Ошибки не было. Это был его почерк.

Визжащий снаряд упал в третий проход от пункта 289, и бросил куски земли, дерева и кирпичей вдоль огневой траншеи. Гаунт кинулся на землю, таща за собой Белтайна. Солдат вокруг них раскидало от удара.

Когда обломки и дождь осели на них, Гаунт поднялся. Он потерял фуражку. Человек стонал рядом.

«Белтайн?»

Его адъютант медленно поднялся. «Ты в порядке?»

«Фес,» ворчал Белтайн, занимаясь своей левой рукой. Большого пальца на руке не было. «Что-то тут неправильно...»

Голос Белтайна затих, когда он увидел труп Рядового Шерика на деревянном настиле у своих ног.

Взрыл снес половину головы Шерика и в его туловище застряла сломанная доска. Отсутствующий палец Белтайна внезапно оказался совсем не важной деталью.

Недалеко, два других солдата из пятнадцатого взвода пытались перевязать разорванный живот Рядового Келла.

Это Келл издавал стон: слабый, похожий на звук больного животного.

Желтоватые петли кишок вывалились из ярко-красной дыры в его черном мундире.

Сержант Тейсс, обычно радостный командир пятнадцатого взвода, бежал с одним из санитаров. Он сказал что-то Гаунту, что было неотчетливо слышно за падением снарядов. Гаунт махнул ему и отправил к Келлу.

Гаунт был на пункте 289, проводя проверку, когда началась бомбардировка. Он проклял чувство, что он не на месте. Его взвод, первый, был на станции 291, под командованием Каобера. Не было возможности соединиться с ними во всем этом.

Он поднялся по стрелковым ступеням и посмотрел вдоль линии через прицел, который дал ему Белтайн.

«Трон Терры...» прошептал он.

Долина представляла собой ад так далеко, как только он мог видеть. Полосы дыма, широкие и плотные как грозовые тучи, ползли над огневыми траншеями, заслоняя вид. Взрывы снарядов прорывались сквозь дым, гибельные и смертоносные. Непрекращающийся огонь сжег дотла окрестности пункта 256. На 260-ой, казалось, целая секция была выпотрошена. Обстрел полз назад к линиям поддержки и коммуникаций. Щиты были подняты над задней линией и командными секциями, но они не были дневными целями. Сегодня пушки Шадика стреляли по линиям пехоты. И это могло означать только одно. Это была прелюдия к наступлению.

Просвистел свисток. Это был Колеа у своего стереоскопа. «Они приближаются!» закричал он.

Крийд вывалилась из убежища, в котором укрывалась. Пар и фуцелиновые газы заполнили траншую. Пункт 290 получил несколько попаданий в ее дислокации, но ничего такого, как кара, накрывшая секцию Мароя.

Она свистнула в свой свисток. «Примкнуть штыки! Приготовиться отбить атаку!» Она очень хотела проверить людей Мароя, но времени для этого не было. Вокруг ее бойцы девятого взвода взобрались на стрелковые ступени, боевые ножи зафиксированы на кронштейнах лазганов.

Снаряды все еще падали. Для нее казалось невозможным, что враг будет прорываться сквозь все это.

Но она верила Голу Колеа. Он никогда не врал раньше и сейчас точно не будет. Согнувшись на скользких от дождя мощеных ступенях, она выглянула сквозь амбразуру. Сквозь клубящийся пар, она видела фигуры, бегущие вперед в быстром темпе, размахивая оружием. Мколл проинструктировал Первый. Не позволять им забраться так далеко, чтобы бросить гранаты. Бомбы это их путь в траншее.

Но пружинная пушка или пневматическая мортира может бросать гораздо дальше, чем человек.

«Хартвиг! Цель – склон, сейчас!»

«Да, мэм!»

По сравнению с бомбардировкой, их маленький ответ казался немощным, когда начался. Пружинные пушки затрещали и мортиры забарабанили.

Пошли удовлетворительные колебания от легких боеприпасов на расстоянии от бруствера.

«Продолжайте!» крикнула она. Она рискнула снова взглянуть и увидела приближающуюся линию солдат Шадика, казавшуюся пятнами в тумане.

Многие пошатывались или были отброшены шаровыми бомбами и мортирными снарядами, упавшими среди них.

Она мельком взглянула дальше по линии. Девятой взвод пригнулся, готовый. Она видел Врила, разминавшего шею. Она видела Жажжо, протирающего рукоятку лазгана под плащом. Она видела Нэссы, замершую у лонг-лаза. Волосы Нэссы были все еще короткими с предыдущей миссии, когда их обрили на Фантине, и с некоторых углов ее можно было принять за молодого парня. Один солдат – Крийд думала, что это Субено – источал нервозность, но все еще держал позицию.

«Серебряный клинок!» проорала Крийд. «Встать, и огонь по усмотрению!» Ее первый боевой приказ солдатам.

Как один, девятый взвод поднялся и положил лазганы на амбразуру. Они начали стрелять, срезая ближайших солдат Шадика, в то время как огневая поддержка батареи Хартвига наносила удары сверху.

Крийд нашла цель, но это было, словно целиться в темную воду, такой была плотность дыма, клубящегося над ничейной землей. Рейдер в кольчужном шлеме внезапно замаячил, раскручивая бомбу для броска, и она спустила курок. Рядом с ней, Дафелбе тоже его видел, и они убили рейдера одновременно. Граната упала в сторону и взорвалась.

Теперь появилось больше, и они бежали к линии. Некоторые в группах, неся самодельные щиты из досок. Крийд сделала пять выстрелов в одного, но он не замедлился. До амбразуры оставалось всего шесть метров, когда поток жидкого огня прошел вдоль нее, и превратился в визжащую массу огней и мечущиеся факелы из людей.

Лубба снова открыл огонь, пройдясь в непосредственно близости огнеметом. Крийд могла отчетливо слышать, как его баки стучали и шумели, несмотря на ярость встречного огня. Трассирующие выстрелы начали прошивать мутный в дыму склон из оружия поддержки взвода. Фигуры дергались и толкались. Кое-кто повис на проволоке.

Ручные бомбы начали лететь к ним. Крийд быстро пригнулась, когда одна упала прямо под амбразурой. ДаФелбе отступил назад, держась за правую щеку, куда попал кусок шрапнели.

«Медик!» закричала Крийд. Она стала снова стрелять. Враги были уже чертовски близко, и несмотря ни на что, их было чертовски много.

Брин Майло, самый молодой из Призраков, был прямо позади своего сержанта взвода, когда рейдеры начали спрыгивать в траншею. Один перепрыгнул через голову Майло и неуклюже упал на настил. Сержант Домор повернулся и пристрелил его.

Врагов было очень много.

Большое количество прорвалось по флангам у пунктов 293 и 294 и перебралось через амбразуру.

Теперь третий и двенадцатый взвода встретились с самым худшим, что может предложить позиционная война. Плечом к плечу в узкой траншее.

Рейдеры были в коричневом и хаки, на большинстве были противогазы и тяжелые шлемы. Они были вооружены автоматическими винтовками старых моделей, пистолетами и крюками.

Мир стал очень, очень тесным. Всего лишь узкое место между земляными стенами, заглушенное снарядами, наполненное толкающимися телами. Майло нанес удар с плеча и вонзил штык, ошеломленно отступив на шаг, потому что сгустки крови попали на него, затем выстрелил в упор в фигуру в хаки, тянущуюся над ним.

Какое-то время – дольше, чем большинство Призраков признавали это – Майло был единственным гражданским, который спасся с Танита. Гаунт спас его, хотя временами Майло любил объяснять, что все было наоборот. Из-за этого, все в нем видели человека, приносящего удачу, талисман... и его умение играть на Танитской волынке тоже пригодилось.

Майло стал рядовым, как только ему исполнилось достаточно лет. Как говорили Корбек, Варл, Ларкин, Брагг – Бог-Император упокоил его душу – Майло получил больше боевого опыта ко времени, когда он пришел первый значок на свой головной убор, чем большинство Гвардейце за пять лет.

Вот бывает, когда ты один из избранников Гаунта. По своему запросу, Майло включили во взвод Домора. Он знал, что место в первом взводе, взводе Гаунта, было привлекательным, но он хотел дистанцироваться от своего «спасителя». И от той точки зрения, что он был талисманом Гаунта.

Брин Майло не был талисманом. Ему было двадцать один стандартных лет, высокий и сильный, и он ни феса не должен был никому. Несмотря на его возраст, Призраки – особенно Танитцы – воспринимали его серьезно. Хотя Майло мог только предполагать, как Гаунт, так и Корбек видели его как лидера отряда.

У Брина Майло было, что доказать. Это была его судьба, чтобы что-то доказать, пока он не умрет.

Всего лишь в двадцати метрах к северу от Майло, взвод Роуна тоже отражал штурм. Траншея была наполнена борьбой, вонючими, потными телами. Роун не мог ничего разглядеть дальше нескольких метров во всех направлениях. Он стрелял из лазпистолета и резал своим боевым ножом.

Фейгор, покрытый кровью, появился рабом с ним, и вместе они прорубили путь в телах в хаки, наполнивших траншею. Они переступали через раненых и мертвых с обеих сторон. Мелвид был с ними, и, недалеко, Каффран и Лейр.

«Уничтожьте их у прохода!» прокричал Роун. «Где Нескон? Где, фес, Нескон?»

Огнеметчика взвода нигде не было видно. Ничего не было видно, кроме толпящихся, нападающих фигур врагов.

Затем выстрелил пистолет, громкой звук от него приглушила завеса тел. Роун увидел, как упал Мелвид, схватившись за живот. Он почувствовал тупую боль в груди. Фейгор прокричал что-то и насадил владельца пистолета на штык.

Роун упал. Он не хотел, но его ноги онемели. Он внезапно опрокинулся и ударился головой по облицовке. Звуки стали приглушенными и далекими.

Что за фесов тупой способ воевать, подумал Роун.

«Фесов способ, что?» произнес голос позади него.

Он сделал усилие и посмотрел наверх. Он очень хотел, чтобы ноги его слушались. Жесси Бэнда, взводный снайпер, вжалась в выемку в траншее позади него.

«Что?» сказал Роун.

«Фесов тупой, что ты сказал?» спросила она, охрипшим голосом.

«Вести войну,» ответил он. «Я слишком громко сказал?»

«Больше было похоже, что ты это прокричал,» сказала она.

Кто-то стоял на ногах и он завизжал. Бэнда кинулась к нему и оттащила в выемку, крепко держа его, чтобы он не мог соскользнуть обратно в траншее.

«С тобой все будет в порядке,» сказала Бэнда.

«Конечно!» огрызнулся Роун. Он на секунду замолчал. «Почему?»

Она не ответила. Он посмотрел вниз и увидел, как кровь пропитывала мундир и штаны.

Он увидел, что его ноги слабые и безжизненные.

«Ох, фес!» прокашлял он. Это было неправильно. Вообще никак.

Он повернул голову, разгневанный, и посмотрел на Бэнду. «Почему, фес тебя, ты не сражаешься, женщина? Я думал, что женщины должны быть жесткими!»

«Ох, это я люблю,» сказала она, Снаряд пролетел над головой, и Роун приник к ней. Когда он это сделал, она кашлянула. Кровь потекла у нее по подбородку.

«Хотя не сегодня, я думаю,» сказала она.

«Фес! Куда ты ранена?»

«Думай о себе, а не обо мне,» ответила она.

«Бэнда! Рядовой Бэнда! Куда ты ранена?»

Она не ответила. Она потеряла сознание. Роун нашел сломанный кусок Шадиковского штыка, все еще торчавшего из ее грудной клетки.

Бэнда почти упала в огневую траншею. Роун придержал ее, сам беспомощный, пытаясь остановить их от того, чтобы их растоптали в жестоком, бесконечном потоке рукопашной битвы, охватившем всю траншею.

«Медик! Медик!» закричал он. Никто не слушал. Ее голова опустилась вниз. Роун попытался поддержать ее. «С тобой все будет в порядке,» сказал он ей. «Я фесово приказываю тебе быть в порядке...»

Пригнув голову, Колм Корбек несся по зигзагообразной защитной траншее, которая примыкала к его землянке со стороны пункта 295. Ярость дальнобойной артиллерии Шадика все еще казалась устрашающей на его части линии. Никого не приходило к ним на помощь.

Он прошел вдоль огневых ступенек, успокаивающие похлопывая Серча, Оррина, Ирвинна и Коуна по плечам. Каждый из них пригнулся у бруствера, выставив лазган в амбразуру.

Корбек опустился позади Мюрил. Она готовила свой лазган, прильнув к резиновой вставке на прицеле.

«Боюсь спросить, где фесов враг сегодня?» спросил он.

Она усмехнулась. Тем вульгарным смешком, который он так любил.

«Кажется мы им не интересны, шеф.»

«Ты что-то сделала?» удивился он.

Мюрил покачала головой. «Думала, что видела группу, разрезающую проволоку в пятидесяти метрах от нас несколько минут назад. Но нет. Только тела на проволоке, болтающиеся от взрывов. Больше ничего.»

«Можно мне?» спросил он. Она вытащила свой лонг-лаз из амбразуры и дала ему. Он приставил оружие к плечу и медленно поднялся над бруствером.

«Шеф!» прошипела она.

Он знал, что рискует, но полное отсутствие активности было скучным. Корбек уставился в прицел, настраивая прицельное кольцо, и ожидая секунду, когда оптический сканер считает его сетчатку и перекалибрует под его глаз.

Там ничего не было, кроме грязи, колючей проволоки, кратеров и потоков белого и серого дыма, ползущих почти горизонтально, подгоняемых ветром.

Он посмотрел направо. В пятистах метрах к югу, у пунктов 294 и 293, он видел адскую борьбу в траншеях, занимаемых Роуном и Домором. Толпы солдат в хаки пробирались через болото и штурмовали основную линию. Слева, опять же не более, чем в километре, защитные позиции, удерживаемые Красианцами были переполнены штурмующими рейдерами. Корбек мог слышать неистовый треск огнестрельного оружия и взрывы гранат.

Он откинулся назад, «Это фес как... необычно,» сказал он, отдавая снайперскую винтовку Мюрил с благодарным кивком. «Почему, фес их, они не идут к нам?»

«Они знают, что великий Полковник Корбек тут и не хотят рисковать?» предположила она.

«Ты милая девушка, и, возможно, это так, но тут что-то большее.» Мюрил умело откалибровала прицел под себя и присела на ступеньку, вытянув и расслабив правую ногу. Поддержание положения согнувшись, для стрельбы, доставляло ей неудобство в недавно восстановленном тазу.

«Может быть, поставите себя на их место?» сказала она.

«Это как?»

«Если вам приказано взять эту линию, то что вы будете делать?»

«Буду атаковать под прикрытием артиллерии,» просто ответил он. «И пойду до слабейшей точки,» сказал Коун позади Мюрил. «Тогда, фес... да!» сказал Корбек.

Он спрыгнул со ступеньки и поцеловал Мюрил в грязную бровь. «Спасибо тебе за предположение!» заявил он. Она была смущена. Затем он звонко чмокнул в лоб Коуна.

«И спасибо тебе за проницательность!»

«Что, шеф?»

«Представьте! Вы идете к линии. Штурм с фронта. Но до того, как вы доберетесь, отряды с каждой стороны от вас прорвутся. Зачем терять людей,

наступая на нетронутую линию? Любому полевому командиру достаточно, чтобы его люди прорвались сквозь один из фронтов, на который они наступают. Можно делать ставки, что ублюдки, наступающие на пункты 294 и 295 прямо сейчас, в сговоре. Как по учебнику. Защитить и удержать, затем ударить по нам со стороны, по траншее. Связной!»

Подбежал Рервал. «Сэр?»

«У нас все еще нет связи?»

«Нет, сэр.»

«Ладно.... Вот что мы сделаем. Каждый второй, спустится со ступеней. Те, что остались, будут стоять до конца. Ирвинн, ты командуешь тут. При первых признаках, стрельба на поражение, и свисти в свой фесов свисток.»

«Да, шеф.»

«Остальные, разбиться на две группы. Где Беул?»

«Шеф?»

«Возьми половину. Идите на юг. Поддержите ребят Домора. Удержите траншею.» Беул кивнул, и пошел проинструктировать войска на юге секции.

«Остальные за мной,» сказал Корбек.

Остальными были Рервал, Коун, Мквеннер, Силло, Веддекин и Поноре. Детовин, новый огнеметчик второго взвода тоже было пошел с ними, но Корбек отослал его назад на огневые ступени. Если штурм начнется позже, ему нужен будет огнеметчик на линии, как и Сурч с Лоеллом в качестве тяжелой поддержки.

Корбек быстро продвигался на север с шестью людьми вдоль траншеи. Каждый Призрак на стрелковых ступенях молился за них Богу-Императору.

Атака продолжалась уже семнадцать минут, согласно хронометру Корбека. Дым и пар, выброшенные массивным обстрелом, стал постоянным, кое-кто, по-видимому, на линиях поддержки, стал стрелять осветительными огнями, чтобы подсветить поле битвы. Сигнальные огни не делали ничего хорошего, кроме как превращали все в белый туман.

Команда Корбека продвигалась, останавливаясь и вздрагивая каждые несколько метров, когда очередной снаряд пролетал над ними, сотрясая землю, и осыпая их земляным дождем. Ко времени, когда они достигли укрепленного перехода, угол который был помечен как пункт 295, Корбек понял, что он задыхается.

«С вами все в порядке, шеф?» тихо спросил его Мквеннер, чтобы другие не услышали.

«Мой кости слишком фесово стары, сынок, и они повидали слишком много войн.» Корбек застыл на секунду и кашлянул. Он всегда был на передовой, и это отразилось на нем. Это стоило ему мизинца не левой руке на Волтис Сити. И это было только начало. Начало счета. Меназоид очень сильно его ранил. Хагия еще хуже. На Фантине, он был счастлив выбраться живым. Глубокие раны в теле и ноге, полученные в фес-его-так-за-все Сиренхольме, и последовавшее лечение в госпитале от заражения крови.

Было чудом, что его не напичкали аугметикой.

Было чудом, что он прожил так долго.

Вергхастский солдат, по имени Андроби, занят последний выступ перед проходом.

«Много шума, последние несколько минут,» отрапортовал он. «Мало что видно.» Он использовал разбитый артиллерийский прицел, позаимствованный у команды мортиры, чтобы наблюдать за тупиком прохода.

«Оставайся там и приготовься подать сигнал тревоги дальше по линии,» сказал ему Корбек.

Они пошли вокруг прохода. Второй раз за неделю, Мквеннер приближался к защитным позициям, которые легко могли оказаться заполненными врагами. Корбек знал это. Он слышал инструктаж Мколла насчет сражения на пункте 143.

Мквеннер все равно не показывал какой-либо нервозности. Он был бесшумен, невыразителен, его скрывала камуфляжная накидка. Он вел их, с прижатым к плечу лазганом, так что куда бы он не посмотрел, дуло было

поворнуто туда же. Он передвигался настолько тихо, что Корбек не мог сказать, где он, пока не видел.

Корбек шел за ним, с лазпистолетом в одной руке и гранатой в другой. Чека уже была выдернута, и Корбек крепко сжимал ее своим большим, волосатым кулаком.

Позади Корбека шли Силло и Коун. У обоих к винтовкам были прикреплены боевые ножи. Силло был маляром на Вергхасте, и он был тихим и заслуживающим доверия. Коун, старый добрый Коун, был одним из Танистских крепких орешков, который был на передовой почти везде с того страшного дня, когда они улетели. У него все так же были аугметические бицепсы и ключица, которые он получил на Сиренхольме.

Позади шли Поноре и Веддекин, оба с Вергхаста. Поноре был молодым, прежде временно полысевшим, и постоянно жаловался, и Корбек его недолюбливал. Веддекин был выше, с зубами, напоминавшими кроличьи, и моложе. Оба знали как пользоваться лазганом и оба бывали в сражении, по большей части на Фантине. Корбек размышлял, подстрелили ли они кого-нибудь уже. Он не знал, да и спрашивать уже было поздно.

Первал прикрывал группу. Он оставил вокс Андроби, и нес дополнительную сумку с индивидуальными пакетами. Корбек знал Первала, как отменного бойца. Было слишком легко забыть о боевых навыках солдат с воксом. Корбек надеялся, что Раглон развеет это представление, будучи повышенным из оператора вокса до командира взвода. Рядом с винтовкой, Первал держал ракетницу модели Фароса, так что они смогут просигналить назад, если станет жарко.

Траншея казалась пустой. Свет был тусклым и в воздухе витал дым, от пороховых газов. Корбек мог почувствовать запах сырой земли, прометиума, и вонь от необработанного дерева, используемого в настиле.

Эта секция огневой траншеи была десяти метров длиной, слегка изгинаясь к северо-западу, и заканчивалась в другом большом проходе. Позади в стене была дыра, глубиной четыре метра, которая вела в орудийную яму.

Мквеннер проверил ее, и доложил, что там пусто. Пневматическая мортира и снаряды, но нет стрелков.

«Это гаково --» начал Поноре.

Мквеннер приложил палец к губам и Вергхастец заткнулся.

Они проползли вперед, придерживаясь противоположной стены.

Тут, лежал разряженный лазган. Там, сломанный черенок от кирки.

Предметы из персональных вещей валялись повсюду в углублениях. Ранцы, фотографии любимых, зажигался и сигареты, респираторы, плитки рациона, постельное белье, свернутые шерстяные жилеты.

Как будто место покидали в спешке, подумал Корбек.

Они достигли следующего прохода. Мквеннер поднял руку. Он указал на деревянную стену траншеи. На ней были пятна крови, с прядями волос.

Мквеннер подал сигнал, одна рука над другой, и упал на живот. Корбек отполз в сторону, и пропустил Коуна. Коун и Мквеннер достигли конца укрепления, Мквеннер впереди, Коун пригнувшись над ним, так что два лазгана, вместе, могли встретить то, что бы там ни было за углом.

«Впереди,» прошептал Коун.

Корбек вел остальных поблизости.

Следующая огневая точка была так же пуста, по крайней мере, живых там не было.

Свежие трупы практически заполнили низ траншеи. Зарезанные Крассианские солдаты, мертвые рейдеры Шадика, все вперемешку лежат друг на друге в диком торжестве жестокого убийства. Дымок поднимался от некоторых дыр от выстрелов лазганов, там, где материал униформ начинал гореть. Кое-где стена и пол были забрызганы кровью. В других местах, гранаты превратили тела в ошметки, и покрыли копотью земляную стену. Там, куда они наступали, настил прогибался, и яркие лужи крови просачивались сквозь доски.

Запах вызывал тошноту. Кровь, кордит, внутренности, пот, фуцелин, экскременты. Все Призраки уже видели войну, в больших или меньших размерах, но это зрелище ошеломило их. Так много тел, сваленных так плотно, в таком укромном месте.

«Гак...» сказал Поноре.

«Заткнись,» сказал ему Корбек. Он попробовал пойти вперед, но там некуда было наступать, кроме как на тела. Трупы стонали и вздыхали, рыгали и пukали, пока он наступал на их легкие и кишki. Он пытался пройти к выходу коммуникационной траншеи, которая пересекала эту огневую траншeю.

Тяжело было держать равновесие на мертвцах. Корбек вытянул в стороны руки, чтобы придерживаться за стены траншеи. Он выругался, когда под его весом фонтанчик крови вырвался из ранения в груди Крассианца.

Веддекин внезапно развернулся, и это движение испугало Корбека. Лазган Веддекина рявкнул, и яркий луч энергии пролетел по ширине траншеи и попал в лицо рейдера Шадика, который только что появился на амбразуре.

Рейдер дернулся, со сломанной шеей, и затем полетел вниз головой по стрелковым ступеням. Корбек подпрыгнул от выстрела, потерял равновесие и упал в груду мертвцов.

«Острый глаз,» одобрительно прорычал Мквеннер. Разведчик запрыгнул на ступень, поднял оружие и пристрелил еще двух бойцов Шадика, показавшихся наверху у амбразуры.

Призраки рванули на ступени, присоединяясь к Мквеннеру и открывая огонь в задымленные участки ничейной земли по штурмующему отряду.

«Гак! Их там так много!» крикнул Поноре.

«Прицелиться. Выстрелить. Повторить,» подогнал его Мквеннер.

Корбек смотрел на спины своих парней на ступенях и пытался встать на теплом пласте из тел. Он поднял руку к поддерживающему брусу и –

Он замер. Рычаг гранаты выпал из его хватки.

Он уронил фесову бомбу.

Он посмотрел вниз, посмотрел на скрученные конечности, уставившиеся лица и кольца кишок.

Она была где-то там.

Если он крикнет предупреждение, то его отряд рассыпется, и штурмующие накроют их. Если нет, то он и, скорее всего, два или три члена его команды будут убиты.

«Святой фес!» простонал Корбек, опуская руки в липкую массу разорванных внутренностей, расколотых костей и горящей ткани под ним. Он нащупывал гранату. Самый фесово идиотский способ умереть. На сколько стоял таймер? Десять секунд? Пятнадцать?

Как долго он ее искал?

Его пальцы сомкнулись на бомбе. Он чувствовал химический жар от нее и хотел выпустить.

Но он не стал. Он вытащил гранату и бросил. Бросил так сильно, как ему позволила его большая, уставшая, старая рука. Выбросил ее, желая, чтобы она долетела прям до Республики Шадик и никогда не возвращалась. Бросил ее так отчаянно, как бросал кожаные мячики, которые летели к нему на игровом поле в Прайз Кантри, когда ему было всего лишь одиннадцать, и когда он ненавидел свое принужденное участие в Турнире Схолы в Кантри.

Он ненавидел эти мячи. Он никогда не мог их поймать. Никогда не мог выставить. Он был обречен, ребенком, быть последним мальчиком, которого брали в команды.

«Фес!» заорал он, и бросил. Мощно бросил. Лучший бросок в его жизни.

Брошенная бомба взмыла в воздух на три метра и пронеслась к ничейной земле. Шрапнель от воздушного взрыва попала в пятерых рейдеров в центре атакующего взвода.

Они сломались и побежали назад, выстрелы Мквеннера, Коуна, Веддекина и Рервала подгоняли их. Веддекин попал одному в спину и поджег патронташ бедного ублюдка. Убегающая фигура занялась огнем и продолжала бежать, горя, перепрыгивая через воронки от снарядов и холмики грязи, пока не скрылась из виду.

«Чисто?» спросил Корбек, снова на ногах. Его голос охрип от стресса. Он молил любых богов, которых только мог представить, о том, чтобы никто не заметил, как фесово близко он был к тому, чтобы все испортить.

Особенно Мквеннер. Корбек должен был быть лучшим. Мквеннер никогда бы не облажался так, даже за миллион лет. И Мквеннер определенно взял бы Корбека в свою бейсбольную команду в последнюю очередь. Старый и уставший, и медленный, Колм Корбек, старый и уставший, и медленный.

«Все чисто,» сказал Коун.

«Останемся тут?» спросил Рервал.

«Они нескоро вернутся, если думают, что линия защищена,» мудро заметил Мквеннер.

Корбек подозвал их кивком и выдвинулся к изрезанной траншеи коммуникации. Он снова вел их, свой офицерский пистолет он убрал в кобуру и снял со спины винтовку. Он так же примкнул штык.

Дальше по коммуникационному проходу было еще больше тел, Крассианцы в основном, их можно было узнать по мундирам медного цвета и серым шлемам. Рервал опознал пару человек, которые были на Уранберге. Бедные фесовы ублюдки. Они сражались, чтобы удержать каждый сантиметр этой случайной дыры в земле. То, как некоторые из них умерли, уничтожало веру. Мучительно, унижительно...

Они прошли четыре зигзага, когда Корбек остановил их. Огонь стрелкового оружия раздавался далеко и близко, за следующим поворотом.

«Как я понял,» тихо сказал им Корбек, «противник ворвался на линию, убивая Крассианцев, или заставляя их отступить к линии коммуникаций. Возможно, противник многих потерял. Так что мы проберемся к ним в тыл. Давайте сделаем это.»

Призраки кивнули и проверили оружие.

«Тroe в ряд,» проинструктировал Корбек. «Я, Вен и Ведди. Тут больше нет места. Силло, Коун, подготовьте несколько бомб и киньте их высоко над разделителем, когда мы выдвинемся. Бросьте их повыше – слышите меня, фесы?»

Они слышали.

«Вы, идите за нами,» Корбек сказал Поноре и Рервалу. «Если мы упадем, стреляйте над нами. Коун, Силло, вы тоже, за ними. Покажем им, как это делается.»

По сигналу Корбека, они зашли за угол и оказались за спиной у толпы рейдеров Шадика, скучковавшихся за следующим поворотом. Кое-кто из

вражеских солдат начал поворачиваться, когда в них стали попадать первые выстrelа из лазгана.

«Первый и Единственный!» заорал Корбек, паля в автоматическом режиме, вгоняя лазерные заряды в спины цвета хаки.

Веддекин упал, его оружие заклинило.

Первал подался вперед, проходя его, и поддержал плотную линию. Заряды пролетели над ними, брошенные Силлой и Коуном из-за поворота траншей. Шрапнель заполнила узкий проход.

«Серебряный клинок!» прокричал Корбек, и, без промедления, рванул на врага. Он атаковал врага, потому что увидел, что их угол не безопасен. По крайней мере, недолго. Вторая траншея, возможно путь подвоза амуниции, пересекалась с их проходом справа. Там могли быть еще солдаты Шадика...

Они там были.

Корбек вонзил свой штык в ребра одного солдата, затем скинул его с клинка, пристрелив следующего рейдера. Каким-то образом первый солдат вырвал клинок с держателя винтовки, когда падал. Когда приблизился третий, раскручивая булаву над головой, Корбек все равно ткнул его винтовкой. Как бы он не сокрушился о собственном возрасте и убывающей силе, Корбек все еще был одним из самых больших и сильных людей Первого. Со штыком или без, вы не сможете больше подняться, если Колм Корбек навалится всем весом позади стального ствола лазгана и вонзит его вам в грудину.

Теперь у Корбека был угол обстрела второй траншеи. Она была узкой и хорошо укрепленной, и тянулась с небольшим уклоном. Он упал на колени и стал стрелять вниз. Его выстrelы опрокинули пару врагов, сгруппировавшихся в пятнадцати метрах от него, затем третьего. Четвертый открыл огонь из небольшого полуавтоматического оружия, маленького слаггера с кривым магазином, похоже, спроектированным для столкновений в траншеях.

Очередь мелкокалиберных пуль попала в поддерживающие брусы, укрепляющие траншею, позади Корбека, откалывая щепки. Корбек выstrelil дважды, невозмутимый, и откинул стрелку на облицовку. Человек сполз вниз и откатился.

Дальше по траншее виднелись еще фигуры, укрытые тенями и дымом.

Корбек выстрелил в них еще пару раз, и затем нырнул в укрытие, потому что бомба приземлилась у входа в траншею и подняла в воздух грязь и обломки настила.

Корбек подвел итоги. Он, Мквеннер и Рервал были по одну сторону от прохода во вторую траншею, остальные все еще были за поворотом. Коун пытался быстро пробежать к ним, но резко отпрянул назад, когда пули и то, что казалось дробью, начали вгрызаться в дорожку.

Корбек взглянул на треншею. Его отряд уничтожил всех рейдеров вплоть до следующей секции, которая была далее в десяти метрах.

«Проверь впереди,» сказал он Мквеннеру. «Надеюсь, что там Крассианцы. Не дай им себя пристрелить.»

Мквеннер кивнул и оскалился. Он подошел к концу секции и заглянул за угол. Мощный лазерный огонь заставил его отпрянуть.

«Гвардейцы! Мы Гвардейцы!» заорал он. Больше огня. Крассианцы, новый отряд со сравнительно небольшим опытом боевых действий, сдерживал удары последние сорок пять минут. Они были нервными и рассерженными и стреляли во все подряд.

Рервал присоединился к Мквеннеру.

«Они даже знать не хотят, что мы не из Шадика,» сказал Мквеннер.

«Нам лучше привлечь их внимание,» сказал Рервал. Он вытащил сигнальный пистолет, открыл его, и стал и стал рыться в ранце, перебирая дымовые и цветовые заряды. «Какой сегодня опознавательный цвет?» спросил он.

«Голубой,» сказал Мквеннер. Он отлично знал, что Рервал знает это. Рервал был вокс-оператором, и вместе с Белтайном и Раффланом одним из лучших специалистов по сигналам в полку. Вопрос был для Рервала способом управления стрессом. Стратегия преодоления. Шанс выяснить, что Мквеннер думал об этой идее, даже не спрашивая.

«Голубой. Точно,» сказал Рервал. Он вставил картридж в сигнальный пистолет, захлопнул его, поднял и сказал, «Отвернись.»

Оба закрыли глаза. Рервал выстрелил за угол и сигнальная ракета застряла в стене грязи. Она загорелась фосфоресцентным белым светом с голубым оттенком из-за дыма, валящего из нее. Свет был жестким и неприятным. Он убрал длинные, чернильные тени и сделал все вокруг холодного цвета. Лазерный огонь прекратился.

«Гвардейцы! Мы Гвардейцы!» снова попробовал Мквеннер. «Вы там – Крассианцы?». Пауза. Ответный крик.

«Крассианцы?» снова крикнул Мквеннер.

«Именно! Какой дневной пароль?»

«Альфа голубой пентакост!» крикнул Рервал.

«Голубой одиннадцать салютант!» пришел правильный ответ.

«Я выхожу,» крикнул Мквеннер. «Не стреляйте!»

Он медленно пошел в траншею, все еще залитую бриллиантовым светом шипящего сигнального заряда. Голубой дым вился вокруг него. Это был театральный выход, и Рервал даже был город этим.

Крассианские солдаты спустились к ним по траншее. Их оружие все еще было поднято, и они выглядели взвинченными и испуганными. Молодые, в большинстве. Побелевшие, на фоне мундиров медного цвета.

«Откуда, черт вас дери, вы прибыли?» спросил старший офицер.

«Наловые леса на западе Аттики,» ответил Мквеннер с обычной загадочностью. Офицер выглядел озадаченным.

«Мы из Танитского Первого и Единственного,» сказал Рервал. «Мы атаковали их с юга.»

«Танитцы?» отозвался офицер. У двоих-троих молодых людей в глазах стояли слезы. Облегчение, решил Мквеннер.

«Они по нам мощно ударили, очень мощно,» сказал офицер. «Они ушли? Вы уничтожили их?»

«Еще нет,» сказал Мквеннер.

В пятнадцати метрах позади за углом, Корбек вел работу по зачистке вторичной траншеи.

Вместе с Коуном, Веддекином и Поноре, они регулярно стреляли дальше по траншее, но ответ был ничуть не слабее. Худшей часть всего этого было то, что как минимум у одного рейдера был дробовик, возможно укороченный, идеальное оружие для войны в траншее. Заползти туда, рискуя поймать пулю было тем самым, на что поставил бы Мюртен Фейгор. Но дробовик накрывал все пространство.

Силло попытался. Поноре оттащил его от входа и перевязывал рану, но Корбек знал, что дробовой выстрел бьет как гангрена, которая должна появиться, даже если враг не обрабатывает свой свинец бактериями, как было ему известно - распространенная тактика среди войск архиврага.

Силло был ранен в бедро с такой силой, что оторвало штанину, порвало пояс и вгрызлось в плоть так глубоко, что Корбек видел желтый жир и кость.

Силло кричал, потерял сознание, потом опять очнулся и снова закричал. Он замолчал только тогда, когда Поноре всадил ему дозу морфия в ягодицу.

«Может есть обходной путь,» предположил Веддекин, сидя спиной к стене у прохода.

«Может быть. Кто знает?» проворчал Корбек. «Если бы у нас была фесова карта...» У него была фесова карта. Всем старшим офицерам выдали одну, когда они отмечались в штабе 55-го сектора по пути к линии. Карта была неполной по трем пунктам. Во-первых она показывала только непосредственные позиции, приданые старшему офицеру, а значит для Корбека она заканчивалась на пункте 295. Во-вторых, на ней не было никаких мелких деталей, типа траншей поддержки, коммуникационных линий, дорожек для подвозки боеприпасов или наблюдательных пунктов, потому что Командование Альянса Айэкса боялось, что детальная карта будет более чувствительной к риску быть захваченной. Таким образом даже если бы Корбек раздобыл карту пункта 296, на ней бы все равно не было бы этой траншеи. И третье, возможно наиболее важное,казалось, что карта нарисована страдающим галлюцинациями, испачканным в чернилах тараканом, которому позволили бегать по использованной туалетной бумажке.

«Мы можем пройти верхом,» сказал Коун, размышая вслух. «То, что проделали разведчики на пункте 143 той ночью.»

Конечно, они же фесовы разведчики, лучшие из наших лучших, на полвека моложе меня и достаточно сильные, чтобы дробить орехи нала подмышками, хотел сказать Корбек. Но не стал. Коун же только пытался помочь.

«Ставлю на то, что они этого ожидают, приятель,» сказал Корбек. Он поднял шлем Шадика, надел на конец ствола лазгана и поднял над облицовкой.

Прошла всего секунда, и выстрел из винтовки попал в него и отправил в полет.

Коун слабо улыбнулся Корбеку и пожал плечами.

Поноре огляделся. «Святой Гак!» начал он. «Нам повезло, что мы не взлетели на воздух, когда открыли тут огонь!»

Больше нытья. Корбеку действительно было неинтересно, что говорил Поноре. Он бы подошел и шлепнул бы его потихому, если бы не факт, что ему надо встать в очередь, чтобы сделать это.

Поноре не собирался затыкаться. Он подошел к другой стене и откинул брезент. Как и в случае с другими траншеями поддержки, выемки были выкопаны по сторонам траншеи в качестве кладовых и затем занавешивались. Поноре явил взглядам сложенные сумки с бинтами, банки с овощным супом, муслиновые сумки со свечами и три или четыре бочки с маслом для ламп.

«Если бы выстрел попал сюда,» простонал Поноре, «ба-бах! Нас бы не было.» Корбек внезапно ухмыльнулся. «Поноре?»

«Да сэр, шеф?»

«Я б тебя расцеловал.»

«Он сделает это,» убедительно предостерег Коун. «Вытаскивай бочки. Осторожно, желательно.» Веддекин и Поноре подтащили первую к проходу.

Корбек снова выглянул за угол. Он видел то же, что и в первый раз, когда смотрел вниз на дорожку для перевозки амуниции. Но тогда он был слишком занят убийством солдат Шадика, чтобы обратить внимание.

Второстепенная траншея тянулась под уклоном. Небольшим, еле заметным, по факту. Но почему настил тут был в хорошем состоянии. Вода стекала вниз по траншее.

«Что дальше?» спросил Веддекин.

«Нам нужен трубка или что-то такое,» импровизировал Корбек. «Коун? Там должен быть сифон или воронка или что-то еще внутри.»

Коун обыскивал кладовку, ругаясь каждый раз, когда занавесь падала назад и скрывала его в темноте. Поноре подошел и придержал брезент. Коун вышел с оловянным кувшином.

«Как насчет этого?»

«Брось-ка сюда.»

Коун кинул кувшин напротив прохода и Корбек поймал его за ручку. Четыре или пять выстрелов прозвучали со стороны второстепенной траншеи.

Корбек вытащил свои боевой нож из груди рейдера, который как-то его оторвал от лазгана.

Он пробормотал извинения ножу за то, что собирался сделать.

Ему понадобилась минута, чтобы отпилить дно кувшина, отогнуть его, и разрезать кувшин вдоль. Потом он прижал его к стене траншеи и оторвал отогнутую половину.

Он сделал маленький лоток. Не лучший лоток в мире, но все-таки маленький лоток с носиком и всем остальным. Его отец, механик, гордился бы им.

Он метнул его назад. Больше выстрелов.

«Вкопайте его в землю,» инструктировал он. «Нет, на углу, чтобы носик лежал на краю. Ага, вот так. Оставшаяся часть в укрытии. Как лестница. Вкопайте ее так, чтоб не шаталась.» Коун поскреб землю насадкой от своего девяносто седьмого и укрепил лоток.

«Какая прелесть,» одобрил Корбек. «Теперь начинайте сливать масло вниз.» Поноре открыл первую бочку и с помощью Веддекина установил ее над лотком. Чистое, сладкопахнущее ламповое масло выплескивалось и бурлило

в самодельном лотке. Оно начало стекать вниз по траншеи булькая под настилом.

«Остальные тоже,» подгонял Корбек, как только Коун с Поноре покончили с первой бочкой и укатили ее, и Веддекин вскрыл вторую. Корбек осознал, что он переступает с ноги на ногу от волнения. Он так хотел быть на другой стороне прохода, испачкавшись за работой, но он мог только стоять и раздавать инструкции.

Внезапно ему пришла мысль. Эпифания. Вот как это называется. Он слышал, как Капитан Даур рассказывал об эпифаниях. Даур был образованным парнем. Он понимал эти хорошие, утонченные вещи.

Момент неожиданной ясности. Это то, что, как Корбек верил, означает. Внезапный момент осмыслиения.

Он бы никогда не стал офицером. Никогда. Даже сержантом, не говоря уже о том, чтобы старшим офицером Танитского полка. Конечно, он имел внешний вид и харизму, так ему говорили. Он был личностью, вокруг которой собирались люди. Вот что Гаунт увидел в нем, когда они впервые встретились. Должен был.

И Корбек был счастлив служить.

Но там так произошло. Гаунт сделал из него полковника. Он не просил об этом. Он не гнался за этим. Он не был карьеристом, как Даур или, Император защити их всех, Роун. У него не было амбиций.

Что они все про него говорили? Восхищались? Он вел их. Именно так. Он никогда не был более счастлив, чем когда он был по уши в работе или сражении, противостоя практикам.

Он был большим, сильным сыном механика из Кантри Прайз. Он должен был быть солдатом, пехотинцем, фесово зарываясь во всякую гадость. Тут гадость везде, как факт. А не стоять на этой стороне прохода, выкрикивая приказы.

Корбек думал об этом какое-то мгновение, смотря, как масло бурлит и стекает вниз по траншее.

«Третья бочка пошла!» прошипел Коун. «Это сработает?»

«Давай выясним,» ухмыльнулся Корбек. Он посмотрел дальше по основной траншее, где Мквеннер и Рервал разговаривали с группой выглядящих смущенно Крассианцев.

«Рервал! Сюда, сынок!»

Связист поспешил к Корбеку.

«Дай мне сигнальный пистолет. Что лучше бахнет?»

«Сэр?» сказал Рервал, передавая сигнальный пистолет. Корбек открыл его.

«Твои сигнальные ракеты, Рервал. Какая бахнет лучше всего?»

Рервал пошарил в сумке. «Красная, я думаю, шеф. У нее самый большой пороховой заряд. Но мы предполагали использовать одну из них только в затруднительном положении. Это сигнал для критического положения.»

«Дай мне одну. Если сработает, я уверен в этом фесово точно, наши друзья из Шадика вон там решат, что это и есть затруднительное положение, без сомнений.»

Рервал пожал плечами и отдал Корубеку патрон, помеченный красным. Корбек зарядил его в пистолет. «Готово?» спросил он Коуна.

Призраки на другой стороне откатывали последнюю бочку. Коун кивнул.

«Пригнуться и укрыться,» сказал ему Корбек. «Ложись!» Он направил сигнальный пистолет во второстепенную траншею и нажал на курок. Ничего не произошло.

«Что фес не так с этим куском металла?» проворчал он, поднимая руку.

«Там предохранитель,» сказал Рервал, объясняя и стараясь быть полезным. «Вон там. Нет, переключатель возле большого пальца. Ух.»

«Ясно, я это знал,» сказал Корбек и выстрелил вдоль траншеи.

Перегретый, ярко светящийся, как лазерная торпеда, выстрел отрекошел от правой стены, уходя влево, и вращаясь, полетел к укрытию рейдеров Шадика, выбрасывая яркий красный дым.

Корбек потянул Рервала к задней стене траншеи.

Послышался крик. Звук зажигания. Затем сорок метров второстепенной траншеи взлетели на воздух. Огонь метнулся к небу, сладкопахнущий, как запах фитиля маленькой лампы.

Был еще другой запах. Ужасный запах. Поджаривающего жира и мяса.

«Хорошая работа,» сказал Корбек своим парням, морщась от яркого огня.
«Фесово хорошая работа.»

Штурм на пункт 292 начался точно через шестнадцать минут после начала бомбардировки. Они пришли с северо-востока, солдаты Шадика использовали большую, ржавую трубу для сточных вод, как прикрытие. Точно так, как было указано в записке.

Ни один из рейдеров не подошел ближе пятнадцати метров к амбразуре. Агун Сорик расположил своих людей вокруг выпуска коллектора и они пролили адский огонь на приближающиеся хаки.

Рядовой Казел прикинул, что они убили как минимум пятьдесят, может даже шестьдесят. Было сложно сказать.

Пятый взвод отбросил их назад, откуда они там пришли.

Сорику не хватало Дойла. Доил был разведчиком в его взводе. Он погиб во время специальной миссии на Уранберге. Дойл бы сосчитал. Дойл бы знал.

Сорик встал на стрелковой ступеньке и закрыл свой здоровый глаз. Он всегда отказывался от повязки или импланта для глаза, который он потерял в улье Вервун. Он носил свой шрам с некоторым вызовом. Это делало его выглядящим так, будто он постоянно моргал.

Он закрыл глаз и подождал. Он увидел, что они убили как минимум шестьдесят шесть рейдеров, силы нескольких взводов. Казел занизил.

Иногда, Сорик видел лучше, когда закрывал свой здоровый глаз. Это было всего лишь одной из способностей. Он об этом много не думал. Другой глаз был мертвым, и Сорик считал, что он видит вещи, только такие, какие может видеть только мертвый. Это было преимуществом, которым не обладал здоровый глаз.

Это часто происходило после случая на Сиренхольме. Там он был тяжело ранен.

Пока он выздоравливал, он видел такие странные сны.

Сорик знал, что ему нужно помалкивать о них, но секретность не была его путем. Он говорил о своих снах, и теперь Гаунт и Дорден, и эта милая девушка Ана Керт, относились к нему с подозрением.

Он никогда не должен был им говорить о своей пра-прабабушке.

У бабушки могла видеть вещи. Кто-то называл ее ведьмой. Ну так что? Это было не так, как у прайкеров, гака ради! Бабушка была только способна... видеть вещи, которые другие не могли. Сейчас и Агун мог, будучи семнадцатым сыном семнадцатого сына, как Бабушка всегда уверяла его.

Это не всегда происходило, Не всегда до Сиренхольма. Пройдя так близко под черными крылом смерти и вернувшись с другой стороны, это пометило его. Это разбудило его. Это открыло его чувства.

Открыл глаза.

Тем не менее, записка была чем-то другим. Сорик чувствовал, как его сердце замирает, когда он об этом думал.

Как он про это узнал? Как он это написал самому себе?

«Отставить», сказал он своим людям, и его слова разнеслись вокруг. Сегодня больше не будет солдат Шадика на пункте 292.

Сорик понял, что он знал, что так и будет. Но откуда?

Он чувствовал себя напуганным. Он захромал назад в укрытие, игнорируя вопросы солдат.

«Вивво?»

«Босс?»

«Успокой их,» сказал он и закрыл занавесь за собой.

В тусклом свете лампы, он присел за маленький деревянный столик. Латунная гильза для сообщений стояла на столе, на краю, отбрасывая маленькую прямую тень. Следов клочка голубой бумажки не было.

Сорик медленно вздохнул, крепко схватившись за край стола своими грубыми руками. Выпивка.

Это должно помочь.

Он встал, и поковылял на негнущихся ногах к полке. Прицел, магазины, свечи... «запасная фляга воды».

Гаунт говорил, что пристреливал людей за распитие при исполнении долга. Исключая особые случаи.

Это был особый случай.

Сорик открыл флягу, в которой раздавались всплески слишком громко, чем ему бы этого хотелось. Он махнул сакры. Старина Брагг снабдил его ей. Сорик распробовал Танитский ликер. Кто достанет ему сакры, когда Брагга не стало?

Пакет с депешами на голубых бумагах лежал на полке рядом с флягой. Сорик подумал взять ее, но вместо этого сделал еще один большой глоток. Пшеничный спирт запыпал в его желудке. Он почувствовал себя лучше. Он снова взглянул на пакет.

Два первых листа отсутствовали.

Сорик бросил взгляд на стол. Латунная гильза все еще зловеще стояла там.

«Уходи!» сказал он.

«Эм, я постучалась,» ответила гильза.

Но это была не гильза. Это был Комиссар Харк.

Комиссар присмотрелся к Сорику, опуская занавесь.

«Сержант?»

«Ох, ох. Входите»

Харк вошел.

Сорик чувствовал себя очень беззащитным. Он старался держать рот крепко закрытым, так чтобы Харк не смог почуять запах ликера. Гаунт мог бы его простить. Харк был из другого теста. Харк был комиссаром, без оговорок, без примесей.

«Все в порядке?» спросил Харк. Он казался подозрительным.

«Конечно, конечно,» сказал Сорик, дыша через нос.

Харк посмотрел на него. «Вы можете расслабиться, сержант.»

Сжатый рот Сорика оскалился и он кивнул.

Харк сел на стул, сняв в фуражку. «Хорошая работа сегодня, сержант. Великолепная вообще-то. Как вы поняли, что солдаты Шадика придут той дорогой?»

Сорик снова пожал плечами.

«Счастливый случай?» Харк кивнул головой. «Проницательно – это лучшее слово. Вы очень проницательный. Вы знаете своих людей, Агун. Могу я называть вас Агун? Это не нарушит ваше чувство ранга?»

«Вовсе нет, сэр,» пробормотал Сорик, стараясь не дышать, пока говорил.

«Бомбардировка закончилась,» сказал Харк. Сорик понял, что даже не заметил этого.

«Мы их отбросили почти везде,» добавил Харк. «Наиболее трудно пришлось на пунктах 293 и 294, а так же у Крийд, Обела и Тейсса. И еще Маро погиб.»

«Дерьмо, нет», сказал Сорик, в злости.

«Хех, это очень плохо. Хороший солдат. Но его секция потеряла семьдесят процентов людей. Снаряды их хорошо потрепали. Ласко, Феврин, Бистроя, Мкдил. Все погибли. Не вы, хотя, эм?»

«Сэр.»

Харк сделал широкий жест. «У меня еще нет всей картины, но я очень уверен, что ваш взвод справился сегодня лучше всех. Адская работа, Агун. Хорошая работа. Очень умно было понять их дорогу для атаки. Я впечатлен.»

«Спасибо, сэр.»

«Я буду рекомендовать ваше подразделение Гаунту. Кого-нибудь хотите выбрать?»

«Выберу... Вивво и Казела.»

Харк кивнул. «А теперь я скажу, что сделаю дальше.»

«Сэр?»

«Я ничего о тебе не знаю, Агун, но меня всего трясет. У такого человека как ты, должно быть что-нибудь крепкое тут.»

«Ох,» сказал Сорик. Он загремел по полке. «Простите мое негостеприимство, комиссар.» Он разлил сакру в два оставшихся, вроде как, стеклянных, со сколами, стакана и протянул один Харку.

«Великолепно. Я знал, что могу рассчитывать на такого заслуживающего доверия жителя улья Вервун, как ты.» Харк залпом выпил. Сорик сделал небольшой глоток. Он наполнил стакан Харка и вздохнул более свободно.

Харк прикончил второй стакан. «Нужно привыкнуть, но это Танитское пойло хорошее, не так ли?»

«Начинаю предпочитать, сэр,» сказал Сорик.

«Когда-нибудь ты мне расскажешь, как ты это сделал,» сказал Харк.

«Сделал что, сэр?»

«Выгнал Шадика. Хорошая работа, в самом деле. Великолепная. Полк гордится вами.» Харк встал.

«Мне нужно пойти дальше по линии. Роуна подстрелили. Его секция в руинах.»

«Тяжело ранили?»

«Пойду выяснить. Еще раз, хорошая работа, Агун. Мои комплименты твоим парням.» Харк поднял занавесь, чтобы выйти.

«И спасибо за выпивку,» добавил он и исчез.

Сорик тяжело присел сразу же, как ушел комиссар. Он играл со стаканом, и затем выпил остатки.

Вивво просунул голову в занавесь.

«Босс? С вами все--»

«Уходи,» сказал Сорик.

«Да, босс.»

В одиночестве, Сорик взял гильзу и открыл крышку. Ему пришлось постучать по дну дважды, чтобы голубая бумажка выпала. Сообщение было написано от руки, как и предыдущее. Оно гласило: «Не пей. Идет Комиссар Харк.»

ПЯТЬ

СЕРЕБРЯНЫЙ, КРАСНЫЙ И ЧЕРНЫЙ

«Ожидание отстой. Это отстой для голодного в очереди на кухню, это дерьмово для жениха на его праздничном ужине, и это, несомненно, дважды, трижды, четырежды дерьмово для молодого солдата, как ты.»

-- Колм Корбек, полковник

На передовой был плохой день. Резервы Танитского Первого в Ронфорке могли сказать так, потому что появились искусственные сумерки и стена черного дыма поднималась вдалеке. Они ждали новостей, надеясь на лучшее, готовясь к худшему.

Гаунт оставил Капитана Бана Даура за главного в тылу, где располагалась целая две трети численности полка, и Даур мучительно провел весь день. Каждые десять, двадцать минут он бродил снаружи и смотрел на мерцающие огни и вздывающийся дым далекой битвы. По началу, удары снарядов звучали как гром далекого шторма; приглушенные, далекие, отставающие от вспышек. Потом звук стал непрерывным, без перерыва или пауз. Постоянный грохот, как если бы земля медленно смешалась и трескалась. Иногда земля тряслась, даже на таком расстоянии.

Время от времени, приходил рев от взрыва такой громкий и протяжный, что он выбивался даже из грохота. Даур не мог определить, были ли эти звуки от снарядов, которые взорвались ближе к ним, или от больших снарядов, которые падали с остальными. Но они точно означали, что у противника были какие-то дальнобойные пушки, огромного калибра. Все люди говорили о «сверхтяжелых осадных» пушках.

Даур пытался себя чем-нибудь занять, но грохот был слишком отвлекающим. Около 14.00, он пошел поесть в одной из гостиниц, и удостоился любопытного взгляда от женщины-владелицы, когда он заказал яичницу. Только когда их принесли, он вспомнил, что он уже обедал – яичницей- всего лишь час назад.

Он подумывал сходить к Цвейлу. Полковой капеллан был иногда приятной компанией, и хорош в отвлечении человека провокационными беседами. Но ему сказали, что Цвейл отбыл на фронт с Гаунтом этим утром, как будто бы знал, что он там сегодня будет нужен.

Вместо этого Даур пошел в помещения для постоя. Призраки заняли конюшни и амбары на паре ферм, на юге города, их крупный лагерь был полон палаток на участках для выгула скота. Участки соседствовали рядом с сыроятней, занятой Крассианцами, и небольшими древними магазинами и служебными постройками у соединения двух южных дорог, занятymi местной бригадой, Двенадцатыми Остландскими «Щитоносцами».

Даур забрел в грязный двор одной из конюшен. Бурон, Брэй и Эвлер досталась длинная, со стойлами по левую сторону, для их взводов. Люди, по большей части, попрятались от легкого дождя, как военнопленные в загоне блокгауза. Даур видел угольки горящих сигарет с лхом в темноте высоких перекрытий. Под скатом проходившейся крыши, Полио из седьмого взвода пытался учить карточным фокусам толпу наблюдающих. Полио был телохранителем в знатном доме на Вергхасте, и его нервная система была аугментирована очень дорогими имплантами, так что его пальцы разделяли и складывали колоду быстрее, чем могли уследить глаза. Это был маленький кусочек магии, и люди вокруг него были зачарованы. Даур посмотрел немного, пока у Полио не закончился репертуар трюков, и не вытащил три чашки и гильзу вместо этого. Публика застонала.

«Кто хочет попробовать?» спросил Полио, он вращал поднятыми кверху чашками так, что они превращались в расплывчатые пятна. Он поймал взгляд Даура и подмигнул. «Вы, сэр?»

Даур улыбнулся. «Видишь мои лычки, Рядовой Полио? Я их получил, потому что умный. Нет, спасибо.» Полио оскалился. «Вы проиграли.»

«Я так не думаю,» сказал Даур и побрат дальше. В конце двора, люди Халлера пинали мяч вместе с несколькими Крассианцами. Это была жизненная, грязная игра. Ноа Вадим нарезал круги вокруг Крассианцев, его сослуживцы подгоняли его. Даур был уверен, что, на самом деле, они орут и улюлюкают для того, чтобы переорвать далекий рокот битвы.

Даур слышал тихие выстрелы, исходящие из одной конюшни и пошел посмотреть. Он нашел Рядового Меррта, тренирующегося на старых бутылках, выставленных на поперечине стены.

Меррт обернулся, когда появился Даур. «Простите, сэр,» сказал он. «Просто хр... хр... тренируюсь. Я установил на хр... хр... низкую мощность.» Он выглядел так, словно несколько смущен, хотя было сложно сказать. Нижняя челюсть и одна сторона его лица были грубым металлическим имплантом, грубо закрытым маской цвета кожи. Даур знал, почему он тренируется.

Меррт тренировался всегда, когда выпадал шанс. Танитец, он был одним из первых снайперов полка, с показателями ниже, чем у Ларкина или Рилке, но все равно впечатляющими. Потом, на Монтаксе, он получил ужасное ранение в голову, и ему оторвало руку. Гаунт держал его как снайпера какое-то время – слишком щедре время, согласно Харку – но отсутствие успеха на Фантине окончательно вынудило Гаунта, с неохотой, перевести его назад в обычные пехотинцы.

Даур знал, что Меррт ненавидел потерю своего статуса даже больше, чем потерю лица. Меррт тренировался и тренировался, стремясь восстановить свое мастерство и заполучить назад снайперскую ленту.

«Как успехи?» спросил Даур.

Меррт пожал плечами. «Мне бы хотелось работать с хр.... хр... лонг-лазом, но его его забрали и хр... хр... отдали его какой-то девченке,» сухово произнес он, демонстрируя стандартный лазган, который был у него в руках. Его речь была искажена из-за восстановленной части лица. Казалось, что Меррт глодал слова. Он сильно запинался, спасибо этой уродливой челюсти.

«Кое-кто из девушек хорошие стрелки,» мягко сказал Даур. Он знал очень хорошо, что многие из Танитцев обижались на Вергхастских добровольцев, особенно на женщин, особенно на женщин как Бэнда, Мюрил и Несса, которые великолепно стреляли.

Даур не желал слышать, чтобы о них плохо говорили. Они были одними из Вергхастцев, которые своими успехами заслужили свое положение в полку.

Меррт очень сильно, сообразив, что он сказал что-то неподобающее старшему офицеру из Вергхастцев. «Я не имел в виду ничего хр... хр... такого, сэр.»

«Я знаю,» сказал Даур. У Меррта не было настоящей антивергхастской или женоненавистнической злобы. Он всего лишь был сломанным человеком, сражающимся со своей неудачей.

«Хр... хр... простите.»

Даур кивнул головой. «Продолжай,» сказал он.

Даур чувствовал себя ужасно, когда удалялся от конюшни. Там было много подпалин на стене, но весьма мало разбитых бутылок.

Даур прошел конец загона, проведя там время с несколькими солдатами. Затем он пошел по подтопленной дорожке на гряду, которая, наверное, когда-то была фруктовым садом, до того, как расквартированные войска не пустили его на дрова. Аркуда и Раглон прятались от дождя у низкой стены, накидки трепыхались вокруг них.

Даур знал, что оба нервничают. Обоих повысили, вместе с Крийд, до командиров взводов, прямо перед Айексом. Оба предвкушали полевое командование.

И у обоих была причина для гордости, как думал Даур. Аркуда, Вергхастец с длинным, узким страдальческим лицом, проявил себя в шеренге и получил лычки. Раглон прошел путь к командованию взводом от выдающейся службы связистом. Было непривычно видеть Раглона без его вокс-аппаратуры. Даур был приятно удивлен, увидя их вместе; Вергхастец и Танитец, в одинаковом положении, рассчитывающих друг на друга.

Они поприветствовали его, и он присел на корточки рядом с ними.

«На фронте боевые действия,» сказал Даур.

«Мы заметили,» сказал Раглон.

«Шансы таковы, что мы преждевременно можем выдвинуться,» добавил Даур.

Аркуда кивнул головой. «Я хочу быть там, сэр,» сказал он. «Я просто хочу быть там. Как бы... покончить со всем этим. Вы чувствовали себя так же, когда отдавали свой первый приказ?»

Даур улыбнулся. «Мой первый приказ был охранять узел у Западного Хасса, улья Вервун. Очень скучно,» сказал он. «Мне было девятнадцать. Я не видел

боевых действий четыре года. До... Войны.» Кто-то хихикнул. Даур посмотрел наверх и увидел сержанта Мерина перегнувшегося через стену и слушающего их.

«Что-то смешное, Мерин?»

Мерин замотал головой. «Нет, капитан. Меня просто всегда забавляло, как вы Вергхасты относитесь к улью Вервун, как к 'Войне', делая основной акцент на этом и все. Это было большое дело, несомненно, и тяжелое как фес знает что для всех, кто там был. Но это не было 'войной'. 'Война' это то, что сейчас происходит. Мы сражались в ней раньше до Вергхаста и будем сражаться еще годы.» Даур встал и посмотрел в глаза Мерину. Мужчина был молод, один из самых молодых Танитских офицеров, несколькими годами младше Даура. Стриженый, плотный, хорошо выглядящий, и недавно начавший отращивать усы, что делало его устрашающим, по мнению Даура. У Мерина был шарм, и хороший служебный список, и его временное внеочередное звание сержанта, за Операцию Ларисель на Фантине, стало постоянной вещью. Его лычки были такими же новыми, как у Аркуды и Раглона.

«Я знаю, что и там война, и тут война, сержант,» сказал Даур. «Тебе нужно извинить Вергхаст за его воспоминания.» Даур умышленно использовал слово, которое сказал Мерин. «Вергхаст», не «Вергхастцы». Все Танитцы делали так. Для них это было сокращением. Для Вергхастцев, оскорбительный сленг. «Мы знаем, что сражаемся в Войне сейчас. Но ты простишь нас, когда мы сосредоточимся на драке, которая видела наш дом разграбленным.»

Мерин пожал плечами. «И Танит умер. У нас всех есть воспоминания. У каждого из нас своя война.» Даур нахмурился и посмотрел в сторону, мелкий дождь хлестал по его лицу. Он недолюбливал Мерина.

Он был очевидным выбором в командиры взвода, кто-то говорил запоздалый выбор, но он стал неприятно бескомпромиссным и дерзким. Иногда он напоминал Дауру Каффрана. Оба Танитца были одного возраста, даже одного телосложения. Но там, где Каффран был молодым, энергичным и добродушным, Мерин был молодым, безжалостным и заносчивым.

У Колма Корбека была личная теория на этот счет. Теория называлась Майор Роун. Согласно Корбеку, Мерин был «хорошим, честным парнем» какое-то время, пока не стал капралом и, спасибо превратностям полковой структуры,

не попал по крыло Роуна. Сейчас Роун был наставником Мерина, и Мерин хорошо учился. Лицо юнца пропало, и его сменило горькое, враждебное выражение. Пятно разлагающего влияния Роуна, верил Даур. Роун благоволил Мерину.

Неофициально, слухи были такими, что Мерин был задействован в чрезмерно жестоких боевых действиях во время Операции Ларисель. Конечно, поэтому, Ларкин и Мквеннер держали языки за зубами о нем. Мерин просто жаждал получить свои задания в миссии Ларисель и доказать, что достоин повышения.

Слишком жаждал, может быть.

«Нуу, какие-нибудь сообщения с передовой?» спросил Мерин. Даур хотел, чтобы Мерин ушел, и он мог бы поболтать с Аркудой и Раглоном без посторонних.

«Нет,» сказал Даур. «Еще нет.»

«Если там потери, можно представить, что мы выдвинемся туда еще до вечера,» сказал Мерин.

«Если там потери...» согласился Даур.

Мерин сделалsarкастический жест в сторону дыма, поднимающегося над фронтом. «Там будут потери,» сказал он.

«Тебе бы этого хотелось, не так ли?» резко спросил Даур.

«Никогда,» сказал Мерин, его лицо стало каменным. «Но я реалист. Там фесово плохо. 'Война', знаете ли? Кого-то подстрелят.»

Даур хотел сказать Мерину, чтобы тот ушел, но Раглон и Аркуда поднялись на ноги, стряхивая воду с накидок.

«Мы пойдем, проверим наши подразделения, сэр,» сказал Раглон.

«Будем держать их в готовности, если и когда понадобятся,» добавил Аркуда.

«Хорошая идея,» сказал Даур.

Два новоиспеченных сержанта спустились с гряды и пошли к деревне и башне Часовни Святого Авина. Как только они отошли на расстояние предела слышимости, Даур повернулся к Мерину.

«Ты понимаешь понятие боевого духа, Мерин?»

Мерин пожал плечами.

«Эти двое в шаге от своего первого полевого командования. Они напуганы. Им нужно поднятие духа, а не его уничтожение.»

«Разве это преступление быть реалистом, капитан?» нахально спросил Мерин. «Это мои первые боевые действия, как сержанта, тоже, если помните.»

«Ты командовал, Мерин. На Уранберге. Там ты сделал все правильно. Слишком, может быть.»

«Что это должно означать?»

«Все что пожелаешь,» сказал Даур, уходя. Он вознес тихую молитву благодарности за то, что в течение недели или около того, Мерин будет снова под ответственностью Роуна.

Было много шума, исходящего от навесов сыромятни. Даур поспешил к шумному месту, пахнущему потом и телами. Пространство было заполнено Призраками и Крассианцами, а так же большим числом Остландцев в красных мундирах.

Остландцы были из Коттмарка, страны, граничащей с Айэксаэри с востока. Они были белокожими, отважными и по большей части выше, чем Имперцы.

Даур вглядывался сквозь толпу, пытаясь определить источник суматохи.

«Варл,» вздохнул он про себя. «И почему я не удивлен?»

Сержант Варл, командир девятого взвода, нашел себе новую игру, на которой можно сделать ставку. Варл, привлекательный, статный разведчик, поднялся в званиях и получил сержантские лычки потом и кровью.

Своей собственной, для начала. На Фортис Бинари он получил ранение в торс, что вылилось в серьезное аугментирование его плеча, ключицы и предплечья. Вскоре после этого, Гаунт присвоил ему сержанта. Он сделал

это, чтобы доказать, что у Танитцев нет четкой иерархии. Варл был одним из тех парней, которые просты, как дермо грокса, но обаяние и высокое положение в ведре с навозом делало его идеальным лидером.

Вы не могли быть таким же, как Варл. Никто не мог. Он был шутником, проказником, смутьяном.

Он так же доказал, что бойцовский пес может иметь лидерский характер.

Гаунт надеялся, что Варл привнесет чувство локтя в командный эшелон Первого. Варл принес его на кончике штыка.

Даур знал, что Варла произвели в сержанты задолго до более откровенного и резкого Мерина.

Может быть, поэтому Мерин был таким невыносимо фесоголовым.

Цеглан Варл играл тут в управляющего манежем. Его люди сделали яму из кип хвороста и, вроде бы, организовали петушиные бои.

Даур прошел к передним рядам. Нет, не петухи...

«Страусы! Милые молодые страусы, готовые к бою и чертовски неистовые!» Варл произносил речь с деревянной погрузочной платформы над ямой. Он подцепил одну из птиц за заднюю часть шеи, мастерски избегая щелкающего клюва, и она забила крыльями и когтистыми лапами. Мастерски, это точно.

Даур тихо рассмеялся. Они пробыли на этом мире всего 5 минут, а Варл уже внезапно стал укротителем местной живности.

«Посмотрите на этого веселого парня! Вы только гляньте, а?» добродушно шутил Варл. «Мы зовем его Майор, потому что он мерзкий, как фес!»

Призраки в толпе засмеялись на этим.

«Вы взгляните на его когти! Вот тут!» Варл подцепил лапу птицы и развел страшные когти, чтобы толпа оценила. Три сантиметра длиной, острые как серебряный клинок! «Что вам еще надо?»

Крассианец прокричал что-то.

«Клюв? Клюв?» ответил Варл, оглядев вокруг и раскачивая извивающегося страуса. «Я покажу вам клюв! Мистер Бростин, не будете ли вы так любезны?»

Бростин, крепко сложенный огнеметчик из взвода Варла, запрыгнул на покрытый соломой ринг и вытащил стрелянную гильзу .30 калибра. Птица сделала выпад и перекусила гильзу пополам своим клювом.

Толпа взревела. Бростин поднял части и кинул их в толпу. Люди толпились и дрались за них.

«Он крепкий, о да! Да, сэр! Майор крепкая старая птица! Мы все видели, что он сделал с капитанов только что, не так ли?»

Больше криков.

«Капитан?» позвал Даур.

Варл посмотрел на Даура и замялся. «Оу... здравствуйте, сэр! Как ваши дела? Капитан, я имею в виду... упокой его бедную душу... был назван в честь другого капитана, который не имеет с вами ничего общего... ух...»

«Я уверен. Сколько на Майора?»

Улыбка Варла вернулась. «Возможно, вы бы хотели сделать ставку одному из моих дружелюбных помощников, сэр?» Даур видел Баена, Мкфейда, Ифвана и Раффлана, передвигающихся в толпе, собирающих деньги и информирующих о шансах.

«И против кого будет Майор сейчас?» прокричал Даур.

«Три раунда, без остановок, до первой крови... » сказал Варл, «против Могучего Ибрама!» Прозвучал хриплый рев приветствия. Рядовой Эттон появился на другой стороне помоста, зажавшего молодого страуса с белым оперением и серебристым клювом. Он не без проблем сдерживал его. Перья летели в разные стороны в теплом воздухе.

«Нет, спасибо,» улыбнулся Даур. «Мои деньги на Могучего Ибрама всего.»

«Заметано! Посмотрим!» прокричали несколько Коттмаркерцев.

«Успокойтесь, друзья,» сказал Варл. «У нас есть свой боец!» крикнул самый высокий из Остландских Щитоносцев.

Варл обратился к толпе. «Новый соперник, господа и господа, тренированный нашими достойными Коттландскими союзниками... как зовут птицу?»

Группа Коттмакерцев вынесла щелкающего, испуганного птенца страуса вперед. «Рэджак!» проорал из лидер.

«Рэджак в самом деле! Это отлично выглядящий мозгоклюв, без ошибки!» прокричал Варл. «Делайте ставки, народ... следующий раунд Майор, выращенный Танитцами и жесткий как фес, встретится с Рэджаком, тренированным и содержащимся нашими восхитительными Коттмаркскими союзниками! Делайте взносы! Кто на Майора?»

«Десять!» прокричал Вергхастец.

«Двадцать на Рэджака!» крикнул Крассианец.

«Мой боевой нож говорит, что Майор выпустит ему кишки.»

Даур взглянул сквозь толпу, чтобы попытаться определить источник голоса. Это был Мколл. Старший разведчик стоял со сложенными руками в центре этого безумия.

«Плевали мы на твой нож!» крикнул один из Коттмаркерцев.

«Я... ух... не делал бы этого, если бы был тобой,» сказал Даур, но Коттмаркерцы не слушали.

«Господа! Все ставки сделаны!» сказал Варл, видя как Баен кивнул. «Первый раунд! Выпустить бойцов!»

Молодой страус вывалился на ринг с другой стороны под шутки и смех.

Перья летели от птиц в разные стороны. Рэджак нанес резкий удар по Майору и полетело еще больше перьев.

Затем Майор сделал выпад и сломал Рэджаку шею точным укусом своего грозного клюва.

Черепица на крыше задрожала от рева, который последовал за этим. Танитцы – и несколько Крассианцев – орали и танцевали. Выигрыш раздавали туда и сюда: Имперские монеты, трофеи, значки, сувениры...

Наверху, на погрузочной платформе, Варл изображал куриную походку, вперед и назад, его голова моталась туда-сюда, и локти били, как куриные крылья.

Застигнутый, в центре всего этого, Даур смеялся. На мгновение, он почти забыл, какие плохие вещи бывают.

Крепкая рука ухватила его руку. Это был Мколл.

«Не теряйте бдительности, сэр» приглушенно сказал старший разведчик. Он кивнул в сторону двери. «Вон там.» Даур посмотрел. Лакей Варла, Ифван, пытался заставить группу Коттмарцерцев расплатиться. Даур не мог слышать обмена, но он мог прочитать язык тела. Больше Коттмаркерцев приближалось сквозь ничего не замечающих, плящущих Танитцев.

«Прикрой меня,» сказал Даур.

«Прикрою,» сказал Мколл.

Даур протолкнулся сквозь плящущих людей. Девять или десять Коттмаркерцев собрались вокруг Ифвана, и остальные выглядели так, как будто им разонравилось состязание.

Один из Остландских солдат начал толкать Ифvana в грудь.

Они были намного выше, чем он.

Они были намного выше, чем Даур.

Даур прочистил глотку и приготовился вмешаться. В этот момент, Коттмаркерец позади Ифвана достал дубинку. Это был толстый цилиндр из дерева с металлическим наконечником, размером с палочную гранату.

Даур подался вперед. Дубинка опустилась – и замерла. Раздался мощный, мясной стук, который мгновенно заставил комнату затихнуть.

Коттмаркерец выронил дубинку. Его рукав был приколот к дверному косяку Танитским боевым ножом. Стояла страшная, влекущая последствия тишина.

Даур мельком глянул на Мколла, но старший разведчик просто пожал плечами в недоумении.

«Ненавижу неудачников,» сказал Варл, с высоты десяти метров. Он пристально глядел на Коттмаркерцев, окруживших Ифвана. «Это соревнование. Спорт. Не война. Мы пришли сюда в духе дружеского соревнования и оставили убийства за дверью. Вам надоело. Отлично. В духе

этого места, я говорю забирайте деньги. Нам они не нужны. Ваши ставки ликвидированы. Забирайте деньги и уходите.»

Кое-кто из Коттмаркерцев сделали шаг к помосту.

«Или,» резко сказал Варл, «я начну кидать немного больше ножей. Кто-нибудь дайте мне несколько серебряных клинков. »

Даур заморгал. Происходило что-то необычное. Прошла рябь глухих звуков, и полукруг Танитских клинков показался у ног Варла, кончики вонзились в дерево, брошенные без сомнений и с поразительной точностью из толпы.

Варл нагнулся и вытащил один из все еще вибрирующих клинков.

Он подбросил его в воздух, даже не глядя, и поймал снова. «Итак?» Коттмаркерцы побежали. Так же как и кое-кто из Крассианцев. Владелец дубинки оставил на косяке часть своего рукава.

Люди из Первого начали одобрительно восклицать и подпрыгивать. Варл слегка наклонился и стал балансировать ножом на носу, кончиком вниз.

«Достаточно!» Даур повысил голос. «Выметайтесь и приготовьтесь к проверке снаряжения!» Призраки начали выходить, переговариваясь и смеясь. Один за другим, ножи вытащили из доски помоста. Бростин вытащил нож Ворла из косяка и кинул его сержанту.

Варл бросил нож Бростина. Ножи встретились посередине. Мужчины, не смотря, ловко поймали свое оружие.

Под навесом было почти пусто. Мколл задержался. Даур поднялся на погрузочную платформу рядом с Варлом.

«Я впечатлен,» сказал Даур. «Ты контролировал все.»

«Нельзя начинать что-то такое, если не можешь наблюдать,» сказал Варл. «Первое правило соревнований.»

«И все еще, это очень великодушно отпустить их не заплатив.» Варл улыбнулся. «Это все часть представления. Кроме того, Ифван и Баен подрезали их кошельки, когда те уходили.»

«Капитан?»

Даур посмотрел под навес. Мколл стоял у дверного косяка.

«Появился сигнал,» сказал Мколл. «Сюда несут раненых с фронта.» Первые раненые появились вечером, ко времени, когда закончилась бомбардировка и штурм уменьшился, они заполонили полевые госпитали. Кое-кто шел, других несли на носилках или поддерживали товарищи, кое-кого везли на тележках или на повозках для снарядов.

Дорден, старший медик Первого, вел свою группу на медицинский пункт, прямо после ужина. Пункт, обозначенный 4077, был всего лишь в четырех километрах позади линии фронта. Они застали последние стадии бомбардировки, пока шли к цели. Земля тряслась. Брезенты палаток хлопали.

Хирургические инструменты дребезжали по пути.

«Тут нет трубопровода,» доложил Mtэйн, один из трех квалифицированных медиков полка.

«Совсем нет?» спросила Керт, выкладывая свои чистые скальпели на поднос, накрытый тканью.

Mtэйн помотал головой. «Тут есть цистерна. В ней около половины. Санитары Альянса не обещают, что вода чистая.»

«Лесп!» позвал Дорден. Помощник быстро подбежал. «Поставь несколько печек и начни кипятить воду. Подожди!» Лесп притормозил. Дорден дал ему маленький бумажный пакет.

«Обеззаражающие таблетки. Постарайся.»

Керт разломала коробку из-под антибактериального геля, упакованного в толстые металлические тюбики, и раздала куски.

«Используйте их расчетливо,» посоветовала она. «Этот картон – все, что у нас есть.» Медицинский пункт был скоплением грязных, длинных палаток, наклоненных к западной мертвой лесистой местности. Вход в первые землянки 55-го сектора был всего лишь в пятидесяти метрах к востоку от них. Они были ужасно уязвимы, первые надземные строения на этой стороне Линии Пейнфорка. Дерево – вероятно из Хамбли Вуд – было доказательством их уязвимости. Это было море мягкой грязи и старых воронок, щетинившееся обгоревшими пеньками тысяч деревьев. Вся территория воняла гнилью и перегноем.

Медицинская группа Первого делила пункт с Крассианской и толпой санитаров Альянса. Когда Керт вышла наружу палатки Призраков для последней сигареты с лхо, до кого как начнется настоящая работа, она была удивлена и недовольна мерзким видом местных. Их медицинская одежда и – что еще хуже – руки, были грязными. Многие были больны. Кое-кто был пьян, возможно, от того, что выпили спирта для дезинфекции.

Фоскин, самый молодой санитар, присоединился к ней.

«Скольких они собираются убить, передавая заражение?» спросила она.

«Давайте просто убедимся, что все Призраки попадут к нам.» сказал он.

Ничего простого в этом не было. Тела и ходячие раненые, которые начали появляться на медицинском пункте, были так перемазаны грязью, что было невозможно определить их звание, полк или, даже, пол.

Керт провела пять минут, зашивая рану на бедре, пока она не поняла, что это был Рядовой Огнеметчик Лубба, с которым она говорила.

Один из старой группы Колеа, из девятого взвода.

Она омыла его лицо и улыбнулась, когда появились татуировки. «Гол в порядке?» спросила она.

«Он в порядке, мэм. Пробирался сюда, когда я его в последний раз видел.»

«А как Тона, делает успехи?»

«Сарж? Она была хороша.»

Керт порадовалась. Они уже звали Тону Крийд «сарж». Ана Керт была единственным человеком в Первом, кто знал секрет. Колеа тоже знал, но он потерял его, вместе с личностью. Еще была мадам по имени Алекса, которая тоже знала, но Керт не видела ее с Фантина.

Двоих детей, которые Крийд и Каффран «усыновили», двое детей, которые ждали в обозе в Ронфорке, были, по правде, детьми Колеа. Он думал, что потерял их. Когда он обнаружил, что они живы после всего, было уже поздно. Сиротами, они привязались к Крийд. Было слишком поздно рушить их мир снова.

Это то, во что верил Колеа, в любом случае, до того, как ранение похоронило его личность.

Керт чувствовала, что приглядывать за ними, это ее ответственность.

Безымянные раненые прибывали до позднего вечера. Дорден обнаружил ранения от шрапнели, компрессионные раны и несколько примеров хронического повреждения от газов, как едкого, так и слезоточивого. Он извлек пятисантиметровый осколок от ручной бомбы, торчащей из челюсти ДаФелбе, двадцать два гвоздя из ноги Рядового Чареля, и сломанный штык из груди Жесси Бэнды.

Она шевелилась на столе, пока он очищал рану рядом с инородным телом.

«Роун!» задыхаясь говорила она. «Роун!»

«Легче,» проворчал он. Он взглянул на Леспа. «Есть морфин?» Лесп покачал головой.

«Что с Майором Роуном?» позвала Бэнда в конвульсиях. «Легче», сказал Дорден. «С тобой все будет в порядке.»

«Роун...» прошептала она. «Его ранили?» спросил Дорден. Бэнда потеряла сознание.

«Слева нет звука дыхания,» доложил Лесп. «Мы ее теряем.»

«Ее легкое сжалось,» сказал Дорден, как ни в чем не бывало, и приступил к работе.

Наиболее ужасные раны были у шестнадцатого взвода, хотя из него мало кого было.

Один и Крассианцев рассказал Керт, что шестнадцатый практически уничтожили бомбардировкой.

«Рядовой Кюрен, который прошел через ужасы Операции Ларисель на Фантине невидимым, потерял часть ноги. Они все мертвые,» сказал он Керт. «Марой мертв.» Она вздрогнула. «Мертв?»

«Почти все из нас. Фесовы снаряды, как резня...»

Она оглядела пункт. Мтэйн пытался собрать открытую грудь Крассианца.

Фоскин и Чайкер держали человека, который бился в эпилептическом припадке и блевал кровью. Дорден бился за жизнь Бэнды.

«Сержант Марой мертв,» сказал Керт.

Дорден печально кивнул. «Роун возможно тоже,» сказал он.

Около 17.00 волна раненых уменьшилась. Медицинский пункт Дордена в одиночку имел дело с пятью сотнями раненых.

Свет был плохой, загрязненный пороховым дымом. Был мелкий дождь. Земля снаружи и внутри палаток была залита кровью, куски порванной униформы и снаряжения валялись везде.

Легкораненых отправили по дороге в Ронфорк и другие тыловые пункты.

Действительно больных и травмированных транспортировали на тележках и повозках в полевые госпиталя. Дорден убедился, что всех тяжелораненых Призраков пометили, и их могли отвезти в его фабричный лазарет в Ронфорке.

Керт и Дорден вышли из медицинской палатки во время небольшого перерыва, жалуясь друг другу на нехватку припасов. Керт закурила сигарету с лхо, которой Дорден тоже затянулся, хотя и закашлялся после этого. Он боялась, что учит его плохим привычкам.

«Эй,» сказала она, толкая его локтем. «Сюда.» По ту сторону мешанины грязи, санитары Альянса тащили на тележках медицинские припасы к своим палаткам.

Керт побежала, бросив окурок в грязь. «Эй!»

Дорден пытался остановить ее «Нет, Ана! Нет!»

Было слишком поздно. Керт добежала до тележек. Она схватила коробку с ближайшей, и открыла крышку, санитары Альянса гневно протестовали.

«Имперские припасы! Они помечены знаком Первого и Единственного! Ублюдки! Вы их украли!»

«Отвали!» прорычал Айексегариэнец.

«Нет! Наши припасы пропали и мы сражались, чтобы выжить без них! Их отвезли в другое место, не так ли? Вы, фес вас дери, украли наши медицинские припасы!»

«Ана! Пожалуйста! Это того не стоит!» Дорден кричал, подходя. Он видел это проявление отчаяния столько раз. Альянс остро испытывал необходимость в важнейших припасах. Большая партия свежих медикаментов должна была быть просто сокровищем, которое нельзя игнорировать.

Он бы дал еще, он бы дал еще из отгруженного с грузовых кораблей Муниторума. Это не стоило противостояния с нуждающимися, отчаявшимися бедолагами.

«Черт, нет!» воскликнула Керт и попыталась поднять несколько коробок.

Бандитского вида солдат Альянса с грязной повязкой на голове ударил ее и повалил в грязь. Коробки разлетелись.

«Нет, о нет... вы не можете!» закричал Дорден, и набросился на санитаров Альянса, отталкивая их от упавшей Керт, которая свернулась в позе эмбриона, защищая себя от ударов носками сапогов.

Они повернулись к нему. Один ударил ему по лицу, другой по бедру. Дорден взвизгнул и положил на лопатки одного из Айэксгариэнцев. Затем они действительно насели на него. Керт поднялась и рванула в драку, царапаясь, ударяя руками и ногами.

Прозвучал выстрел болт-пистолета, очень громкий вблизи.

Нападающие бросились от Керт и Дордена, когда раздался выстрел. Ибрам Гаунт шел по грязи, белый дым поднимался отего болт-пистолета. Он был с ного до головы заляпан грязью и кровью, с ожогами на щеках.

«Я Имперский Комиссар Гаунт,» сказал он. «Меня знаю, как хорошего человека, пока меня не вынудят. Только что вы вынудили меня.»

Гаунт опустил оружие и выстрелил, два Айэксгариэнца упали там, где стояли. Остальные разбежались. Для остротки, Гаунт прицелился и пристрелил еще одного из убегающих. Охрана, медики и другие из Айэксгаэри на медицинском пункте, стояли и таращились, шокированные.

Гаунт помог подняться Дордену и Керт.

«Никто не сделает этого моим старшим медикам,» сказал он.

Керт смотрела на него с неприкрытым страхом. Они никогда не видела его таким.

«Я – комиссар,» сказал ей он. «Не думаю, что ты представляешь, кто такой комиссар, Ана. Для этого.»

Гаунт осмотрелся. «Вы!» крикнул он группе ошеломленных зрителей. «Соберите припасы и распределите их равномерно между медиками Гвардии и Альянса на пункте. Хирург Керт будет наблюдателем.»

Она кивнула.

«Дорден?» Гаунт повернулся к старому медику. У него опух глаз и разбита губа.

«Все в порядке?»

«Выживы,» сказал Дорден. Гаунт мог бы сказать, что тот был больше зол, чем ранен. Зол на то, что драка все-таки началась, зол на то, что он был настолько туп, что оказался вовлечен. И больше всего зол на то, что Гаунт только что продемонстрировал суровую сторону дисциплины Имперской Гвардии. Дорден поклялся никогда не убивать. Он однажды нарушил это, на Меназоид Эпсилон, чтобы спасти Гаунту жизнь. Теперь он увидел, как Гаунт хладнокровно отнял жизнь, во имя железной дисциплины.

«Доктор?» сказал Гаунт.

«Сэр?»

«Осмотря Роуна, пожалуйста.»

Прибытие Гаунта ознаменовалось свежим потоком раненых, в основном Крассианцев и Альянцев, но так же, большим числом из, по меньшей мере, семи взводов Призраков, включая взвода Роуна, Домора, Тейсса и Обела. Ранения в подразделениях Тейсса и Обела были, в основном, осколочными. Некоторые, как у Рядового Келла, были несовместимыми с жизнью. Другие – поверхностными.

Рядовой Токар будет первым Танитцем, которому придется научиться языку жестов, который используют ранее оглохшие от взрывов Вергхастцы.

Во взводе Домора, и во взводе Роуна, раны были от близкого столкновения. Майло, сам по себе невредимый, кроме нескольких кровоподтеков, тащил Рядового Ненна, которому проломили череп дубинкой. Рядовой Оскет потерял глаз, и затем пострадал от того, что попытался схватить штык. Лезвие попало между его средним и указательным пальцем, и прошло сквозь ладонь до большого. Капрал Чириа, одна из Вергхастских девушек в отряде Домора, получила обширные рваные раны, которые оставят шрам на ее гладком, но веселом лице навсегда.

Роун был без сознания. Фейгор и Ледан тащили его не импровизированной тележке из деревянного настила.

«Что вы знаете?» живо спросил Дорден, когда начал срезать мундир и рубашку майора.

«Выстрел с большого калибра в живот,» сказал Ледан, санитар третьего взвода. «С близкого расстояния.»

«Как давно?»

«Два, может быть два с половиной часа. В траншее была резня. Я нашел его в укрытии. Бэнда удерживала его, но он был без сознания задолго до этого.»

«Бэнду принесли раньше,» сказал Дорден, вымывая грязь из желудка Роуна.

«Я отправил ее,» сказал Леклан. «В первой волне. Я не хотел двигать Роуна. Я вызывал хирурга на фронт, но вокс накрылся, а посыльные, которых я отправлял, не возвращались.»

«Фес!» сказал Дорден, осматривая рану от выстрела. «Он потерял много крови. Фес как много.» Он наклонился и взял жетон Роуна, называя группу крови, выбитую на нем, ожидающим санитарам.

«С Бэндой все в порядке?» спросил Леклан.

Дорден приостановил свое жестокое дело и посмотрел на Леклана. Человек был испуганным и беспокоился.

Армейские санитары, как Леклан, были обычными солдатами, обученными осуществлять только базовую медицинскую помощь.

Они не были медиками. Они оказывали только первую помощь, пока не придут медики. «Жесси Бэнда будет жить. Ее всего лишь слегка затронуло. С

ней все будет в порядке.» Леклан с облегчением, это было видно, расслабился.

«Ты все хорошо сделал,» сказал Дорден, возвращаясь к работе.

«Он не собирается умирать, не так ли?» спросил Фейгор. Невольный сарказм в его голосе, из-за аугметической глотки, заставил Дордена фыркнуть.

«Посмотрим.»

«Как большой палец?»

Белтайн посмотрел наверз и увидел Гаунта. Он встал с патронного ящика, на котором сидел, и показал полковнику-комиссару перевязанную руку.

«Побаливает немного, когда ее перевязывают, но все не так плохо. Док Мтэйн сказал не поднимать ничего тяжелого и полностью исключить сложных работ с воском. Ну и, он рекомендует найти работу где-нибудь, где нет стрельбы.»

«Хорошая попытка,» сказал Гаунт.

Они были одни на краю медицинского пункта, около дорожки, покрытой устарником, растущим из разбитой подпорки. Начало подниматься солнце, свет которого был закопчен испарениями войны.

Прошла колонна тележек, направляясь на запад. Гаунт присел на траву, и Белтайн сел назад на старый ящик. «У тебя есть список потерь?» спросил Гаунт. Белтайн вытащил планшет.

Роун однажды пошутил, уныло, что Танитцы избавили Гаунта от той единственной мрачной ответственности командующих офицеров, письма домой. По правде говоря, немногие из командующих офицеров хлопотали, чтобы известить родню, хотя небольшое количество полков были знамениты тем, что делали это. Гаунту не было кому писать, даже если бы он хотел. Танит исчез, и большинство Вергхастцев, которые присоединились к Призракам, сделали это потому, что у них никого не осталось.

Гаунт вспомнил старые дни, когда Октар приказал ему составить уведомления о том, что пропали без вести, для родни, погибшие на Хиркане. После Балгаута это заняло у него большую часть недели.

Гаунт изучил планшет.

«Шестнадцатый взвод, и это точно, больше не существует,» сказал Белтайн.
«Думаю, мы пополним, выжившими, взводы, которые в этом нуждаются.»

Гаунт кивнул. Из списка, он осознал, что мощь Призраков упала ниже ста взводов впервые с Вергхаста. Он чувствовал, как ярость закипает в нем. Война расходует людские ресурсы. Это одна из первых вещей, которую вдалбливают в комиссариате.

Но эта война... это война потребляет людские ресурсы как обжора. Она питается смертью, даже если до предела распухла.

«Можешь связать меня с Вон Войтцом?» спросил Гаунт.

«Могу попробовать,» сказал Белтайн.

В то время как адъютант начал устанавливать свой вокс-аппарат, Гаунт поднялся на ноги и отошел немного вниз по дорожке. Колонны пехоты Альянса Айэкса двигались к нему из тыла, изнуренные и грязные. Больше тел для военной машины.

Гаунт увидел одинокую фигуру, устало бредущую к нему, обгоняющую идущие с трудом шеренги. «Капитан Даур?»

«Сэр,» отдал честь Даур. Он выдохся. Он бежал турсцой всю дорогу от Ронфорка.

«Я верю, тыл в надежных руках?»

«Мколл, сэр,» задыхаясь произнес Даур. «Как вы тут?»

«Это выглядело плохо. Вокс накрылся. Я хотел... знать.»

«Было плохо. Больше сотни раненых. Тридцать шесть погибших, о которых я знаю, включая Мароя. Роун, может быть, уже тоже мертв.»

Даур посмотрел вдаль, вглядываясь в заброшенные поля и испепеленные леса.

«Это всех нас пережует, не так ли, сэр?» казал он.

«Мне даже сказать нечего обо всем этом,» ответил Гаунт. «Будь информированным, Бан... так как Роун выбыл, у тебя третье звание на данный момент.»

«Понял.»

«Я хочу, чтобы ты привел пять взводов побыстрее, чтобы заменить второй, третий, одиннадцатый, двенадцатый и шестнадцатый. Ты сделаешь это. Нам лучше забыть установленный порядок. Любой взвод, который участвует в боевых действиях, меняется свежим, с данного момента.»

Даур кинул. «Вы хотите, чтобы я был на передовой?»

«Я понимаю, что Колм видел сегодня какой-то фес тоже. Я отзову его, оказав тебе честь.»

«Он в порядке?»

«Вполне, насколько я знаю. Но я хочу быть полегче с ним. У него выдались тяжелыми последние восемьнадцать месяцев. Он все еще не... не его старое 'я'.»

«Это хорошо, сэр,» Сказал Даур.

«Колм заберет тыл, а я и ты будем на фронте.»

«Да, сэр» Даур продемонстрировал определенное чувство гордости. Первый раз на острие будут Гаунт и Вергхастец. Это чувствовалось, как совершеннолетие. Но его чувства были смешанными. Роун ранен, Корбека отзывают... будут ли Призраки все еще Призраками без них?

Когда он впервые подписался, под Актом Утешения, Даур представлял время, когда он будет старшим офицером Гаунта. Он почти желал смерти Роуну и Корбеку, чтобы таким образом вынести силу Вергхастцев на первый план.

Теперь это произошло, и он не чувствовал ничего, кроме острой потери.

«Сэр?» позвал Белтайн. Гаунт быстро подошел к своему адъютанту, который внимательно вслушивался в трубку вокса.

«С генералом ничего не вышло, сэр,» объяснил Белтайн, «но я разговаривал с его помощником. Вы приглашены на ужин со старшим кадровым составом в Мейске сегодня ночью. В 16.00. В форме.» Ларкин брел по траншее между пунктами 290 и 291, его лонг-лаз был в одной руке, а Танитский клинок в другой. Солдаты убирались с его пути. Чокнутый Ларкин снова был не в себе.

«Ларкс?» позвал Корбек, приближаясь к нему. «Как дела?» Корбек нес Силло на медицинский пункт, когда до него донеслись слухи, что Ларкин рыскал в поисках. «Он выглядит так, как будто у него крыша съехала!» взволнованно сказал Рядовой Бевл.

Ларкин моргнул и медленно признал Корбека. Он бросил взгляд на оружие, которое нес, как будто только сейчас осознал, что оно у него в руках, и осторожно положил его на стрелковую ступень. Потом он сел рядом.

Корбек разогнал таращившихся солдат рядом с ним по своим обязанностям и опустился рядом с Ларкином.

«Плохой день, Ларкс?»

«Ужасный.»

«Сегодня тут было жестко. Хочешь о чем-нибудь поговорить?»

«Да.» Ларкин замер. Он открыл рот, чтобы произнести имя «Лайжа Күү,» но остановился. Так скверно, он хотел рассказать Корбеку о Күү. Күү маньяк. Күү психопат. Күү, который убил бы его его, если бы не внезапная бомбардировка.

Күү, который убил Брагга.

Но сейчас все это казалось бессмысленным. Логлас, единственный свидетель, был мертв. Если бы Ларкин вынес обвинение, то слово Күү было бы против его. И Күү оказался пуленепробиваемым до сих пор.

Ларкин знал, что Колм воспримет его серьезно. Но он также знал, что Колм был связан правилами.

Как только начали падать снаряды, Күү исчез, оставив Ларкина одного. Ларкин был так напуган, руками закрыв голову, глаза закрыты, что ему понадобилось время понять, что Күү ушел и только страх Ларкина перед Күү остался.

Нет, это не вариант, решил Ларкин. Единственный путь избавиться от страха, это встретиться лицом к лицу с ним.

Корбек не мог помочь ему. Гаунт тоже. Вся система не могла.

Лайжа Күу должен умереть. Это было так просто. Күу хотел свести счеты, не так ли? Так что они будут сведены. Фесово так, как пить дать, в любом случае.

«Ларкс?» сказал Корбек. «О чем ты мне хочешь рассказать? Ты выглядишь расстроенным.»

«Я,» сказал Хлэйн Ларкин. «Логлас мертв,» признался он.

Это было такой же правдой, как и ложью. Не из-за этого Ларкин был расстроен.

Но это все, что нужно было знать Корбеку.

ШЕСТЬ

ОДНА РУКА ДАЕТ, ДРУГАЯ ОТНИМАЕТ

«Я говорю, если они хотят скрываться, пусть будет так. Мне бы интересно было увидеть великих шпионов в деле»

-- Полковник Анкре

Той ночью, и следующим утром, было милосердно тихо в секторе 55. Это было так, как если бы прилив войны лениво отхлынул от части линии.

Где-то волна еще накатывала. Дальше на юг, вниз по Аллее Наеме, 47-ой и 46-ой секторы чудовищно обстреливали в течение двенадцати часов. Существенно растянутая, так называемая, Линия Серонна, которая простиралась на востоке от Секторов Пейнфорка до Горного массива Коттмарка, подверглась бомбардировке, и затем штурмом бронетехники. Самые тяжелые столкновения произошли на юге от Дельты Востла.

На севере, атаки и рейды были легкими и прерывистыми, в течение всей ночи у Лонкорта и Салиента. Циркулировали неподтвержденные данные о том, что секторы к северу от Гибсгатте выдержали самую большую атаку за год, и что битва все еще продолжается.

Утро выдалось сырьим и затянутым туманом. Со своим единственным попутчиком, Белтайном, Гаунт ехал на север в Мейсек. Белтайн мало

говорил. Он мог сказать, что Гаунт в плохом настроении, и не хотел его чем-то провоцировать.

Служебная машина доставила их до Онгче, где они пересели на почтовый поезд, идущий на север. Поезд был на половину пустым, и грохотал вдоль призрачных сельхозугодий и поливаемых дождями пустошей.

Перед отъездом, сразу после рассвета, Гаунт в последний раз проинспектировал позиции Первого.

Подкрепление Даура уже было на фронте, хотя Корбек оставался старшим офицером на линии до возвращения Гаунта.

После обхода, Гаунт посетил военный госпиталь в Ронфорке, проведя время с ранеными. Роун пережил ночь, хотя ему была нужна вторая операция в ближайшие часы, чтобы остановить внутреннее кровотечение.

Дорден был так изнурен, что казалось, он спит на ходу, и синяки, которые он получил в драке, начинали изводить его. Гаунт намеревался попросить старшего медика составить ему компанию в поездке в Мейсек, но одного взгляда не Дордена хватило, чтобы отказаться от этой идеи. Дорден был нужен в Ронфорке, хотя бы для того, чтобы немного отдохнуть. Гаунт знал, что Дорден все еще зол на него из-за дисциплинарных убийств. Он был прав, по мнению Гаунта. Гаунт был в слепой ярости прошлым днем, потеряв терпение из-за бессмысленных потерь, которые он наблюдал у пункта 289. Он просто резко отреагировал.

Как Имперский комиссар, Гаунт был необычен тем, что имел командное звание. Комиссаров везде боялись. Они были инструментами дисциплины и контроля в Гвардии, плетью, которая держала солдат на фронте и гнавшая их вперед. Они вбивали доктрины Имперского кредо в головы солдат, и строго и регулярно напоминали об этом. В итоге, даже за небольшое нарушение, комиссар мог применить любые меры. Даже великий Яррик сказал однажды, что работа комиссара заключается в том, чтобы нагонять страх на Имперского Гвардейца, даже больше, чем на любого врага.

Но это не был путь Гаунта. Опыт показал ему, что поднятию боевого духа сопутствуют поощрения и доверие, а не непредсказуемый характер и пистолет. У него был хороший пример в виде своего наставника, покойного Делана Октара. Философия боевого духа у Октара тоже базировалась на

доверии и терпимости. Были времена, когда требовалась твердая рука, но несколько чаще, когда действия работали лучше, чем слова.

Но Гаунт гордился своей честностью, и знал, что мог считать таких людей, как Дорден, друзьями, поэтому. В полевом госпитале, он действовал как типичный комиссар. Дорден ничего не сказал, но Гаунт видел разочарование в его глазах.

Когда поезд загрохотал на север, он еще раз прокрутил в голове этот инцидент. Не было смысла обвинять усталость. Усталость предполагает слабость, а комиссар никогда не может быть слабым. Он понял, что все дело было в опустошенности. Он вступил в войну Айэкса с оговорками, и каждый шаг на пути к фронту подтверждал его страхи. Война не была сама по себе бессмысленна. Встретившись лицом к лицу с бессмертной непристойностью Хаоса, у человечества была истинная причина сплотиться и сражаться. Это было высшее благо, цель, даже тут на Айэксе.

Поведение же этой войны было бессмысленным. Пренебрежение, с которым Альянс бросал людей и боевую технику на врага. Древнее мышление, которое верило, что грубая сила была основным определяющим фактором для достижения победы. Это все делало Гаунта злым, и еще злее от того, что Первый попал во все это. Прошлым днем, он задыхался от опустошенности, и это давило на него.

Снаружи проплывал мир. Один мир, всего лишь один из тысяч, сотен тысяч, объединенных в величайшее достижение в человеческой истории.

Империум Человечества. Многие верили, что Империум был таким широким, таким огромным, что действия одного человека не могут ни на что повлиять. Это была неправда. Если бы каждый думал так, то Империум бы однажды внезапно потерпел крах. Каждая человеческая душа определяла свое место в Империуме. Это было единственной вещью, о которой человека просил Император. Быть правдимым к самому себе, и тогда все эти бесчисленные крошечные взносы объединятся, чтобы построить культуру, которая будет существовать, пока не погаснут звезды.

Белтайн спал, его голова покоялась на груди, забинтованная рука лежала в другой.

Снаружи мелькали разоренные леса, изрезанные холмами, темными от дождя. Потоки сверкали, как обнаженные мечи. Луга были накрыты белым

туманом. Возвышенности пробивались сквозь дымку, как кончики серых рифов. Одинокое, с рубцами от молнии, дерево стояло на голом холме. Деревня разрушена, брошена. Облака, густые, как взъерошенная тафта, бежали друг за другом по небу.

Гаунт очнулся от часто повторяющихся мыслей о Балгауте, и понял, что поезд остановился. Барабанил дождь, и мрачная лесистая местность окружила окна вагона. Он проверил свой хронометр: час пополудни. Должно быть, они приехали в Чоссен.

Он встал и пошел по пустому вагону к двери. Открыв окно, он чувствовал запах сырого подлеска и почвы, он слышал голоса птиц и удары дождя по листьям.

Выглядывали другие пассажиры. Дальше, у локомотива, появились инженеры.

Гаунт открыл дверь и спрыгнул на заросшую дорожку.

Локомотив сломался, сказал ему один из инженеров. Они не могли его отремонтировать.

Им нужно было ждать, пока помощь не сможет прийти из Чоссена.

«Как долго?» спросил Гаунт.

«Три или четыре часа, сэр.»

Гаунт потряс Белтайна, чтобы разбудить. «Пошли,» сказал он. «Нам нужно прогуляться.»

«Что-то случилось, сэр?» сонно спросил Белтайн. Гаунт улыбнулся. «Что-то неудачное.» Туман начал рассеиваться, пока они продирались сквозь деревья, направляясь на запад по едва заметной дорожке. Тусклый солнечный свет пробивался сквозь ветки. Дождь кончился, но вода все еще падала с листьев. Воздух был сырым, и приятно пахло каким-то диким цветком.

Инженер показал им направление. Деревня, Веник, была в получасе ходьбы на запад.

Там кто-нибудь сможет снабдить Имперского офицера транспортом, предполагал инженер. Хотя, по его мнению, лучше было бы остаться в поезде. Помощь бы пришла. В конце концов.

Белтайн тоже был за то, чтобы остаться. «Мы можем идти часами. Или потеряться. Или--»

«Если мы будем ждать помощи, мы точно пропустим мою встречу. Мейсек все еще далеко. Мы пойдем.»

Дорога была грязной, и было сложно идти. Белтайн настоял, чтобы понести спальный мешок Гаунта, но вместе с его поклажей и поврежденной рукой, он был крайне стеснен и продолжал останавливаться, чтобы положить что-нибудь на землю и перераспределить вещи.

Прохладный воздух был бодрящим. Гаунт ощутил, что начинает потеть, и снял свой дождевик, повесив его на левое плечо. Позади, сквозь деревья, они услышали свист поезда. Если это была команда помощи, то они сделали очень плохой выбор и потеряли много усилий.

«Хотите пойти назад, сэр?» спросил Белтайн, когда услышал свист.

Гаунт покачал головой. Эта освежающая прогулка сквозь безмятежные деревья была как бальзам. Его легкие были полны прохладного, бездымного воздуха, а ноздри - цветочного запаха. Запах был очень сильным. Он не знал, что это за запах. Маленькие ярко-голубые цветы с неетным количеством лепестков покрывали землю между деревьями и показывались между мокрым мхом и плющом. Он удивился, что запах был от них.

Он повернулся к Белтайну и забрал свой спальный мешок. Затем еще и мешок Белтайна.

«Это необязательно,» сказал Белтайн.

«Эх, дай мне их понести немного,» сказал Гаунт.

Дорожка шла сквозь лес, но не было никаких признаков деревни или ферм. Они пересекли заросший камышами ручей через древний каменный мост, черный с плесенью. Птичий крик и шум насекомых устрашающее раздавалось из-за деревьев. В густых зарослях, колючки были опутаны паутиной, на которых как кварц блестели капли дождевой воды.

«Что инженер имел в виду, говоря о разбойниках?» спросил Белтайн, останавливаясь, чтобы убрать камень из сапога.

«Дезертиры, я думаю,» сказал Гаунт. «Годами, их группы убегали в эти земли. Они обворовывают фермы, занимаются браконьерством...»

«Разбой?» добавил Белтайн. «Значит они разбойники.»

Гаунт пожал плечами.

«Так, может быть, это была плохая ид--» начал Белтайн, но замолчал, когда Гаунт поднял руку.

По ту сторону следующего чистого участка, где стояли белые березы с блестящей корой, из дыма и тумана появился олень. Он постоял мгновение, рассматривая их. Затем повернулся и рванул прочь.

Мгновением позже, они увидели других, вдалеке, беззвучно продвигаясь сквозь деревья.

Как призраки.

Через час после начала путешествия, они вышли к опушке леса в точке, где начинались посевные поля. Раскачивающиеся колосья молодой, зеленой пшеницы покрывали склоны холма вдоль до свежей линии деревьев в долине.

Это было хорошее место, но не было ничего, похожего на деревню.

«Я проголодался,» сказал Белтайн.

Гаунт посмотрел на него.

«Просто говорю,» сказал он.

Гаунт положил ранцы и вытер брови. Прогулка подняла ему настроение, но он начинал соглашаться с Белтайном. Это была плохая идея.

Он проверил положение солнца и посмотрел на хронометр. Он бы хотел, чтобы с ним был его компас, или его локатор, или даже его ауспекс, но утром они казались ненужными. У него в ранцуне было ничего, кроме набора для бритья, парадной униформы и его копии Жаждущих Сфер.

Он хотел спросить Белтайна, куда бы тот пошел, но сделав так, он бы согласился с тем, что потерялся.

Он решил, что им нужно пойти по краю поля к нижней части долины. Возможно, там будет дорога.

Они прошли около тысячи шагов, когда он снова остановился. «Ты это видишь?» спросил он.

Белтайн прищурился. Внизу в долине, скрытое деревьями, стояло здание. Из серого камня, покрытое черепицей. У здания было некое подобие бешенки.

«У вас острые глаза, сэр,» сказал Белтайн. «Я бы и за тысячу лет его не увидел.»

«Пошли,» сказал Гаунт.

Это была часовня, старая и изношенная, похороненная в зеленых сумерках деревьев. Плющ и цветы покрывали ее стены. Ярко-зеленый лишайник вгрызся в камень. Они обошли частично обрушившуюся стену, и зашли через старые ворота, к двери. Аромат вернулся, аромат тех цветов. Он был сильным и заставлял Гаунта чихать. Но он не видел ни одного цветка.

Гаунт толкнул дверь и вошел в сумрак часовни. Интерьер был простым, но хорошо сохранился. В конце рядов деревянных скамеек, горела тонкая свечка на Имперском алтаре.

«Итак,» прошептал голос из темноты. «Наконец-то вы тут.» Она была очень старой, и слепой. Полоска черного шелка была повязана вокруг головы на глазах. Ее серебристые волосы были туго стянуты позади головы. Годы сгорбили ее, но стоя прямо она бы возвышалась над Гаунтом.

Не было ошибки в ее черных и красных одеждах.

«Сестра,» сказал Гаунт и поклонился.

«Добро пожаловать. Нет нужды кланяться.»

Гаунт посмотрел наверх. Как она узнала, что он поклонился? Секунду он размышлял, не является она одаренным провидцем, но затем он подловил себя. Дурак. Ее чувства были остры, и она научилась обходиться без зрения. Она просто приметила, откуда исходит его голос. «Я Полковник-Комиссар Ибрам Гаунт,» сказал он.

Она кивнула, как если бы это было ей не безразлично. Или, подумал Гаунт, как если бы она уже знала.

«Добро пожаловать в Часовню Обильного Святого Света, Веник.»

«Значит мы рядом с деревней?»

«Ну, название несколько вводит в заблуждение. Веник примерно в четырех километрах к югу отсюда.» Белтайн тихо застонал.

«Ваш мальчик пришел в уныние, услышав это,» сказала она.

«Мой мальчик? Мой адъютант?»

«Я слышала вас двоих. Я ошибаюсь?»

«Нет. Мы пытаемся добраться до Веника, чтобы найти транспорт. Наш поезд... а, неважно. Мне нужно быть в Мейсеке сегодня вечером.»

Она села на одну из скамей, нащупывая путь одной рукой и опираясь на посох в другой. «Это долгий путь,» сказала она.

«Я знаю,» сказал Гаунт. «Возможно, вы направите нас на правильную дорогу?»

«Ты уже на правильной дороге, Ибрам, но еще какое-то время ты не достигнешь точки назначения.»

«Мейсек?»

«Ох, там то ты будешь к вечеру. Я имею в виду...»

«Что?»

Она уперлась спиной в жесткую спинку скамьи. «Меня зовут Элинор Закер, когда-то Милитант Адепта Сороритас, орден Нашей Леди-Мученицы. Теперь смотритель и хранитель этой часовни.»

«Это честь встретить вас, сестра. Что... что вы имели в виду о моем пункте назначения?» Она повернула к нему голову. Это напоминало поворот головы человека, который привык к целеуказателям шлема. На мгновение, Гаунт почувствовал, что она как-будто целится в него.

«Мне нужно меньше говорить. Есть вещи, которые не должны быть произнесены, еще нет. Тебе нужно извинить меня. У меня бывает немного посетителей и возникает желание поболтать.»

«Что не должно быть сказано?» начал говорить Гаунт, но Белтайн перебил его.

«Как долго вы тут, леди?» спросил он.

«Многие годы,» сказала она. «Очень долго. Я заботлюсь об этом месте, насколько могу. Оно выглядит чистым и в порядке?»

«Да,» сказал Гаунт, оглядываясь вокруг.

Она слегка улыбнулась. «А вот я не могу сказать. Делаю, все что могу. Некоторые вещи вижу ясно, но только не мое окружение. Он не звучит очень молодо.»

Гаунт понял, что последний комментарий относился к Белтайну. «Мой адъютант? Ему... сколько, тридцать два?»

«Тридцать один, сэр,» сказал Белтайн из дальнего пролета.

«Ну, тогда он не мальчик.»

«Нет,» сказал Гаунт.

«Я полагала, что будет мальчик. Это не неуважение, Ибрам. Ты тоже важен. Но мальчик, в нем вся суть.»

«Кажется, вы говорите загадками, сестра.»

«Я знаю. Это должно быть очень печально. Так много я не могу сказать. Если я это сделаю, то это все разрушит. И это настолько важно, что не должно случиться. Был ли мальчик? Очень молодой? Самый молодой из всех?»

«Моим предыдущим адъютантом был мальчик,» сказал Гаунт, внезапно очень взволновавшись. «Его звали Майло. Сейчас он солдат.»

«Ах,» сказала она, кивая. «Иногда они ошибаются.»

«Кто?» спросил Гаунт.

«Таро.»

«Как вы можете читать карты, если не можете видеть?» осторожно спросил Белтайн.

Она повернула голову на звук его голоса. Еще одно аккуратное прицеливание. Белтайн слегка отступил назад, как если бы был пойман в прицел. «Я не читаю,» сказала она. «Они читают меня.» Когда она повернула голову, Гаунт смог увидеть длинную, розовую линию шрама, которая была на верху черепа, разделяя ее белые волосы как борозды от плуга на поле, и спускающуюся по левой стороне до шеи. Он вздохнул про себя. Он почти поверил ее словам. Он почти поверил, что наткнулся на – или его сильно тянуло к существованию пророчества. Но сейчас все, даже ее странные, удачные отсылки к Майло, приобрели другое значение.

Она была не в себе. Повреждение мозга в каком-то давнем сражении. Хаотичные, шепчущие в тенях, лишенные связи от ее одинокого бдения.

Гаунту нужно было идти. «Знаете, сестра... мы направляемся в Мейсек. Я верю, что жизни зависят от того, чтобы мы туда добрались. Вы нам как-нибудь можете помочь?»

«Вообще-то нет. Нет, в грандиозной схеме вещей. Тебе нужно будет помочь самому себе. Тебе и твоему мальчику, я имею в виду. Насколько Мейсек далеко... я бы не хотела попасть туда. Мерзкое место. Оскорбление для глаз. Но вы можете взять на время мою машину, если хотите.»

«Вашу машину?»

«Все равно я не могу больше ей пользоваться. Она стоит в одном из амбаров вдоль тропинки. Вам, скорее всего, надо будет расчистить двери, но машина работает. Я завожу ее каждый день. Ключи на крючке на дверном косяке.»

Гаунт кивнул Белтайну, и адъютант поспешил из часовни.

«Он ушел?» спросила она.

«Ушел найти машину,» сказал Гаунт.

«Присядь ко мне,» прошептала она.

Гаунт сел рядом с ней на скамью. Не смотря на то, что она была не в себе, Сестра Закер сделала ему одолжение, так что он мог, по меньшей мере, уделить ей минуту-две.

Он опять мог почувствовать аромат цветов. Где он раньше слышал этот запах?

«Это будет тяжело,» по секрету сказал она.

«Что будет?»

«Херодор,» ответила она.

«Херодор?» Единственный Херодор, о котором знал Гаунт, был тактически несущественный колониальный мир на некотором расстоянии от галактического края. Он пожал плечами.

«Мне разрешили передать несколько вещей,» сказала она. «Повсюду зло. Но самое большое зло, в конце концов, внутри. В твоем теле.»

«Моем теле?» тихо повторил Гаунт. Он не очень хотел быть втянутым во все это. Но она заслужила любезности.

«Метафорически, Ибрам. Твое тело, как ДеМарчезе описывает его. Ты читал ДеМарчезе?»

«Нет, сестра.» Гаунт был даже не уверен, кем был ДеМарчезе.

«Ладно. Зло состоит из двух частей. Двух опасностей, одна – настоящее зло, другая – непонимание. У последнего ключи. Очень важно, чтобы ты это запомнил, потому что вы, комиссары, ужасно счастливы спускать курки. Я думаю это так. Ох, есть что-то еще. Пусть твой острейший глаз покажет тебе правду. Именно так. Твой острейший глаз. Ну, это о том, что он делает. Надеюсь, я ясно все изложила.»

«Я --» начал Гаунт.

«Сейчас мне нужно подмети пол,» сказала она.

Она сделала паузу и повернула голову к нему. «Мне действительно не нужно это говорить. Я далеко отступила от своей роли... но, когда увидишь ее, порекомендуй меня ей. Пожалуйста. Я скучаю по ней.» Снаружи, чиханье и кашляние двигателя, приходящего к жизни, разорвало тишину.

«Конечно,» сказал Гаунт. Он мягко взял ее руку и поцеловал.

«Император защищает вас, сестра.»

«Его руки будут тебя полностью защищать, Ибрам,» ответила она. «Тебя, и того мальчика.» Гаунт пошел по проходу. «Мы вернем машину.»

«Ах, оставьте ее,» сказала она с легким движением руки.

Снаружи, на сырой тропе, Белтайн сидел за рулем массивного старого лимузина. Темно-голубой корпус был покрыт ржавчиной и лишайником. Сорняки торчали из решетки радиатора и крыльев. Белтайн включил фары, которые горели как глаза ночного хищника.

Гаунт подошел к машине и провел рукой по серому тенту складывающейся крыши. «Она откидывается?» позвал он.

Белтайн поскрипел панелью управления. Со скрипом, кожух сполз на стальных обруках, так что машина стала открытой.

Гаунт забрался назад. Белтайн оглянулся на него и поднял свою забинтованную руку в довольно трогательном жесте.

«Я... ух... не думал, что могу переключать передачи, сэр,» сказал он.

Гаунт помотал головой, развеселившись. «Поменяемся местами,» сказал он.

Они гремели по лесной дороге, оставляя часовню позади. Солнечный свет пестрел и мерцал над ними.

«Так... » прокричал Белтайн сзади, сквозь рев восьми цилиндров, «... насколько странным это было?»

«Забудь!» прокричал Гаунт, пуская массивный, старый автомобиль по крутым изгибам. «Она просто очень хотела компании.»

«Но она знала о Брине --»

«Нет, она не знала. Несколько таинственных высказываний. Это все.

Проповедники на рынках ульев используют такую практику постоянно. Это работает на легковерных.»

«Окей. Так она пыталась одурачить нас?»

«Я бы так не считал. Она была просто... не в себе.» Грунтовая дорога провела их через Веник, и затем параллельно пахотным участкам до Шонсамарла, где они выбрались на Северное Шоссе. К югу, шоссе было переполнено обозами с амуницией и транспортерами с солдатами. На севере они догнали конвой

Гвардейских Громовержцев и легкобронированную технику, двигающуюся в Гибсгатте. Они выныривали из колонны тяжелых танков, когда им позволял встречный трафик, до тех пор, пока конвой не повернулся к Чоссену, и затем помчались вдоль виадука Наэме на кукурузные поля равнин Лонкорт Кантри.

Прерывистный легкий дождь и пятнистое солнце следовали за ними днем вдоль железных дорог, лежащих как ленты на зеленых полях. Они видели медленные боевые порядки трипланов Альянса, жужжащих с востока на фронт, и раз или два блеск Имперской воздушной поддержки внезапно проносился на сверхзвуковой скорости, принеся новый вид войны в этот медлительный, старомодный театр.

Немногим ранее 18.00, Гаунт увидел на горизонте Мейсек, возвышающийся над полями.

Мейсек был новым городом, построенным на старом основании. Он был почти разрушен до основания в первые годы Войны Айэкса, когда первоначальное продвижение Шадика беспощадно пронеслось вдоль страны до Верхней Наэме. Пять лет контратак, сфокусированных главным образом на Битве за Дием, в конечном счете оттеснили врага с части территории, отмеченной в северо-западном углу городом Гибсгатте, в юго-восточном – Лонкортом. Этот, так называемый «Ящик Мейсека», сейчас, возможно, был самым укрепленным местом в линии обороны Альянса, формируя центральную секцию Северного Фронта. К югу, от Лонкорта, пролегала Линия Пейнфорка, которая удерживала Долину Наэме. К северу лежали наиболее горячие сектора на расстоянии от Гибсгатте. Альянс решил, что Ящик достаточно прочен, и превратил зону вокруг Диема в Мемориальный Парк для павших. Вечный огонь горел на территории собора Диема, и океан травы вокруг него был разлинован, ряд за рядом, белыми, в форме сердца, надгробиями.

Мейсек был восстановлен. Его здания были сделаны из спрессованной древесной массы, покрытой цементом. Они располагались на сваях в излучине Верхней Наэме, обнесенные оградой из древесины. В центре возвышался собор Святого Жевала.

Становило темно ко времени, когда они проехали ворота крепости в южной стене и заехали в город. Колокола собора звенели, и фонарщики зажигали химические фонари вдоль улиц.

Мейсек напомнил Гаунту приграничный городок. Его сборные корпуса зданий пахли новьем и полностью заслоняли старый запах, такой как в населенных центрах на Айэксе. Город был стратегически важным и хотел, чтобы посетители знали это, но он казался немногим больше, чем лагерь или земляные сооружения. Воздух пах смолой от крыш и влажным деревом. Он напоминал продвижение, чтобы захватить Ракервилль, годы назад, с Хурканцами. Ракервилль пах так же. Авантюрист. Краткая передышка в Имперских действиях. Поступок, сделанный без секретности на передовой.

Они припарковались рядом с собором во дворе, окруженном деревьями. Деревья были старыми и иссохшими, но Айексгариенцы, которые восстановили Мейсек, деревья тоже восстановили, привив новые ветви к старым, разрушенным войной стволам. Поздние цветки и свежая листва образовали корону над кривыми серыми стволами.

Гаунт и Белтайн шли по соседним улицам, сквозь небольшие толпы, и нашли военный холл, большое мрачноездание с двумя башенками и окруженное стеной.

Было около 20.00.

Умывшись и переодевшись, Гаунт оставил Белтайна в назначенней ему комнате, и пошел на ужин. Его сопровождали два младших офицера из Банды Сезари, величавые в своих головных уборах с плюмажем и зеленых шелках. Наступила ночь, и тесные проходы военного холла представляли собой пещеры с дрожащими свечами.

Ужин только начался в комнате с террасой, с видом на реку на западе. Последние клочки дневного света пятнали небо снаружи, и яркие огни дрожали вдоль изгиба реки.

Тут было девятнадцать офицеров, и все ненадолго замерли, когда Гаунт садился на свое незанятое двадцатое место. Он сел и бормотание разговора возобновилось. Длинный стол был накрыт белой тканью, и освещался четырьмя большими канделябрами. На месте Гаунта мерцали девять столовых приборов. Стюард принес ему белую овальную тарелку и наполнил ее охлажденным, бледно-красного цвета, супом.

«Имперец?» спросил мужчина справа от него, низкий узколицый Айексгариенец, который уже хорошо набрался.

«Да, сэр,» сказал Гаунт, осторожно узнав звание по погонам. Генерал.

Человек протянул руку. «Сикьем Феп Ортерн, Главнокомандующий. Сектор 60.»

«Гаунт, Танитский Первый.»

«Ах,» сказал пьяный. «Вы единственный, о ком они говорят.» Гаунт посмотрел дальше вдоль стола. Он видел Голке рядом, и Лорда Генерала Вон Войтца, во главе стола. Больше он никого не узнал, за исключением старшего тактика Вон Войтца, Байоту. Как и Ортерн, все остальные были старшими офицерами Альянса, как Айэксегариенцы, так и Коттмаркерцы. Гаунт начинал чувствовать себя так, как будто попал в логово льва. Он предполагал, что Вон Войтц позвал его на частный ужин, где он сможет высказать свою тревогу о тактике Альянса в компании избранных помощников. Но такого он не предполагал, банкет с высшим военным составом. Хотя Вон Войтц, впечатляющий в своей темнозеленой униформе, сидел во главе стола, главенство казалось исходило от человека слева от Вон Войтца, напоминающего быка Коттмаркерского генерала с беспокойным бледным лицом, в очках клерка, напоминавших полумесяц и с белокурыми волосами.

Гаунт говорил мало и ел, не привлекая внимания, улавливая нити разговоров, которые ходили туда-сюда вдоль стола. Было много плохо прикрытых, грубых замечаний об Имперских солдатах, которые, чувствовал Гаунт, целиком относились к нему. Офицеры Альянса провоцировали его, смотря, как он отреагирует и что может заставить его прокомментировать.

Уже подали и унесли три блюда, включая основное из тушеного мяса, и теперь принесли вязкий, приторно-сладкий пудинг, называемый сорсо, который офицеры Альянса приветствовали с большим энтузиазмом. Это была местная особенность. Ортерн, и кое-кто из сидевших рядом офицеров, превозносили достоинства пудинга. Для Гаунта он был невозможно сладким. Он оставил большую часть его.

Стюарды очистили стол, протерли ткань, и подали сладкий черный кофеин и амасек в больших графинах из зеленого стекла. Местные, которые ужинали в повязанных белых салфетках, напоминавших слюнявчики, теперь перекинули их через левое плечо, несомненно, по обычай указывая, что они закончили. Гаунт небрежно свернулся и положил на блюдо.

Тощий сервитор ходил вокруг стола, обрезая и зажигая сигары. Один из Коттмаркерцев откинулся в кресле и начал курить кальян. Ортерн предложил Гаунту толстую сигару, которую тот отклонил.

Ортерн тихо рассмеялся. «Ваши обычай, сэр, точно как у пришлого. На Айексе Кардинал джентельмен никогда не доест сонсо. И он никогда не отклонит предложение другого человека закурить, потому что он не может быть уверен, что когда-нибудь ощутит такое же удовольствие от этого?»

«Я не хотел вас обидеть,» сказал Гаунт. «А по протоколу ли принять сигару, чтобы сохранить ее на потом?»

«Конечно.»

Гаунт кивнул, и взял одну из предложенных сигар. Он знал, что Корбек оценит ее.

Началась более свободная беседа за столом.

«Ибрам,» поприветствовал Гаунта Вон Войтц, с другого конца стола, подняв свой амасек, «ты к нам поздно присоединился.»

«Мои извинения, лорд. Были проблемы в дороге по пути из Ронфорка.»

«Я боялся, что вы не приедете,» сказал Коттмарский генерал в очках. «Я хотел встретить вас.»

«Сэр,» выражил признательность Гаунт.

«Ибрам, это Вице Генерал Кам Мартэйн, главнокомандующий Западными Войсками Коттмарка, представитель высшего командования Альянса.»

Значит правая рука Линтора-Севка.

Мартэйн вежливо улыбнулся Гаунту и осторожно отпил амасека. «Я был заинтригован некоторыми докладами,» начал он.

«Ну не сейчас, Мартэйн!» отрезал Вон Войтц, весьма добродушно. «Это светское мероприятие. Мы можем оставить разговоры о войне на утро.»

«Ну конечно же, лорд генерал,» расторопно сказал Мартэйн, присаживаясь на место. «Война поглощает каждый миг нашего бодрствования, и я забыл, что это кажется странным для наших посетителей.» Лицо Вон Войтца потемнело. Оно было ужасным, но едва уловимо. Мартэйн подчинился Вон

Войтцу, но сделал это так, как будто Имперцы сражались менее серьезно, чем у Айакса.

«Вообще-то, мой лорд,» ясно сказал Гаунт, «мне было бы интересно услышать комментарии вице генерала.»

Разговоры стихли. Это была дуэль, ни больше, ни меньше, словесная, но тем не менее ужасная. Имперцы против Альянса. Высказывание Мартэйна было язвительным и крайне неоднозначным, оставляя Вон Войтцу всего два варианта: пропустить это мимо или дать обсуждению ход.

И так и эдак, Вон Войтц потерял бы такт. А Гаунт вышел на первый план и отразил унижение так же, как Мартэйн нанес его.

Мартэйн осторожно выбирал слова. «Полковник Анkre, этот достойный сын Коттмарка, поведал мне в нескольких докладах, что вы... вообще не впечатлены нашей военной организацией.»

«Полковник Анkre и я крепко обменялись мнениями, сэр,» сказал Гаунт. «Я представляю, о чём вы. И я признаюсь, что удивлен, что он принял их так близко к сердцу, что ему нужно было потревожить этим вас.»

Гаунт видел, как на лице Вон Войтца появилась улыбка. Этому было слово, которое обычно следовало за высказыванием, которое последним произнес Гаунт. Этим словом было «туше».

«Я не испытываю беспокойства от этого, полковник-комиссар. Я был рад, что Рэджаку потребовалось время проинформировать меня. Мне было бы ненавистно думать, что наши Имперские союзники сражаются с нами. Административно, я имею в виду.»

Мартэйн был опытным политиком. Последнее высказывание было легким и теплым, но сквозило острой сталью.

«Почему вы так думаете?» спросил Гаунт, открыто защищаясь.

«Анkre сказал, что вы несогласны с нашей цепью командования и полевым этикетом. Затем указали ему на недостаток информации.» Сейчас Мартэйн говорил более прямо. Он, несомненно, чувствовал, что Гаунт в невыгодном положении и хотел заставить его осудить себя.

Гаунт видел Голке, сидящим вдоль стола. Человек был невозмутим. Гаунт напомнил себе, как прям и жесток он был с Голке в Ронфорке, так же и с Анkre. Он мог сказать, что Голке желал, чтобы он не был так же прямолинеен сейчас.

Как будто я буду так же глуп, подумал Гаунт про себя. «Именно так, сэр,» сказал он.

«Вы это подтверждаете?» Мартэйн хитро посмотрел в глаза нескольких своих офицеров. Гаунт видел, как Вон Войтц слегка покачал головой.

«Имперская Экспедиция прибыла, чтобы быть вашими товарищами по оружию, вице генерал. Быть частью вышего Альянса против Республики Шадик. Конечно, правильно же, что мы внедряемся правильно в войска Альянса? Элементы полевого этикета и стратегическая информация специфичны для этой войны, и мне нужно было объяснение. Я сражался во многих битвах, сэр, но я не могу претендовать на то, что все еще понимаю нюансы этой войны. Мои вопросы, вице генерал, были просто заданы для того, чтобы лучше служить верховному сезару и людям Айэksа.»

Бледные щеки Мартэйна внезапно вспыхнули красным цветом, напоминавшим суп, который был в качестве первого блюда. Под личиной защиты честности, Гаунт только что переиграл его. Мартэйн нервничал. «Анkre так же высказал мысль, что вы верите, что ваши люди слишком хороши для сражения на передовой,» начал он, но это был глупый ход, которого ждали как и Гаунт, так и Вон Войтц. Несспособный заставить Гаунта осудить себя своими же словами, Мартэйн споткнулся и высказал фактическое поражение.

«Как вам не стыдно, вице генерал,» прорычал Вон Войтц.

«Я оскорблен, сэр,» сказал Гаунт.

«Довольно, Мартэйн,» сказал Голке, говоря впервые. «Вряд ли это вежливо, чтобы правила Айэksа распространялись на добровольных союзников.»

Голоса поползли вокруг стола. Многие офицеры были сконфужены комментарием своего командующего.

Гаунт засмеялся про себя. Как о войне, так и об этикете, Айэks был таким старомодным. Он вспомнил некоторые штабные ужины, когда Имперские

командующие ругались между собой за столом, а потом смеялись над этим. Тут такой искренности не было. Тут была простая культура военного формализма, которая подавляла всякую надежду на победу.

«Мои извинения, полковник-комиссар,» сказал Мартэйн. Извинившись, он вышел из-за стола.

«Хорошо сделано, Ибрам,» сказал Вон Войтц. «Вижу, что что старые навыки в политике не покинули тебя.»

Гаунт удалился с Вон Войтцем, Голке и Байотой в маленькую библиотечную комнату. Сервиторы настроили лампы, обновили выпивку и оставили их одних.

«Вы меня вызвали, чтобы выставить Мартэйна дураком, сэр?» спросил Гаунт.

«Может быть,» улыбнулся Вон Войтц, так, как будто это была восхитительная идея.

«Вице Генералу Мартэйну не нужно помогать выглядеть дураком,» сказал Голке.

«Я надеялся уйти отсюда с чем-то большим, чем с удовлетворением от этого,» сказал Гаунт.

«Именно так,» сказал Вон Войтц. «Я изучил твои рапорты и слушал замечания нашего друга Графа Голке все это время... неофициально, конечно же. Тебе бы стоило волноваться об этом Анкре, Ибрам. Он говорит о том, что обнаружил, и он говорит плохо о тебе.»

«Вполне очевидно. Но я не буду стоять в стороне, и смотреть, как Гвардейцев уничтожают без причин.» Вон Войтц сел в большое обитое кресло у камина, и наугад взял книгу с ближайшей полке. «Это сложный театр, Ибрам. Он требует такта. Если бы мы имели верховное командование тут, я бы с радостью взял Альянс и тряс бы его за загривок, пока бы он не стал работать должным образом.

Работал бы как современная армия. Бог-Император, целая армия Гвардии, работая целеустремленно, могла бы прогнать Шадик в течение месяца.» Он поднял глаза на Гаунта. «Но у нас нет такой роскоши. Хотя名义ально, лидеры Альянса – Линтор-Севк, которого, я признаюсь, не выношу, и сам верховный сезар – всем командуют. Мой Лорд Магистр Войны Макарот ясно

дал понять, что мы тут, чтобы помочь Альянсу, а не забирать командование у них. Наши руки связаны.»

«Тогда люди умрут, сэр,» сказал Гаунт.

«Умрут. Мы вынуждены сражаться в этой войне с темпом Альянса, правилами Альянса, и сопутствующими традициями Альянса. Айэксегари и их союзники до безрассудства готовы удерживать контроль над битвой. Не в обиду, граф.»

Голке пожал плечами. «В этом я с вами, лорд генерал. Я嘗試ался что-то изменить годами. Пытался усовершенствовать тактику и стратегию. Просто дело в том, что у Айэксегари долгая и славная история военного дела. Они не уступят, даже тогда, даже если будут проигрывать войну. Айэксгаери просто никогда не проигрывала. И, особенно, такому старому врагу, как Шадик.»

«Альянс не видит, что сражается с современным врагом,» тихо сказал Байота. «Они не принимают во внимание, что Республика Шадик изменилась, подверглась порче, теперь это больше не соседствующая сила, которую Айэксегари превосходила в пяти войнах.»

«И члены Альянса тоже этого не видят?» спросил Гаунт.

«Нет,» сказал Голке. «Особенно Коттмарк. Они видят свое вступление в войну, как удобный случай доказать, что они имеют значение на мировом уровне.»

«Гордость,» сказал Гаунт. «Вот за что мы сражаемся. Не Шадик. Не архивраг. Мы сражаемся за гордость Альянса.»

«Думаю так,» сказал Вон Войтц. «Несомненно,» сказал Байота.

«В таком случае мне стыдно за свою страну,» печально сказал Голке. «Когда верховный сезар сказал мне, что Гвардия прибывает, чтобы помочь нам, мое сердце подпрыгнуло. Пока я не увидел этот его взгляд.»

«Какой взгляд?» спросил Вон Войтц.

«Взгляд, который сказал мне, что он видит Имперцев, как новенькие игрушки... игрушки, которые он сможет использовать так же, как и старые. Я надеялся, что Альянс сможет чему-нибудь научиться у Гвардии... новые

методы ведения войны... вещи, как полевые приказы на лету и принятие решений на уровне отделений...»

«Вы читали Слайдо,» с улыбкой сказал Гаунт.

Голке кивнул. «Читал. Думаю, что я единственный человек на Айэкс Кардинал, кто читал. Правда бесполезно. Альянс все еще живет в славных днях великих сэзаров. Они не изменятся.»

«Ответственный отец,» мягко сказал Байота, «горевал, когда увидел сына оплакивающим смерть домашнего животного, кошки. Мальчик жалуется, что он присматривал за ней, холил ее, кормил, и вот она умерла, несмотря на его заботу. Угождая, отец купил новое домашнее животное сыну, собаку. Он ужаснулся, когда застал сына сбросившим собаку с балкона.

Сын опять жалуется. ‘Это животное тоже не летает,’ сказал он отцу.» Байота оглядел всех. «Мы – собака,» сказал он.

Рассветный туман с Верхней Наеме покрыл пеленой Мейсек на следующее утро, когда Гаунт проснулся. Он убедился, что Белтайн рано разбудил его для обратной поездки в Ронфорк. Пока он брился в холодном, новом свете, прибыл посланец и попросил его встретиться с Лордом Генералом Вон Войтцем.

Вон Войтц завтракал в своей комнате, вместе с Байотой не небольшой группой помощников. По распоряжению Вон Войтца, стюард принес кофеин, жареную рыбу и яйца в смятку для Гаунта, чтобы он мог поесть с ними.

«Ты сегодня отправляешься в Ронфорк, Ибрам?» сказал Вон Войтц, охотно уплетая завтрак. На нем была украшенная вышивкой накидка и льняной полевой костюм темно-красного цвета.

«Я слишком долго там отсутствовал, сэр. А вы?»

«На север. Линтор-Севк ожидает меня в Гибсгатте, чтобы представить меня Северным генералам. Там полный беспорядок. Завтра мы высаживаем подразделения Урдеши. Тем, не менее, у меня для тебя хорошие новости.»

«Сэр?»

Вон Войтц вытер рот салфеткой, и чавкнул, делая маленький глоток фруктового сока. «Итак, это были хорошие новости до 5.30 этого утра. Потом они стали просто интересными.»

«Продолжайте.»

«Наш друг, Граф Голке, работал над тем, чтобы повлиять на планировщиков Альянса последние несколько дней, и после вчерашнего вечернего ужина у него получилось. Первый будет переведен, в соответствии со своими способностями к разведке. Прямо на запад, зона называется... как, Байота?»

«Лес Монторка, сэр.»

«Точно. Будет приказы. Но у тебя свой путь. Танитцы, наконец, будут использовать свое истинное назначение. Не подведи меня.»

«Не подведу, сэр.»

«Меня или Голке. Было чертовски сложно убедить их.»

«А в чем заключается интересная часть, сэр?» спросил Гаунт.

Вон Войтц сделал паузу, прожевывая. Потом он поднял свой стакан. «Пошли со мной, Ибрам.»

Вон Войтц повел Гаунта на веранду, с которой открывался вид на реку. Ландшафт внизу был накрыт бледным туманом.

«Есть еще кое-что,» сказал Вон Войтц. «Голке рассказал про твоих людей, делая акцент на том, как страшны они в качестве разведчиков, так что штабные планировщики согласились перевести их. Проблема вот в чем, Голке, может быть, слишком уж хорошо описывал их. Они приняли эту идею близко к сердцу. Внезапно, идея разведчиков им понравилась. И они хотят сделать по-своему.»

«Ясно, и что это значит?»

«Это компромисс, Ибрам. Половина твоих людей отправятся в Леса Монторка. Остальные прибудут в Карман.»

«Карман?»

«Сейберкский Карман. Передовая. Их задачей будет прорваться свозь оборону Шадика и обнаружить... и, может быть, уничтожить... эти новые осадные орудия. В штабе считают, что раз ты так хорошо разбираешься...»

«Фес!» сказал Гаунт. «Для этого есть слово.»

«Я знаю. 'Ирония', будет правильным. Я вполне уверен, что Мартэйн и Анkre приложили к этому руку.

Компромисс. Тебе нужно будет показать свою силу на западе... и в то же самое время такие же навыки в тупике. Мне жаль, Ибрам.»

«Жаль? Я играю с шансами, мой лорд. Все мои люди на фронте, или только половина.»

«Хороший мальчик. Одна рука дает, другая отбирает, как говорил Солон.» Со спальным мешком в руке и кучей тревог в голове, Гаунт вышел из военного холла под солнце Мейсека. Было 8.30. Имперский персонал тянулся между часовых Альянса, загружаясь в транспорты Вон Войтца.

Гаунт поискал Белтайна и машину. Он нашел только Белтайна.

«Что такое? Где машина?»

«Очень странно, сэр. Что-то не так. Думаю, что машину украли.»

«Украли?»

«Там где мы ее оставили, ее нет.»

Гаунт положил свою сумку. «Дай мне ключи. Я ее найду.» Белтайн состроил гримасу. «Есть еще одна странная вещь, сэр. Ключи я тоже не могу найти.»

«Фес! И что я ей скажу?»

«Старой женщине?»

«Да, старой жен--»

Гаунт вздохнул. «Не беспокойся, давай больше не будем терять время. Найди нам какой-нибудь транспорт... или хотя бы билеты на следующий поезд, идущий на юг.»

Белтайн кивнул головой и поспешил прочь.

«Проблема, полковник-комиссар?»

Гаунт повернулся и увидел рядом с собой Байоту.

«Ничего такого, с чем бы я не справился.»

Байота застегнул свои высокие красные перчатки тактического отдела и кивнул.

«Эта история прошлой ночью. О кошке и собаке. Очень уместная. Очень острия,» сказал Гаунт.

«Не я ее придумал,» тотчас сказал Байота. «Одна из сказок ДеМарчезе.» Байота пошел к ожидающим машинам.

«Тактик Байота! Секунду!»

«Гаунт?»

«ДеМарчезе? Вы сказали ДеМарчезе. Кто это?» Байота помедлил. «Мелкий философ. Очень мелкий. Вы знаете это имя?»

«Я его слышал.»

«ДеМарчезе служил советником у Киодруса, который в свою очередь был правой рукой во время Первого Крестового Похода. Его вклад сильно затмил Фалтомус, который был настоящим творцом стратегии Святой Саббат, но его незамысловатые сказки все еще заслуживают внимания. Гаунт? Что такое?»

«Ничего,» сказал Гаунт. «Ничего.» Он посмотрел на бледное солнце и произнес, «Элинор Закер.

Это имя вам что-нибудь говорит?»

«Элинор Закер?»

«Милитант Адепта Сороритас, из ордена Нашей Леди-Мученицы?» Байота покачал головой.

«Хорошо. Забудьте. Удачи в Гибсгатте. Император защищает.» Гаунт пошел искать Белтайна. Нечасто он чувствовал себя встревоженным. Он наконец-то распознал проникающий всюду аромат цветка, который он чувствовал вчера. Ислюмбин. Священный цветок Хагии.

СЕМЬ

БРАКОНЬЕРСТВО

«И это, друзья мои, то, что они называют милосердием.»

- Мюртан Фейгор

Лес манил.

Они могли почувствовать это. Они могли видеть, как из Инс Арбара прибывали транспорты. Вертящиеся, как зеленый пушной зверек вокруг нагорья к востоку от них. Большой. Тихий. Загадочный.

Ощущалось совсем не так, как если бы Танитцы не видели лес со времени Основания. Они их много повидали. Густые дождевые леса на Бхавнагере, тропические рощи Монтакса, Леса на болотах Вольтеманда. Но в этом лесу было что-то другое, что-то сдержанное, старое и холодное, что мучительно напоминало им всем о потерянных наловых лесах.

Инс Арбор был жалкой дырой, бедной и воняющей в летней жаре. Тут негде было нормально остановиться для проживания, практически не было воды, и была самая плохая пища, по сравнению с той, какую они до сих пор ели.

Но боевой дух поднялся за одну ночь.

Лес манил.

Корбек мог видеть поднятие духа на лицах людей по всему лагерю. Он присел назад на крыло полугусеничной машины, и сделал несколько последних корректировок в списках отрядов, которые он составлял. Каждый отряд из десяти человек должен был представлять собой хорошее сочетание разведчиков и огневой поддержки, и Харк попросил Корбека распределить разведчиков-стажеров равномерно.

Корбек потягивал большую сигару, тлеющую у него в зубах. Подарок от Гаунта. Он собирался сохранить ее для специального случая, но дым хорошо перебивал вонь от уборных Инс Арбара.

Настоящим подарком Гаунта было это задание. Половину Первого вытащили из мясорубки на Наэме и дали более полезное дело. Это подняло боевой дух, несмотря на мрачные условия этого промежуточного города. Все что угодно было лучше, чем передовая линия, и перспектива работать в лесу была лучше, чем все остальное. Танитцы улыбались. Вергхастцы, у которых

не было особой близости с лесом, тоже улыбались, просто у них поднялось настроения, когда в последнюю минуту отложили их размещение в траншеях.

Он позвал Варла и послал его собрать солдат для первого инструктажа.

Лес манил.

Бростин не унимался. Разбойного вида, жестокий, татуированный, один из наиболее грубых людей из всех Танитцев, он все никак не умолкал, восхищаясь лесом.

«Чуете это!» сказал он. Он замер, задумчиво наклонив голову. «Не листва. Запах влажной земли у деревьев. Хмм-мм.»

«Все, что ячу, так это твои гаковы прометиевые баллоны, Танитец,» лениво сказал Кью.

«У тебя нет души, Кью. Совсем.»

«Так все говорят, как пить дать.»

«Есть идея,» сказал Фейгор, его голос тихо свистел из-за голосового импланта. «Почему бы вам обоим не заткнуться?»

Бростин пожал плечами и улыбнулся, и поднял свои топливные баллоны с плещающимся содержимым. Кью растворился в папоротнике.

Фейгор поднял правую руку и дважды махнул пальцами. Члены девятнадцатой команды веером двинулись через кустарник.

Был поздний вечер. Солнце казалось желтым пятном на западе за лиственным покровом. Лесные просеки представляли туманные лощины, утыканые черными стволами. Дикие птицы громко кричали среди деревьев, и воздух пах сырой корой, маком и колючим кустарником.

Девятнадцатый отряд был на задании уже три часа, покинув командный пункт в Инс Арборе с другими отрядами после инструктажа Корбека. Во время марша через деревни, отряды отделялись один за другим, и каждый направлялся к обозначенным местам патрулирования. Девятнадцатому приказали осмотреть Долину Баскуол до дороги к Фрергартену. Два, может быть три дня, и обратно. Они хорошо проведут время, двигаясь по сельской местности. Легкая прогулка среди деревьев.

«Я думал, что Бростин родился и вырос в трущобах Танит Магны,» прошептал Каффран.

Гатс пожал плечами. «Я тоже. Думаю, что городские мальчики среди нас тоже иногда становятся сентиментальными.»

Каффран кивнул. Он не завидовал энтузиазму Бростина. Здесь были темные сосны, которые наиболее сильно напоминали Танитские, со времен утраты. Проблеск узнавания, который он чувствовал в зонах высадки, тут был сильнее. Лес. Деревья. Айэкс Кардинал чувствовался достаточно по-домашнему.

Вергхастцы в отряде были менее спокойны. Мирил и Жажко, дети улья, прыгали в тенях, наводя свое оружие на любой скрип и шорох, который слышался в лесу.

«Остынь,» прошептал Каффран Мирил, когда она щелкнула предохранителем и прицелилась.

«Тебе легко говорить, лесной мальчик,» сказала она. «Тут жутко.» Фейгор поднял руку, подал сигнал остановиться и повернулся к своим разведчикам.

«Фес!» сказал он, «я слышал более тихие пьяные танцы! Мы можем действовать профессионально? Можем?» Они кивнули.

«И скажите мне...» добавил Фейгор, «тут разве не лучше, чем торчать на передовой?»

«Да, Мистер Фейгор,» все согласились. «Хорошо. Великолепно. Теперь идем.» Фейгор повернулся и пошел прямо к Мквеннеру.

«Фес меня, назад! Вен! Черт!»

Мквеннер сурово посмотрел на Фейгера. Он не любил адъютанта Роуна. Феса кусок, если бы вы смогли вытащить из него его мнение, и некоторые отважились сделать это.

«Путь чист,» сказал Мквеннер. «До большого дуба на склоне. Мне разведать дальше?»

«Ага, почему бы тебе это не сделать?» сказал Фейгор, восстанавливая самообладание. «И забери одного из этих фесовых фанатов. Неплохая идея, не так ли?»

«Как скажешь,» сказал Мквеннер. Он бросил взгляд на рассредоточенных членов отряда.

«Рядовой Жажко! Ко мне!»

Жажко бросился вперед, чтобы присоединиться к худому, жуткому Танитскому разведчику. Жажко был одним из нескольких Вергхастцев, которые показывали потенциал как разведчики.

«Вперед и вниз, обыскать юг. Сигналы стандартные,» сказал Мквеннер напряженному Жажко. «Вперед!» Мквеннер и Жажко, разделившись, рванули впереди отряда. Фейгор смотрел им в след. Он все еще мог видеть крадущийся, согнутый силуэт Жажко даже через две минуты. Мквеннер исчез почти мгновенно.

Рервал проверил вокс, чтобы убедиться, что они все еще в зоне действия связи. Он поднял глаза и увидел Миорил с угрюмым выражением на лице.

«Что такое, Вергхаст?» сказал он.

«Ничего. Ничего...» ответила она. Рервал пожал плечами. Он знал, что ее беспокоит. Миорил и Жажко – оба подписались под тренировки разведчиков, и это путешествие по лесу было для них испытательным полигоном. До сих пор, только Жажко извлек выгоду из умений и обучения Мквеннера.

Это женское дело, думал Рервал. Как и Роун, хотя я никогда не предполагал такого предвзятого отношения от Вена.

«Собераться!» крикнул Фейгор назад. «Выдвигаемся!». Они пошли дальше, рассредоточившись, сквозь полуутьму леса: Фейгор, Гатс, Бростин, Миорил, Каффран, Куу.

Куу притормозил и оглянулся на десятого и последнего члена отряда.

«Ты с нами?»

«Конечно,» сказал Хлэйн Ларкин. «Как пить дать.»

Фейгор был очень рад про себя. Он попал в то, что стало известно как «счастливая половина Первого», и теперь он командовал пешим патрулем. Минимальное усилие, небольшая работа типа ходи-и-ищи, и неограниченная по времени. И если они найдут что-нибудь неплохое, может быть старую

ферму или что-то типа такого, тогда двухдневный патруль может превратиться в трех или четырехдневный отпуск.

Он бы предпочел собрать свой собственный отряд. Девятнадцатый был смешанным, но с Бростином, Рервалом и Гатсом было все нормально, Күу был на своей волне, и с Каффом тоже все было в порядке. Ларкс был шизиком, но кто был здоров? Он мог стрелять. Может он им принесет что-нибудь на ужин. Фейгор признавался сам себе, что понятия не имеет, что за дичь тут обитает, но он был точно уверен, что у нее рот с одной стороны, жопа с другой, и подходящая еда посередине.

Без Вергхаста он мог бы и обойтись. Жажко был тугим, и, по мнению Фейгора, ни один Вергхастец никогда не стал бы разведчиком. Этого не было в генах. Девочка была лучше. Фигуристая. Может быть, ему повезет, и он сыграет совсем в другую игру где-нибудь в дремучем лесу.

Настоящей болью был Вен. Фейгор уважал разведчика, как и все. Но все так же боялись Мквеннера. Он был абсолютно порядочным. Фейгор знал, что ему надо все очень осторожно спланировать, если они хотят повеселиться, и чтобы Вен не встал на пути.

Конечно, была еще работа, которую нужно было сделать тоже. Лес Монторка покрывал три тысячи квадратных километров и простидался от Тойре, произрастая на западных склонах Горного массива Коттмарка, стены гор, которая отделяла восточные провинции Айэксгаери от Коттмарка.

По большей части территория Монторка была с крутыми, густыми лесными склонами, крайне непроходимыми, если идти пешком или тратить время, чтобы найти хорошую дорогу.

Республика Шадик лежала к северу. Номинальная граница пролегала в восемидесяти километрах, за водохранилищами Тойре. В течение долгих лет войны, Шадик давил на Айэксгаери и Коттмарк вдоль всех жизненно важных дорог, постепенно создавая рисунок фронта. Видимое на тактической карте, лесное нагорье было единственным разрывом на этой линии. К западу лежали Линия Серонна, Сектора Наэме и Мейсека, натянутые как струна. На севере и востоке, так называемая Линия Щита Остланда, которая блокировала атаки Шадика на Коттмарк. Шадик никогда не трогал Монторк. Война его не коснулась из-за географии. Всего лишь несколько часов блужданий по окраине леса показывали, как бы воевать было тяжело.

Только дурак попытался бы провести армию через лес. Фейгор слышал, как командующих Республики называли по-всякому, но дураком никто из них не был.

Тем не менее, времена изменились. Альянс встревожился идеей, что Шадик изменил тактику, чтобы преодолеть мертвую точку. Вместо того, чтобы прямо штурмовать Фрергартен, самый мощный восточный бастион Альянса, они скорее всего выдвинут элитную пехоту с легкой поддержкой к Монторку, и обойдут Фрергартен, достигнув хитростью то, что не смогли сделать тремя предыдущими штурмами.

Они могли взять Фрергартен, Инс Арбор, сломать Линию Серонна и выдвинуться в Восточные Провинции меньше, чем за шесть недель.

Это было маловероятно, но не невозможно. Призракам приказали определить позицию врага и линии коммуникации на территории Монторка. Чтобы предупредить заранее, если будет необходимо. И, Корбек предположил во время инструктажа, что такой трюк Альянс не сможет провернуть в обратном направлении. К осени, войска Альянса может быть и пойдут через лес, на север...

Фейгора это не волновало. Его, вообще-то, но волновало кто победит, а кто проиграет. Он бы и феса не дал, если бы Президент Шадика пришел и дал бы в ухо верховному сэзуару. До тех пор, пока Фейгора не оставят в покое. Он устал. Это была фесово долгая дорога с Танита, и они прошли через многое.

Роун всегда говорил, что Гаунт вел их так, как-будто ему было что доказать. Ну, они-то фесово достаточно хорошо уже все доказали, не так ли? Это все было уже очередью какого-нибудь другого ублюдка. Может быть, когда они покончат с этой фесовой дырой, тогда Первый отправят в резерв на несколько месяцев. Шесть, может быть. Год. Фейгор видел, как отзывают другие части. Фесовых Витрианцев, например. Их отзвали в резервы крестового похода около восемьнадцати месяцев назад и, насколько знал Фейгор, они все еще были там, задравшие свои фесовы стеклянные ботинки на стол, курящие чьи-то сигареты с лхо, поигрывая в гарнизоне. Голубокровые тоже, этих ублюдков выдернули в тыл после улья Вервун. Не было фесовой справедливости.

Фейгор добрался до следующего гребня, откос с голыми камнями и папоротником, которые обрамляли глубокую лощину, где тонкий поток

пробил себе путь под темными деревьями. Деревья, горный ясень, ольха и какое-то хвойное, трещали и медленно покачивали кронами. Легкий ветерок. Западный. Аромат дождя.

На одном из камней лежал листок, свежий, закрученный в спираль, со стеблем, воткнутым в лист. Фейгор взял его. Один из указателей Вена. Все разведчики оставляли маркеры, как этот, чтобы показать отряду за ними, что тут разведано, и они ушли вперед. Вы их не узнаете, когда не знаете, на что смотреть. Вен и Жажжо должны были быть уже в полукилометре от них.

Пока отряд шел по дорожке, обрамленной папоротником, позади него, Фейгор вырвался вперед, забираясь по нагромождению камней на гребне в разрыв между деревьями, где солнечный свет мог попасть на него. Небо было желтого оттенка, та его часть, которую он мог видеть. Облака бежали, собираясь. Явно будет дождь. Может быть даже летний штурм.

Фейгор знал знаки. Как Бростин – и его наставник Роун – Фейгор был городским парнем.

Но даже если вы выросли в таком месте, как Танит Аттика, вы все равно никогда не были далеко от леса. Фейгор узнал еще подростком, как ориентироваться в лесу и как считывать погоду, сбегая ранним утром из торгового района Аттики в леса Африки. Вам нужны навыки в такой торговле, как у него. Навыки, чтобы найти особые участки земли в особое время, навыки, чтобы добраться домой, кружным путем не потерявшись. Навыки, чтобы избежать арбитрес и сборщиков налогов. Ходоки и шейкеры на черном рынке Аттики многое не достигнут, если будут оправдываться чем-то типа «Я потерялся» или «Внезапно прошел ливень, и я поздно прибежал.»

Фейгор сел и подождал, пока члены отряда не заберутся на гребень. Кью, потом Кафф, потом Гатс и Рервал. Бростин вернулся в линию, так что предательский запах от его баллонов для огнемета будет минимальным. Дальше Мюрил, тихая, как кошка. Фейгор смотрел, как она приближается, его взгляд задержался, когда она прошла мимо и открыла ему вид сзади.

Ларкин был в хвосте. Согласно Бростину, Ларкин специально попросился в этот отряд, что Фейгору казалось необычным. Все знали, что Ларкин и Кью точно не были хорошими друзьями.

Обычно Ларкин делал все, чтобы быть как можно дальше от Кью. В самом деле, Кью казался озадаченным присоединением Ларкина. Озадаченным. Почти раздраженным.

Но Ларкин казался необычно спокойным. Это было хорошо, в сценарии Мюртана Фейгора. Последней дерьямовой вещью, которой бы он хотел, чтобы Ларкс был в одном из его маниакальных состояний. Он будет присматривать за снайпером. И он попросил Пайета Гатса сделать то же самое.

Фейгор встал и соскользнул вниз с гребня, чтобы присоединиться к Ларкин, как только тот забрался наверх.

«Скоро будем подыскивать убежище,» сказал Фейгор. «Ветер поднимается. Было бы неплохо поесть. Оглядишься?»

Ларкин пожал плечами. «Почему нет?»

«Не отходи далеко.» Фейгор посмотрел назад на тропинку. «Мюрил!»

Она повернулась и пошла к ним.

«Ларкс сегодня отвечает за ужин. Помоги ему. Не потеряйтесь.»

«Окей,» сказала она. Приказ ей, вообще-то, понравился. Полчаса браконьерства с Ларкином не были тренировкой разведчика с Веном, но это было лучше, чем ничего. Фейгор знал, что у нее зудело показать ее способности.

Что-нибудь, чтобы ей быть на хорошем счету.

«Я видел несколько следов по пути,» сказал Ларкин. «Давай посмотрим там.» Оба начали спускаться по склону туда, откуда пришли.

Фейгор пошел вперед, догоняя остальной отряд. Бростин остановился сделать глоток из своего походного котелка. Впереди, перед следующим проходом в тени деревьев, Кью тоже замер. Он пристально глядел вслед удаляющейся фигуре Ларкина.

Ларкин опустился на колено и проверил след. Он был свежим. Какое-то небольшое животное, возможно скот. Он на мгновение присел на камень, меняя свою обойму с «горячим выстрелом» на низковольтную.

«Что это?» спросила Мюрил.

«Ты раньше охотилась?»

Она покачала головой.

«Горячий выстрел порвет все, что меньше оленя. Нам нужна еда. Мы же не хотим раскрасить пейзаж жидкой дичью.»

Она улыбнулась. Она присела и положила свой лазган рядом на землю.

Ларкин раньше видел ее с лонг-лазом. Казалось, что ей непривычно нести стандартный карабин Марк III.

«Скучаешь по нему?» спросил он.

«Типа того,» призналась она. «Но я хочу быть разведчиком. Я очень хочу этого. И это означает променять мой любимый лонг-лаз на стандартный Марк III. К тому же, мне дали шапку в качестве компенсации.»

Она говорила о мягкой шапочке из черной шерсти, которая была на ней. Стандартное обмундирование солдат включало в себя керамитовый шлем вместе с черным беретом или пилоткой. Если, конечно, вы не были разведчиком, или разведчиком-стажером, как Мюрил. Тогда в любой случае нужно было носить шерстяную шапочку. Она не препятствовала движению или обзору, как шлем, и не было опасности, что она бряцнет по оружию, когда ползешь. Шапочки были отличительной чертой элиты Первого, одна из едва уловимых, но ключевых различий в униформе, придающих авторитет. Если она станет разведчиком, то будет носить матово-черный значек специализации на кантеле шапочки. Пока еще ни один Вергхаст не добился этого. Как и ни одна женщина.

Ларкин улыбнулся. Что бы не гласил стандартный регламент о головных уборах, Первый удивительно небрежно следовал ему. Многие ходили с непокрытой головой. Береты одевали при перестрелках. Однажды он слышал, как Корбек говорил Харку, что многие Призраки использовали свои шлемы больше как ведра, чем надевали их в битву. А тут была эта девушка, которая пыталась выиграть право носить шляпу, которым возможно никогда не воспользуется.

Исключая, конечно, парад. Вот где это будет иметь значение. Вот где Сехра Мюрил в шапочке разведчика будет фесово круто выглядеть.

«Что смешного?» спросила она.

«Ничего,» сказал он.

Он поднялся и попрактиковался прицеливаться лонг-лазом в деревья. «Ты не думаешь, что я смогу?» сказала она. Он пожал плечами. «Ты стала метким стрелком. Я это знаю. Если кто из жителей улья когда-нибудь и станет разведчиком, это будет одна из ваших девушек.»

«Мквеннер похоже не увлечен этой идеей,» пробормотала она. «Когда полковник сказал мне, что добавить меня в этот отряд, чтобы перенимать опыт у Вена, я была очень взволнована. Я имею в виду, Вен это реальное дело. Он или Мколл. Самое лучшее. Я думала, вот он. Большой шаг вперед. Но, кажется, он заинтересован только в Жажко.»

«Жажко подходит.»

«Конечно. Но Жажко отбирает все внимание. О ком еще Вен вспомнит? Обо мне? Я так не думаю.

Я что-то не так сделала? Или повела себя глупо? Или у Вена есть кое-что?»

«Кое-что?»

«Насчет девушек.»

Ларкин опустил оружие и косо посмотрел на нее. «У нас у всех есть кое-что насчет девушек.» Мирил засмеялась. «Но на самом деле...»

Ларкин снова поднял оружие. Далеко, сквозь деревья, он мог видеть членов девятнадцатого отряда, обходящих по краю следующий склон под елями.

«Тебе когда-нибудь приходило в голову,» мягко сказал он, «что Вен тратит время на Жажко, потому что Жажко единственный, когму нужно поработать?»

«Гак!» сказала она. Широкая улыбка расплылась по ее узкому лицу.

«Посмотреть на это с такой стороны мне даже не приходило в голову.»

«Тебе нужно смотреть со всех сторон...» сказал Ларкин. Его голос упал до тишины. Он водил своим лазом из стороны в сторону. Он не моргал. Через прицел он видел фигуры вдалеке, появляющиеся и исчезающие в листве. Он ждал, когда прицел зафиксируется. Показание высветилось перед его

глазом. Цель зафиксирована. Четыреста семьдесят два метра. Затылок головы Фейгора. Опустить. Цель зафиксирована. Четыреста семьдесят девять с половиной. Баллоны с прометиумом Бростина. Опустить.

«Четыреста восемьдесят один. Цель зафиксирована. Лайжа Күу. Часть черепа. Поправка на боковой ветер. Отслеживаю.

Что ты делаешь?» спросила Мюрил.

Ларкин задержал дыхание. Лонг-лаз чувствовался невесомо. Руна фиксирования цели моргала равномерно. Его правый указательный палец медленно нажимал на курок. Лайжа Күу остановился и повернулся, чтобы поговорить с Гатсом. Горизонтальная линия прицела расположилась вдоль глаз Күу. Вертикальная почти совпадала в его отличительным шрамом. Прямо тут. Прямо сейчас. Смертельный выстрел.

Ларкин опустил оружие, выдохнул и щелкнул предохранителем.

«Просто осматриваюсь,» сказал он.

Хекта Жажжо не мог заставить гаков листок согнуться. Каждый раз, когда он пытался сделать петлю, он разворачивалась, и когда у него, наконец-то, получалось пропустить стебель сквозь листок, он рвался. «Проблема?» произнес голос.

Жажжо посмотрел наверх. Мквеннер стоял над ним. «Гак, ты заставил меня подпрыгнуть.»

«Это хорошо, потому, что я разведчик. И плохо, потому, что ты им хочешь стать.»

«Прости.»

«Не надо извиняться. Будь лучше. В чем проблема?»

«Ты сказал мне оставить тут знак. Я не могу заставить лист сохранять форму.» Вен присел на корточки и оторвал свежий листок с ближайшего кустарника. «Ты слишком много стараешься. Это просто поворот. Это должно выглядеть случайным.»

Мквеннер сделал превосходную петлю и положил лист на верхушку белого камня.

Жажко вздохнул.

«Ты научишься,» сказал Мквеннер, почти ободряюще. «Ты думаешь, что мы тратим время, не так ли?» сказал Жажко. «Почему?»

«Потому что мы не годимся. Не годимся для разведки.» Жажко не нужно было уточнять, кто такие «мы». Они оба знали, что он имеет в виду Вергхастцев.

«Если это то, о чём ты думаешь, тогда единственная вещь, которую я трачу, это мои усилия. Ты понимаешь, что я имею в виду.»

«Если только --»

«Ты понимаешь, что я имею в виду Жажко. Покажи мне как ты можешь работать на местности.»

Жажко поднял свой Марк III и пошел дальше, пригнувшись. Они достигли длинной, изогнутой долины с сосновым лесом и крутым склоном, изобилующим прошлогодней хвоей. Поднялся ветер, и деревья закачались над ними.

Воздух был холодным. Солнце село и погрузило лес в сумерки. Жажко старался производить как можно меньше шума. Мертвая кора хрустнула под его ногой, и он виновато посмотрел назад туда, гдa оставил Мквеннера.

Разведчик исчез. Как, как его дери, он сделал это?

Жажко старялся прятаться всю дорогу вниз к толстому поваленному стволу ели. На полпути, он зацепил прикладом винтовки молодое деревце. Затем он понял, что не укрылся камуфляжным плащом как следует. Гакова деревяшка, что еще он не так сделал?

Звук ветра в деревьях был гипнотическим. Как море, думал Жажко. Его семья происходила из улья Имжа, на архипелаге, одном из тропических городов Вергхаста. Он знал, как звучит море. Он потерял его, когда его семья переехала в улей Вервун, в год, когда ему исполнилось шесть.

Жажко прошмыгнулся через молодую поросль, и пересек заросли шуршащего папоротника. Первые капли дождя начали падать, звонко шлепая по листьям, покрывавшим землю. Жажко пытался держаться теней. Сквозь сосны впереди, казалось, что там что-то было, но он не мог сказать что. Он

сменил укрытие, перебегая между деревьями, способом, которым его учили при подготовке в разведчики.

Звуки, которые он производил, теперь были замаскированы собирающимся ливнем и ветром. Он держал свой Марк III под подмышкой, так что винтовка не сможет ничего больше задеть.

Дождь стал усиливаться. Капли стучали по листьям как непрекращающаяся барабанная дробь. Температура мгновенно выросла на несколько градусов, поднимая туман с земли и ударяя ему в нос запахом сырого перегноя.

Жажко достиг сосен, и проскользнул между деревьями. Что, черт возьми, там было? Определенно какое-то чистое пространство. Просвет в деревьях. Он мог это точно сказать из-за освещения.

Он лег в папоротник и прополз около двадцати метров к краю полянки, держа оружие перед собой. Он поднял голову и увидел, сквозь дождь, что там такое.

«Гак!» заикнулся он. Он развернулся, чтобы поползти назад, но Мквеннер был прямо у него позади.

«Хорошая работа,» тихо сказал Мквеннер. «Поглядим, что ты нашел...»

Этого не было ни на одной карте. В основном из-за того, что эта штука была старой, а карты новыми. Вен и Жажко отправились назад к отряду, и повели их вперед.

Это был дом. Большой дом. Уединенный. Рервал описал его как дом пастора, и название прицепилось.

Очень старый и заросший, он занимал очищенный участок на склоне горы внутри леса, обращенный на запад. Известковый серый камень, черный шифер. Два этажа и, возможно, чердак. Спереди занавешенные окна выходили на неухоженный сад. От крыльца вела поросшая сорняком дорожка, и были признаки старой стены и ворот в заросшей изгороди. Гатс и Каффран подошли сзади, и нашли калитку, открывающуюся с другой стороны, и группку хозяйственных построек у задней стены сада вокруг мощенного двора. Далее от построек, дикий сад и лужайка тянулись в гору к краю соснового леса. В конце лужайки была стена, напротив которой было еще несколько более ветхих построек.

Дождь стал проливным.

«Давайте проверим,» сказал Фейгор.

Они разделились. Фейгор, Гатс, Куу и Бростин к передней двери; Каффран, Первал, Жажко и Мквеннер к задней.

«Оружие наготове,» сказал Фейгор на ступеньках. Идущие с ним Призраки кивнули. Гатс и Куу встали по обе стороны от больших, старых дверей. Краска на них облупилась. Фейгор заглянул в окно, но не увидел ничего, кроме пыли и теней.

«Заходим,» сказал он по микро-бусине.

«Принято,» протрещал голос Каффрана.

Фейгор кивнул. Бростин выступил вперед и приложился плечом к дверям. Потребовалось два толчка, но дерево раскололось, и двери распахнулись.

Гатс и Куу, с лазганами наготове, вошли позади него.

Холл был темным и воздух затхлым. Старые ковры. Сырость. Они пошли в сумрак, видя лестницу и несколько дверей, ведущих из холла. Вода капала с потолка и лестничного прохода. Фейгор крался вперед, с винтовкой наготове.

Он щелкнул пальцами и он, Гатс и Куу включили фонарики. Фонарики были закреплены на держателях для штыка, и они водили ими по холлу. Пятна света осветили лакированный буфет с покрытыми паутиной подсвечниками, массивное позолоченное зеркало, которое отбрасывало свет от фонариков обратно на них. Вешалка, с единственным плащом на ней. Расшитый коврик. Высохшие цветы в старинной вазе. Приставной столик с латунными письменными принадлежностями.

Куу попробовал переключатель на стене. Большая люстра не загорелась.
«Энергии нет,» сказал он.

«Ага,» улыбнулся Фейгор, но и только.

Дождь стучал. Звучали раскаты грома. Фейгор шел к двери из холла по левую руку.

Бростин открыл фидер подачи топлива в огнемет на резервуаре, и поджег запал.

Прозвучал мокрый кашель, а потом шипение, когда огнемет ожил. Бростин держал его на минимуме, так что только конус синего каления шипел вокруг сопла. Шипение форсунки наполнило воздух. Все могли почувствовать запах прометиума.

Бростин пошел к Фейгору, используя свет от огнемета как фонарик. «После вас,» сказал он.

Фейгор распахнул дверь, прижавшись спиной к косяку. Бростин зашел внутрь, немного увеличив давление в огнемете, замелькали быстрые вспышки горячего желтого пламени.

«Столовая,» сказал он. Фейгор прокрался внутрь, поводя фонариком по стенам. Длинный, темный лакированный стол, обставленный двадцатью стульями. На столе была единственная тарелка, увенчанная парой фруктов, и маленький разделочный ножик.

Фейгор вышел назад в холл. Гатс и Кью открыли комнату на другой стороне. Что-то вроде гостиной, с креслами и диванами, покрытыми пыльными простынями. Большой камин, корзина с бревнами. Больше паутины.

Фейгор пошел дальше к другой двери в конце холла. Он приоткрыл ее, наводя оружие с фонариком через щель. Маленькая комната, разграниченная пустыми полками. Пыль. Библиотека? Рабочий кабинет? Он медленно вошел внутрь, Гатс прикрывал его. Тут была доска и кресло начальника на медных роликах. На полках и крючках на стенах когда-то что-то было. Он повел лучом направо.

Охваченный светом его фонарика, монстр вырисовывался из темноты, скалилась пасть с огромными зубами, когтистые лапы поднялись для удара.

«Святой фес!» взвизгнул Фейгор и выстрелил.

Он попал в живот, раздался громкий хлопок и во все стороны полетели мех и пыль. Гатс, испугавшись внезапного выстрела, перекатился через дверной проем и сам выпустил очередь.

«Стоп! Стоп!» кричал Фейгор сквозь огонь Гатса. Монстр продолжал рычать на них. Микро-бусина разрывалась.

«Кто стрелял?» Это был Каффран.

«Подтвердите контакт! Подтвердите контакт!» Жажжо.

«Фейгор? Ответь.» Вен.

Фейгор смеялся, сухое хихиканье раздавалось из его голосового импланта.
«Расслабьтесь. Нет контакта.» Гатс тоже давился от смеха с облегчением.

«Что за фес?» сказал Бростин, протискиваясь внутрь и поднимая огнемет. Он зажег факел, и яркий свет осветил комнату. В углу показался огромный зверь, стоявший на постаменте с лапами, поднятыми для удара. Опилки высыпались из дыры от выстрела на животе, и огонки отражались в его стеклянных глазах.

«Фес!» сказал Бростин. «Ты готов стрелять по любой причине или что?»

«Я думал, что он фесово настоящий!» запротестовал Фейгор и сдавленно фыркнул. «Застал меня врасплох.»

«Ладно,» сказал Бростин, «уверен, что вы вдвоем его убили.»

Фейгор подошел к чучелу. Это точно был зверь. Он стоял на задних ногах, три метра в высоту, покрытый черным мехом, и с острыми зубами, длиной с его пальцы.

«Что за фес это такое?» спросил Пайет Гатс.

«Что-то типа урсы,» сказал Фейгор, сильно стуча по груди зверя. Она была пустотелой.

«Это бейж,» сказал Куу из дверного прохода. «Важная штука тут на Айэксе. Тотемное животное, король хищников. Я слышал, что сезар носит шкуру, и местные торгуют когтями, как талисманами.»

«Откуда, фес тебя, ты это знаешь Лайжа?» спросил Бростин.

Куу улыбнулся. «Да я пару-другую раз прогулялся по траншейным рынкам. Всегда помогает узнать что-то у местных. Перо страуса приносит удачу, но коготь бейжа --»

«Всегда в курсе главных событий, а, Куу?» с восхищением сказал Фейгор.

«Как пить дать,» сказал Лайжа Куу.

Каффран повел свою группу в заднюю кухню. «Странно,» сказал Мквеннер. «Что это?»

«Все чисто и убрано... исключая чашку и блюдо в раковине.»

«Кто-то поспешно уходил,» сказал Рервал. «Предполагалось, что весь этот регион эвакуирован.»

«Тогда почему я слышу запах чеснока?» спросил Вен.

Наводя свой фонарик в темноту, Каффран прошел мимо кладовой и пустой, пахнущей сыростью, уборной. Жажко шел за ним.

Жажко нашел дверь из кухни, которая была неплотно прикрыта. Это была кладовая, полны были установлены маринованными фруктами и банками с консервированными овощами. Четыре засоленные ляжки свисали с крюков.

«Гак меня, у меня потекли слюнки,» сказал Жажко. Они сидели на отвратительном рационе с самой высадки.

Ожил вокс.

«Парни, идите гляньте, что я нашел,» сказал Фейгор.

Отряд Каффрана нашел Фейгора в подвале дома. Короткая каменная лестница вела туда сквозь дверь в холле. Помеченные по годам разлива, бутылки с вином располагались на пяти рядах полок.

Фейгор взял одну бутылку, разбил горлышко о стену подвала и залил в себя большую порцию.

«Гатс, Куу,» сказал он, рыгая и облизывая губы. «Разожгите огонь. Да хорошенько. Мы нашли, где остановиться.»

«Нам нужно обезопасить это место,» сказал Мквеннер.

«Окей, ну так обезопась,» резко сказал Фейгор. Все могли слышать ветер и стучащий дождь снаружи. «Делай что хочешь.»

Мквеннер сердито глянул на Фейгора. Потом он повернулся к Жажко. «Пошли.» Вдвоем они покинули погреб.

Фейгор сделал еще глоток из бутылки и бросил взгляд на Каффрана. «Это не сакра,» сказал он, «но я думаю мне понравится.»

ВОСЕМЬ

КАРМАН

«Худший день моей жизни. Худшая часть линии. Ни одному бы ублюдку такого не пожелал. Я даже не хочу туда возвращаться.»

-- Граф Голке, в Сейберском кармане

В тишине, они ждали, пока пушки не прекратили стрелять. Затем они пошли. По лестнице, через бруствер. В черноту и грязь. В маленькие, личные миры удушающих противогазов.

Было около 3.30 утра, и день казался целой прожитой жизнью.

«Глядите в оба,» произнесла Крийд в свою микро-бусину, звук ее дыхания резонировал в ее противогазе. Ее взвод рассредоточился. Где-то слева был пятый взвод, банда Сорика. Справа, семнадцатый, Раглона. Где-то вокруг нее был ее собственный гаков взвод, но она не могла никого видеть. Чертовые маски: повязки на глаза, кляпсы, наушники, все в одном флаконе.

Впереди было какое-то подобие света. Он мерцал сквозь неидеальные пластиковые линзы ее маски. Янтарный, раздражающий. Достаточный лишь для того, чтобы разглядеть ландшафт ничейной земли. Дымовые газы поднимались от воронок. Они скрывали колючую проволоку. Лужи загрязненной химией воды в глубоких воронках светились тревожным фосфоресцентным сиянием.

Это была игра. Не смешная. Никто такого не ожидал. Никто с тех пор, когда их перевели в сектор 58.

Крийд чувствовала отсутствие ДаФелбе. Говорили, что он восстанавливается после ранения в лицо. Ей пришлось определить Мкхефа в свои адъютанты, и она не ладила с долговязым Танитцем.

Замля была мокрой и вонючей. Это было как пробираться через карамель. Все, что она могла слышать, так это свое тяжелое приглушенное дыхание внутри защитной маски.

«Колючая проволока!» произнес приглушенный голос. Она повернула голову. Это был Мкхеф, ожидающий пока Кенфелд и Вулли не подойдут с резаками.

Крийд пригнулась к земле. Все вокруг нее, безымянные, закрытые масками призраки скользили вперед, только тени в плохом свете. Все были в маскировочных плащах.

«Брешь готова!» отрапортовал Кенфелд, его голос звучал как будто из коробки. Он встал, отодвигая разрезанную колючую проволоку в сторону руками в перчатках.

«Пошли, за мной,» прошептала Крийд.

Всего лишь в пятидесяти метрах слева от Крийд, Сорик вел свой взвод вперед. Несмотря на близость, но не мог видеть никого из группы Крийд, или Обела, который вроде как продвигался слева от него.

Агун Сорик истекал потом в своем противогазе. Он ненавидел их. Он был слеп и задыхался, его, уже и так ослабленное зрение, уменьшилось донельзя.

Грязь была адом. Мокрая, мягкая и губокая. Она засасывала сапоги с каждым шагом, как будто земля была голодна. Сорику пришлось прикрыть Рядового Хефрана, который не зафиксировал свои сапоги как следует и, поэтому, потерял один в земле.

«Надень свой гаков сапог!» рявкнул Сорик, задыхаясь во влажной темноте своей маски. «Простите, сарж. Простите...» ответил Хефрон.

«Заткнись и завяжи его крепко!» Сорик сделал шаг назад, пытаясь наполнить легкие. Все что он чувствовал, так это влажный, горячий воздух. Пот застилан его единственный здоровый глаз. И он не мог вытереть его.

«Гак!»

Хефрон поднялся и Сорик отправил его вперед, дав подзатыльник. Он сделал шаг или два, перед тем, как споткнуться обо что-то твердое в грязи и упасть.

Жидкая грязь залита его маску. Он не мог видеть. Он чувствовал грязную воду, залившуюся в его фильтр. Его подхватили руки и дернули вверх.

«Сарж? С вами все в порядке?» Это был Вивво, его голос трещал по связи.

«Ага.»

«Вы ранены?»

«Нет.»

«Гак, я подумал, что вас ранило.»

«Протри мне эти гаковы щели для глаз, ради бога,» сказал Сорик.
Послышался скрип и обзор вернулся.

Вивво очищал грязь с линз противогаза Сорика пальцами. «Вы ушиблись?» спросил он.

«Нет. Да, ушиб ногу. Упал на что-то.» Дышать стало еще труднее. Сорик еще никогда так не задыхался. Чертов противогаз...

«Дай мне пару минут, Вивво. Иди. Держи взвод в поле зрения, пока они не ушли слишком далеко.» Сорик с трудом шел вперед, чувствуя, как ноет ушибленная нога. Он обо что-то сильно стукнулся, когда упал.

Что-то было в его кармане. На ощупь, он вытащил это и поднес к глазам. Это была латунная гильза для сообщений.

Сердце Сорика стало стучать еще тяжелее. Он был уверен, что оставил эту фесову штуковину в своей землянке.

Неловко держа ее в грязных кулаках в перчатках, он отвернул крышку. Там лежала свернутая синяя бумажка, которую он и ожидал увидеть.

Было тяжело читать сквозь перепачканные линзы противогаза. Там было сказано. «Воздух чист. В противогазах нет необходимости.

Предупреди десятый о мельнице.»

Что-то было еще написано ниже, но он не мог разглядеть.

Сорик отстегнул пряжки и снял противогаз. Он сделал большой вдох холодного окружающего воздуха, воздух был густым от топлива, грязи и воды.

Но никакого газа.

Он снял перчатки и вытер здоровый глаз, проведя рукой по лбу и загоняя пот обратно в волосы. «Связист!

Связист!» позвал он.

Мор, его связист, задержался на грязной равнинке перед ним и стал осматриваться, пока не увидел Сорика с непокрытой головой.

«Фес, сарж! Приказ был быть в противогазах!»

«Воздух чист,» сказал ему Сорик. «Воксируй это. Воздух чист, я даю тебе слово.» Мор опустился на колени в воронке и стал настраивать аппаратуру, снимая походя противогаз. Его молодое лицо было красным и покрытым каплями пота.

«Дай мне микрофон,» сказал Сорик. «Это двадцатый, двадцатый всем. Воздух чист, повторяю, чист.

Бросьте противогазы.»

Сорик сел, все еще держа микрофон у рта. Он вертел бумажку, пока не появился слабый свет, который позволил ему прочитать.

«Девяносто первый, двадцатому. Вы уверены насчет противогазов?»

«Уверен. Доверься мне, Тона.»

«Принято, двадцатый.»

«Двадцатый, девяносто первому. Я думаю, что вы приближаетесь к чему-то вроде мельницы. Строение.»

«Девяносто первый, двадцатому. Его нет на картах.»

«Тут ничего нет на картах, Тона. Просто посматривай, окей. Увидишь строение, будь осторожна.»

«У тебя секретная информация, Сорик?»

«Просто будь осторожна.»

«Девяносто первый, двадцатому. Осторожна. Принято.»

Сорик выключил микрофон, и откинулся назад, пристально всматриваясь.

Небо было темным, покрытым желтой дымкой. Звезд не было видно. Он хотел, чтобы были звезды.

«Закончили, сэр?» спросил Мор. Он нервничал. Взвод оставил их позади.

«Не совсем,» сказал Сорик, глядя на бумажку, зажатую в грязном кулаке. Эта строка под первой. Его мокрые пальцы размазали чернила. Сейчас это была

лишь клякса. Он уставился на нее. Что там, гак, говорится? Он обязан был знать. Он же, гак, написал это.

Или что-то с таким же почерком как у него, в любом случае.

Что-то, Сорик знал, даже если это его гаково пугало, чему он должен был верить.

Что-то, что-то, не позволить чему-то... да что это было? Выглядело как «Раглон». Так?

Дерьмо, о чём тут говорится? Первая часть была предупреждением для Тоны? Раглон тоже во что-то ввязывается? Бог-Император, о чём тут говорится?

«В следующий раз используй гаков карандаш!» сказал он.

«Сарж?» нервно спросил Мор.

Я сказал слишком громко, подумал Сорик. Он взял микрофон. «Двадцатый, два-ноль-три?»

«Два-ноль-три, двадцатому.» Голос Раглона раздался без промедления, как напоминание, что на связи был экс-связист.

«Двадцатый, два-ноль-три... эм, просто будь осторожен, окей?»

«Скажи еще раз, Сорик?»

«Я сказал, будь осторожен. Не знаю почему, не знаю из-за чего. Просто... будь очень осторожен, окей?»

«Понял. Два-ноль-три, конец связи.»

Сорик кинул микрофон Мору. «Пошли,» сказал он, и встал. Грязь и темнота были со всех сторон. Не было и следа Вивво или остальной части пятого взвода.

Сорик схватил Мора за руку и стал с трудом продвигаться вперед.

По ландшафту ничего нельзя было определить. Просто перерытая взрывами земля и обломки. По всему тому, что различала Крийд, они должны были идти назад к своим линиям. Но каким-то образом Хвлан видел путь.

Танитский разведчик шел впереди, подталкивая широкую линию десятого взвода продвигаться вдоль пустоши. По меньшей мере, они чувствовали

облегчение, что сбросили противогазы. Как Сорик узнал, что было чисто? Сообщение от анализаторов атмосферы на передовой, предположила Крийд.

Темнота казалась плотной, сжимающейся вокруг них. Запах смерти с соленой воды почти душил. Крийд спустилась, пригнувшись, в небольшую воронку вместе с Нессой и Врилом, и обнаружила рядом плавающие закопченые раздутые трупы.

Мкхеф спрыгнул туда мгновением позже и отшатнулся в ужасе. «Фес!»

«Заткнись, гака ради!» прошептала Крийд. «Мы уже должны быть близко к передовой Шадика.» Несса заползла на край воронки и посмотрела в прицел лазгана.

«Колючая проволока, в около двадцати метрах. Движения нет.»

«Фес это,» проворчал Мкхеф, пытаясь отогнать прочь разбухший от газа труп, который продолжал двигаться в его сторону.

Ожила связь. Крийд услышала голос Хвлана.

«Тут что-то вроде строения, сарж. Девять градусов на запад. Выглядит как... Я не знаю...»

«Оставайся на месте,» сказал Крийд в свою микро-бусину.

Рукой она указала на Нессу, Врила и Мкхефа. «Со мной.»

Вчетвером они с трудом вылезли из воронки и побежали по рябой грязи, пригибаясь, вдоль ржавой колючей проволоки. Они прошли через разломанную, частично обшитую досками ограду, где Хвлан прятался в выемке.

Здание вдали подсвечивалось желтоватым туманом, поднимавшимся от вражеских линий. Осыпавшееся, просто каркас, одной стены не было, остатки дымовой трубы возвышались как надгробие. Строение лежало в низине, омываемой речной водой, опутанное колючей проволокой. Оно выглядело как какая-то... мельница. Какая-то водяная мельница.

У Крийд было неприятное ощущение от последней передачи Сорика.

Она снова кинула взгляд на осыпавшееся строение, бледное на фоне желтоватой темноты. У Каффрана был большой опыт в штурме зданий. Что бы он сделал?

Раздумия остановили ее. Кафф. Крийд ужасно переживала. Где он? Что он делает прямо сейчас? Жив ли он еще?

Как это было фесово тупо, носиться сквозь темноту и грязь с оружием в руках, когда некоторые вещи по-настоящему имели значение.

Кафф...

«С вами все в порядке, сарж?» прошептал Мкхеф.

«Да, а что?»

«Вы выглядите как-то забавно --»

«Со мной все в порядке,» сказала она. Она была. Она была в порядке. Она была Сержантом Тоной Крийд, Танитский Первый и Единственный, единственной женщиной, которая когда-либо добилась этого. И она не прогакает это сейчас. И не важно, что она чувствует к Каффрану, или Йонси, или Далину.

Она выбрала путь солдата и работала, чтобы получить лычки. Любовь была якорем, в котором она не нуждалась. Не сейчас.

«Кенфелд?» тихо сказала она в бусину. «Сарж?» протрещала vox-связь.
«Доклад?»

«Я к востоку от вас, возле передовой с Мосарком, Позетином и Луббой.»

«Видишь что-нибудь?»

«Только руины.»

«Окей, пошли Луббу вперед с Позетином. Для прикрытие. Но ждите мою команду. Мы собираемся тихо проникнуть с этой стороны.»

«Понял, сарж.»

«Тихое проникновение,» повторила Крийд своим компаньонам, убирая штык в винтовки и перекинув ее через плечо. Остальные сделали то же самое.

«Почему осторожно, сарж?» спросил Врил.

«У меня есть предчувствие,» сказала она. «Это может быть рискованно, но я хочу сделать все тихо.» Четверо из них выдвинулись через черную грязь к разрушеному зданию. Оно было больше, чем думала Крийд поначалу. Высокое. Толстые стены, все, что от них осталось. Она пристроилась позади упавшей секции крыши, и послала Хвлана вперед. Врил последовал за ним. Крийд проскользнула за ними, Мкхеф шел позади нее. Несса осталась, посматривая в прицел.

Внутри мельницы было как в пещере. Вода лилась в крыши, сквозь перфорированный второй этаж. Земля была усеяна осколками рокритом и упавшими балками.

Крийд шла вперед почти наощупь через обломки. Она взобралась на балку, втыкая нож левой рукой и подтягиваясь правой. К западу от нее, Хвлан полз вперед под балкой, и затем перегнулся через дыру от взрыва, которая осталась в одной из внутренних стен.

Она подождала, затем услышала два быстрых стука через микро-бусину. Это был стандартный невербальный сигнал Первого, который делался мягким ударом по интеркому. Два удара... чисто.

Она снова выдвинулась вперед, стараясь протиснуться в узкую щель между рокритовыми плитами, но ее накидка, то и дело, цеплялась за перекрученную арматуру, выступающую из одной плиты. Ей пришлось повернуть назад и пойти в обход.

Один удар. Не чисто. Она замерла.

Два удара. Она продолжила ползти, двигаясь через бассейн с застоявшейся водой на четвереньках, и затем, медленно заползла на насыпь из каменной кладки, возвышавшейся над водой, пытаясь не опрокинуть какой-нибудь камень.

Хвлан ждал ее на вершине того, что осталось от старого дверного прохода. У его ног в тенях лежал неопределимый темный комок. Крийд поняла, что это был труп часового Шадика.

Они подождали, пока Врил и Мкхеф не присоединятся к ним, и затем проследовали через проем в следующую часть разрушенной мельницы. Тут тоже было очень темно, но в дальнем конце виднелся мерцающий свет, как

тени, отбрасываемые огнем. Затем они увидели движение. Более крупные тени двигались перед чахлым светом от костра.

В дальнем конце мельницы был передовой наблюдательный пункт Шадика. Три, может быть четыре человека в капюшонах и длинных, серых плащах двигались в последней комнате. У них был огонь, для обогрева, в бочке из-под нефти, свет от огня был скрыт от наблюдения снаружи. Хвлан схватил Крийд за руку и привлек ее внимание чем-то наверху.

Сквозь отсутствующее покрытие, они могли рассмотреть еще одного солдата Шадика в остатках строго этажа, согнувшегося у оптического прибора на станине и вглядывающегося через него в пустоши на западе.

Они бы никогда не прошли бы там так, чтобы он не заметил.

Крийд просигналила остальным выдвигаться и приготовиться перерезать солдат Шадика. Она сняла свою винтовку и осторожно взяла на прицел расплывчатую фигуру наверху. Ей нужно было рискнуть сделать один выстрел. Но он должен был быть хорошим.

Она ждала сигнала Хвлана. У нее был хороший угол. Один выстрел стоил риска.

В полукилометре на юг от мельницы, взвод Сержанта Раглона достиг затопленные водой остатки старой траншеи. Нельзя было сказать, какая сторона ее постоила, и естественно нельзя было узнать, почему она была выкопана с востока на запад. Когда-то давно, ее ориентация имела какой-то тактический смысл.

Раглон сильно потел, больше от нервов, чем он бы признался. Раньше он видел много сражений, и возглавлял отряд на Фантине, но это было его первое официальное командование в боевой операции.

Раглон был серьезным, вдумчивым человеком, решительным, как Крийд и Аркуда, и другие свеженазначенные сержанты, которые хотели доказать Гаунту и Харку, что они сделали правильный выбор в повышении. Он завидовал Крийд в том, что ей выпал шанс пустить кровь со своим взводом на передовой. Потом, он позавидовал Аркуде, который все еще ждал в резерве в огневой траншее. Гаунт не скрывал опасности этих разведывательных рейдов в пустошь. И Раглон хорошо знал от солдат Альянса, которых встречал, что Сейберский Карман носил чрезвычайно

плохою репутацию, как один из самых тяжелых оспариваемых регионов Линии Пейнфорка.

Он просигналил своим людям спуститься в заброшенную траншею. По меньшей мере, это предполагало, что его взвод сможет напасть на восток не замеченными.

Траншея была наполнена мертвецами. Старыми мертвецами.

Неопознаваемые останки людей, которые, возможно, пали годы назад, и их тела никогда не нашли. Коричневые кости торчали из грязи как сломанные веточки.

Семнадцатый шел в одну колонну, головы опущены, иногда приходилось ползти на животах, чтобы преодолеть секции там, где стеки траншее обрушились и заполнили проход.

Раглон приказал Лукасу, своему оператору вокса, установить аппаратуру только на прием, чтобы передатчик внезапно не заработал и не выдал их. Это был умный ход, такой, какой бы другой начинающий лидер отряда упустил бы. Но Раглон вышел из связистов и знал о таких вещах.

Там, где у Раглона не было опыта, он действовал характер. С тех пор, когда он стал командовать семнадцатым, он в основном пытался установить авторитет. Семнадцатый был взводом Ларна Адаре, и Раглон хорошо сознавал тот факт, что ему нечего было противопоставить харизме оплакиваемого сержанта. Он никогда бы не был таким популярным, как Адаре.

Таким образом, он решил, что лучший способ управлять семнадцатым, это позволить им действовать так же, как при Адаре. Он не хотел вмешиваться в привычки и установившийся порядок. Если семнадцатый был счастлив действовать так, как привык, или кто-то дружил в огневых командах, например, он не видел причин что-то менять. Он думал, что изменения по прихоти могли обидеть весь взвод, и это было правдой, абсолютной. Но некоторые привычки приврастили из сентиментальности.

Когда они достигли мертвей траншеи, люди автоматически образовали колонну, как только увидели подходящую ситуацию, и Раглон даже не спрашивал об этом. Таким образом, сейчас они продвигались за Сутом,

разведчиком, во главе, и Костином прямо за ним. Раглон шел, примерно, за четырьмя людьми после них.

Это была его первая ошибка, как командира.

Сут был хорошим разведчиком. Костин, его приятель, был алкоголиком.

Адаре знал, что Костин пил слишком много. Он пытался повлиять на это. Костин был хорошим парнем, несмотря на его пьянство, и приличным солдатом, если держался подальше от сакры. В такой ситуации как эта, Костин неизбежно хотел быть рядом со своим другом Сутом. Адаре бы притормозил его, отправив в конец колонны, для безопасности.

Когда Костин двигался с нетерпением рядом с Сутом, Раглон не думал возражать. Все знали, что Костин любит выпить. Раглон не представлял, как Костина подкосила смерть Адаре.

Заброшенная траншея на самом деле была возведена Альянсом в ранние годы столкновения, до того как построили основную часть Линии Пейнфорка. Шадик, к чьей линии сейчас эта была ближайшей, никогда не занимал ее, потому что она предоставляла ему превосходное укрытие для рейдовых групп и саперов, ликвидирующих колючую проволоку. В самом деле, они расширили свой восточный фронт почти до края своей системы огневых траншей.

В то время как взвод Раглона продвигался вперед, отряд рейдеров заходил с другой стороны.

Сут остановился, и просигналил назад по линии притормозить. Он что-то слышал и хотел это проверить. «Я иду с тобой,» прошипел Костин.

Сут покачал головой. Он мог слышать запах ликера в дыхании Костины. «Оставайся на месте,» сказал он. Костин производил слишком много чертовых звуков.

«Отлично!» сказал Костин и сел, бросив взгляд на Азайду, следующего человека в линии, пожавшего плечами с видом «ну а я-то что могу сделать?»

Раздраженно, Сут схватил Костины за челюсть и отвесил пощечину. «Тихо!» быстро сказал он.

Костины сердито взглянул на него и сел опять.

Сут повернулся, и начал забираться по скользкой от воды стенке траншеи, потом выполз из траншеи на животе и пополз.

Костин пристально глядел на Сута какое-то мгновение, его гордость была ущемлена. Он вытер рот и затем, небрежно отбросил ил, который оказался в его руке. Привкус был омерзительным.

Он глянул наверх, чтобы посмотреть, как далеко ушел Сут, но разведчик уже был вне поля зрения.

Костин фыркнул и вытащил из кармашка склянку. Он сделал глоток, но она была практически пустой, и он почувствовал только пары алкоголя. Так что он перевернул ее. Перевернул ее так, чтобы допить остатки.

Стеклянная бутылка замерцала, когда на нее упал свет сзади.

Костин вскрикнул, когда выстрел из винтовки разнес его руку и бутылку, которую он держал. Секундой позже, другой выстрел распорол его мундир вдоль правого плеча.

Костин начал завывать, упав на дно траншеи.

Азайда прыгнул вперед, в безнадежной попытке успокоить Костина, но третий выстрел разнес голову Вергхастца как спелый фрукт.

Дальше по колонне, Раглон слышал крики и неожиданные выстрелы, и громко выругался. Он попытался прорваться вперед, но его люди отступали под яростными выстрелами снайперского огня и очередями полуавтоматической стрельбы. Упал Земел, убитый. Лукас шел покачиваясь и вопил, когда выстрел разнес его vox-передатчик.

Сут припал к земле, в одиночестве, на открытой местности. Он мог видеть сверкание выстрелов, врезающихся в траншею перед его взводом.

Он мог видеть клинья рейдеров, спешащих вперед.

Он испытывал самое худшее чувство из возможных, которое вообще может испытывать Танитский разведчик: что он вел своих товарищей к опасности.

Он не колебался. Он встал и побежал к траншее со стороны, его лазган извергал огонь, штурмуя нападавших с фланга.

Он убил нескольких до того, как массированный огонь не сбил его с ног.

К северу, взвод Сорика остановился и припал к земле, когда они услышали перестрелку. Агун Сорик слышал непрерывный огонь, и затем выстрелы из лазгана.

«Гак,» сказал он, «Прицепились к какому-то бедному ублюдку.»

И хотя он ненавидел признавать это, он точно знал, кто был этот бедный ублюдок.

Раглон.

Неожиданные выстрелы всего лишь в полукилометре на юг испугали Крийд, и она на мгновение опустила прицел. Она уже готовилась сделать гаков выстрел.

Она видела, что наблюдатель на втором этаже мельницы поднялся и поспешил к другому концу здания, мастерски переступая через дыры в досках. Она слышала голоса в боковой комнате наблюдательного пункта.

Ждать ли мне или я пойду на это, спросила она себя?

Она снова прицелилась.

«Ставки сделаны,» произнесла она по связи и выстрелила.

Ее выстрел пробил доску и оторвал правую голень наблюдателя. Он заорал, и упал, пролетев сквозь гнилые доски и отскочив от поддерживающей балки на пути вниз.

Врил, Мкхеф и Хвлан рванули вперед, убивая остальных внизу быстрыми, беспощадными выстрелами.

Крийд побежала к ним, приказывая оставшейся группе держать позицию. Звуки серьезной перестрелки доносились с юга. Врил и Хвлан стояли на страже, пока Крийд и Мкхеф обыскивали наблюдательный пункт. Котелки, ящики со снарядами для пушки калибра .45, установленной в разбитом окне, банки с обработанным мясом, полевой телефон. Странная, уродливая статуэтка, сделанная из раскрашенной глины, которую Крийд разбила о стену, как только увидела.

«Проверить вокруг!» сказала она.

«Тут!» позвал Мкхеф.

В дальнем конце комнаты, рифленые металлические листы покрывали вход в туннель. Они взгляделись туда. Там было темно, но стены были хорошо укреплены досками.

Шансы были таковы, что он пролегал прямо к линиям Шадика.

«Что будем делать?» спросил Врил.

Крийд проигнорировала его. Она смотрела на полевой телефон. Лампочка на нем моргала.

Фес.

«Мы не можем тут оставаться. Они или перекроют туннель, когда не получат ответ или начнут массово прибывать сюда.»

Вдали, напротив ничейной земли, они могли слышать, как активизировались пушки и мортиры на фронте Шадика.

Она снова посмотрела в туннель. Такой отличный шанс забраться на вражескую линию фронта. Но не сегодня ночью.

«Отступаем!» приказала она, ее микро-бузина была установлена на канал взвода. С мельницы она ушла последней.

За мгновение, до того как уйти, она метнула трубчатый заряд в коммуникационный туннель, запечатывая его землей и грязью. Если они не могут им воспользоваться, то и Шадик тоже не сможет.

Рассвет наступил рано над Линией Пейнфорка, грязный и туманный. Опять пошел дождь, и ранняя бомбардировка грохотала на севере.

Гаунт ждал в своем укрытии, играя с почти пустой кружкой кофеина.

Легкая занавесь откинулась, и вошел Даур.

«В чем дело?» резко спросил его Гаунт.

«Вернулись пятый, десятый и одиннадцатый. Десятый всего лишь несколько минут назад.»

«Потери?»

Даур замотал головой. «Они не вступили в контакт с противником, они просто отступили, когда ситуация оживилась.»

«Что-нибудь полезное?»

«Крийд хорошо справилась. Ее банда нашла какую-то старую водянную мельницу, которой нет на картах. Наблюдательный пост.

Они убрали солдат, охранявших его. Там был проход к вражеской линии фронта. Крийд запечатала его.»

«Как?»

«Трубчатый заряд. Она раздосадована. Думаю, что она бы повела отряд туда, если бы ситуация не накалилась.»

«Она все правильно сделала.» Даур кивнул. «Семнадцатый?» спросил Гаунт.

«Еще ничего. Никакого знака. Вокс на нуле. Сорик и Крийд подтверждают, что из зоны Раглона доносился шум.»

Гаунт осторожно поставил фарфоровую чашку на стол, потому что боялся, что бросит ее. Он отправил четыре взвода в эту первую ночь, чтобы сыграть в новую игру Альянса, и только три вернулось. Раглон. Он был вокс-офицером Гаунта несколько лет. Он был так горд получить свои лычки и свое соединение.

«Что мы будем делать, сэр?» спросил Даур.

«Мы сделаем все по инструкции,» отозвался Гаунт. «Пусть все остаются на местах. Завтрашней ночью, еще четыре взвода, еще четыре зоны. Халлер, Брэй, Домор, Аркуда. Приготовь их. Скажи им--»

«Что, сэр?»

«Завтрашней ночью, я пойду с ними.» Даур замешкался. «Как ваш старший офицер, я бы вам не рекомендовал.»

«Отмечено.»

«Только для протокола, вы понимаете, сэр.»

«Понимаю. Спасибо, что исполняешь свой долг, Бан.»

«Я бы хотел тоже пойти, сэр.»

Гаунт изобразил легкую улыбку. «Ты знаешь, что я не могу позволить это. Только не оба сразу.»

«Тогда дайте занять мне ваше место.»

«Не в этот раз. Бан. Я выиграл достойную работу для половины Призраков. Я чертовски хорошо собираюсь поддерживать тех, кому досталась паршивая часть сделки. Может быть, ты пойдешь следующей ночью. Договорились?»

«Договорились, сэр.»

Даур уже несколько минут как ушел, когда занавесь снова откинулась. Это был Цвейл.

«Я слышал, что мы потеряли несколько людей,» сказал старый священник с Хагии, заходя внутрь без приглашения. «Взвод Раглона.»

«Я хочу пойти туда ночью. Если есть какой-то шанс найти их, я бы хотел быть там.»

«Мы даже не пойдем в ту зону снова, отец. В этом нет смысла.» Цвейл нахмурился. «Вы даже не хотите сходить посмотреть?»

«Мы вынуждены опробовать другие районы, отец. Не те, где Шадик ожидает нас.

Стандартная полевая политика.»

«Чья?»

«Моя.»

«Хмммм,» произнес Цвейл. Он присел напротив Гаунта. «У тебя тут жестокая работа.»

«Это всегда жестокая работа.»

«Да, но отправлять свои взвода в эту... пустошь... надеясь, что найдешь брешь в их обороне. Зачем это снова делать?»

«Ты это чертовски хорошо знаешь, Цвейл. Не притворяйся, что Даур не сказал тебе.» Цвейл ухмыльнулся. Гаунту всегда нравилась эта ухмылка, с того самого момента, когда они впервые встретил старого священника на Хагии. Она была уверенной, мудрой.

«Очень хорошо, Ибрам. Представь, что я Даур. Посвяти меня в свои планы.»

«Я так не думаю. У вас нет допуска.»

«У меня будет допуск, если ты дашь мне его.»

«Нет, Цвейл.»

Старик вытянул руки, ладонями вниз. «Сыграем на это.»

«Ох, ради Бога...»

«Если только ты не боишься, что старый священник выиграет у тебя?»

Гаунт резко обернулся и расположил свои пальцы напротив пальцев Цвейла.

«Никогда не провоцируй офицера Гвардии,» сказал он.

Цвейл кивнул. В мгновение ока он резко ударил по костяшкам Гаунта справа.

«Ой!» вскрикнул Гаунт. «Я не думал, что мы начали!»

«Теперь знаешь. До трех побед?»

Гаунт замер, затем резко ударил, но промахнулся, так как Цвейл убрал руку.

В ответ, Цвейл провел ложный выпад, и затем снова шлепнул по костяшкам Гаунта опять справа. «До пяти побед?» спросил Цвейл, ухмыляясь.

«Нет. Достаточно.»

«Так ты мне дашь допуск?»

«Нет.»

Цвейл вздохнул и откинулся назад. «Дважды подловил тебя.»

«Да, да --»

«Оба раза с одной стороны.»

«Что?»

«С одной стороны.»

«Хотите что-то сказать?»

Цвейл кивнул. «Я подловил тебя, потому что ты не думал, что я попытаюсь провернуть то же самое дважды. Что если Шадик думает так же?»

«Очень умно. А теперь убирайтесь.»

Цвейл встал. «Пообещай мне кое-что. Я думаю это меньшее, что ты можешь сделать, потому что я выиграл.»

«Продолжайте.»

«Если решишь пойти опять в те же районы сегодня ночью, возьми меня с собой.» Гаунт заколебался. «Да, отец.»

«Благословляю тебя,» сказал Цвейл.

Гаунт вызвал Крийд в свою землянку. Он хотел узнать больше о мельнице, которую она нашла. Но когда постучались, это была не Крийд. Это был Граф Голке.

Он был одет в форму.

«Собрались куда-то» спросил Гаунт.

«Когда вы выдвинетесь сегодня ночью, я буду с вами.»

«Зачем вам это, сэр? Вы посредник. Фронтовая работа осталась для вас позади.»

«Я знаю Карман, Гаунт. Я служил тут. Я втянул вас в эту заваруху, хотя и неставил себе такую цель.

Думаю, что могу помочь вам.»

«В самом деле?»

Голке кивнул.

«Так... что насчет мельницы.»

«Я полагаю, что это старая водяная Сантребарская мельница. Я и не знал, что какая-нибудь из них все еще стоит.»

«Хорошо,» сказал Гаунт. «Вы дали ей название. Но я не думаю --»

«Я был солдатом, Гаунт, до того, как стал кем-то еще. До того, как залез в политический абсурд, управляющий этой войной. Думаю, что я пережил свою полезность, как штабной офицер. Позвольте мне быть снова солдатом.»

Раздался стук.

Вошла Крийд. «Явилась, как приказано, сэр,» сказала она. «Присаживайся, сержант, и расскажи мне и графу об этой мельнице...»

ДЕВЯТЬ

ДОМ ПАСТОРА

«Привидения? Что же, тут есть призраки, это точно.»

- Рядовой Бростин

Шторм, который начался прошлым вечером, не собирался стихать. Дождь долбил по крыше дома пастора и стучал по окнам всю ночь. После полуночи, раскаты грома и бриллиантовые вспышки молний создавали ощущение, как будто они все еще на передовой, терпят артобстрел.

К рассвету, электрическое буйство прекратилось, но дождь только усилился. Это было так, будто громадные, черные грозовые тучи были слишком тяжелыми, чтобы осчистить вершины Горного массива и зацепились там, обрушивая потоки на лес, как дирижабли, пытающиеся сбросить балласт.

Сквозь протекающие окна у крыльца дома, Каффран мог видеть мрачный сад. Запущенный, еще до того, как они сделали тут привал прошлой ночью, сейчас он был забросан рваными листьями и сломанными ветками, упавшими ночью. Завихряющиеся реки дождевой воды лились потоком с более высоких склонов, на которых располагались сады позади дома, сквозь ограду с восточной стороны, к воротам. Нижняя часть газона была практически под водой.

Он пошел назад через холл на кухню. Было еще рано. Из гостиной доносился громкий, воинственный храп. Он решил, что незачем тревожить спящих. Разнообразные кастрюли и сковородки стояли на полу холла и лестнице, стуча и звеня, когда на них попадали капли. Каффран слегка подтолкнул одну кастрюлю ногой, так, чтобы она полностью встала под тонкой струйкой.

Мквеннер, Жажко и Мирил находились на кухне. Вен сидел за столом, изучая карту и жуя батончик из рациона. Мирил заняла подоконник, потягивая кофеин из кружки.

Жажко поприветствовал Каффрана и предложил ему чашку кофеина из кастрюли на печке. Он чавкал чем-то, что осталось с прошлой ночи.

Мюрил и Ларкин встретились с ними примерно через час после того, как они зашли в дом. Насквозь промокшие, они несли обструганную ветвь, с которой свисал толстый олень. Девятнадцатый отряд наелся до отвала. А некоторые из них еще и надрались в стельку.

«Какой план?» спросил Каффран, сядясь напротив Мквеннера.

«Меня не спрашивай,» сжато ответил Мквеннер, не поднимая головы.

Каффран поднял руки в знак капитуляции. «Только спрашиваю,» сказал он.

Мквеннер вздохнул и откинулся назад. «Прости, Кафф. Я вовсе не хотел.» Он сложил свою карту, встал, и накинул свой камуфляжный плащ. «Буду снаружи, проверю периметр.» Он вышел в ливень и закрыл за собой дверь. Старая щеколда с треском захлопнулась.

«Фес!» сказал Каффран. «Что его укусило за зад?»

«А мне он кажется вполне нормальным,» пробормотала Мюрил. Ее тон был таким же унылым, как и дневной свет.

«Да ладно, это мрачно, даже по стандартам Вена,» сказал Каффран.

«Я думаю, что он очень гаково разозлен отношением Фейгора,» сказал Жажко. «Он хотел выйти пораньше, в лес, но они все еще спят. И... никого не было в дзоре прошлой ночью.»

«Я был,» сказал Каффран.

Жажко кивнул. «Мы все строем были. Но Бростин и Кую тоже должны были заступить после полуночи, а они не оюеспокоились этим. Они были слишком заняты тем, что лежали без сознания.»

«Фес...» сказал Каффран. Это встревожило его. Он не мог вспомнить, когда последний раз он провел ночь на передовой, да чтобы еще никого не было по периметру. Кто угодно мог прокрасться в темноте. Целая фесова Республика Шадик могла проскользнуть мимо в темноте.

«Пойду, разбужу Фейгора» сообщил Каффран.

«Думаешь, это хорошая идея?» спросила Мюрил.

«Нет, наверное, нет.» Каффран еще раз подумал, сядясь назад. «Он вчера ночью столько выпил, что утром будет себя совсем нехорошо чувствовать.»

«Он и Бростин, и Гатс, и Күу,» сказал Жажжо, уровень его неодобрения был очевиден. «Как будто они не при исполнении.»

Каффран улыбнулся. Ему нравился Жажжо, но он мог быть настоящим занудой иногда. Хотя только Фейгор и его собутыльники сильно напились предыдущей ночью, каждый насладился роскошью пропустить станчик или два, даже Вен. Но не Жажжо. Если подумать, Каффран никогда не видел, чтобы Жажжо выпивал.

«Тебе придется смириться с тем, что они немного расслабились,» сказал Каффран Вергхастцу. «Я знаю, что мы тут в патруле, но это маленькая собирушка по сравнению с передовой, на которой мы были. Они слегка выпускают пар, раз уж так сложились обстоятельства.»

Жажжо фыркнул. «Без разницы.»

Они услышали голоса в холле, И Ларкин с Рервалом вошли в кухню. Никто из них не скомпрометировал себя прошлой ночью, хотя Рервал и стал немного навеселе. Ларкин рано исчез.

«Погода, наверное,» сказал Ларкин

«Это не правильно,» ответил Рервал. «Я не получаю вообще никаких сигналов.»

«В чем проблема?» спросил Каффран.

«Вокс накрылся,» сказал Ларкин, наливая себе кофеин.

«Вокс не накрылся,» настаивал Рервал. «Что-то не так с передатчиком.»

«Ты уверен?» сказал Мюрил. «Погода, наверное.»

«Только ты не начинай,» сказал Рервал, качая головой. «Я хочу его разобрать. Только немного выпью еще.»

«Тяжелая голова?» спросил Жажжо, без сострадания.

«Нет,» отозвался Рервал. Намеренный упрек раздражал его. «Я плохо спал. Постоянно просыпался.

Это место полно странных неприятных звуков.»

«Ага, я знаю, что ты имеешь ввиду,» сказал Каффран. «А ты как спал, Ларкс?»

«Как ребенок,» тихо сказал Ларкин. Каффран удивился, где. Сильно выпившие провели ночь в гостиной у камина. Остальные заняли спальные комнаты на первом этаже: Жажко и Мквеннер в одной, Рервал, Мюрил и Каффран в другой.

«Ну так, я собираюсь сделать что-нибудь полезное,» заявил Жажко.
«Уберусь, может быть.»

«Ты прикалываешься!» сказала Мюрил.

«Мы развели грязь в столовой прошлой ночью. А ведь это чей-то дом.»

«Кого-то, что покинул это место много лет назад,» сказал Рервал. «Весь этот сектор эвакуировали. Корбек нам так сказал.»

«Я все еще думаю, что это будет вежливо. Мы не мародеры. Итак, я все равно не отступлю. Может быть когда-нибудь, кто-нибудь придет в свой дом.»

Они смотрели на него.

«Ох, ладно. Если мы здесь останемся еще на день, то нам самим понадобятся чистые тарелки.» Каффран вздохнул. «Я помогу,» сказал он.

Вдвоем они покинули кухню, и пошли через холл к столовой. В холле было темно, и они легко увидели маленькую вспышку, которая осветила окна. Секундой позже вдалеке прогремел гром.

«Фес,» сказал Каффран. «Это когда-нибудь закончится?»

Жажко остановился в двери столовой. Он уставился на что-то.

«Что такое?» спросил Каффран.

«Тот плащ. Он был на вешалке прошлой ночью, когда мы пришли.»

«Ага. И он все еще там.»

«Правильно. Но сейчас он мокрый.»

Каффран огляделся и увидел, каким взглядом смотрит Жажко. «Не начинай. Кто-то воспользовался им прошлой ночью, и все.»

«Кто?»

Каффран пожал плечами. «Я не знаю! Кто-то, очень пьяный, может быть? Есть тут несколько кандидатов.» Жажко улыбнулся, убедившись. Они зашли в столовую и остолбенели. Стол был чистым и вытертым. Стулья стояли на своих местах. Вся посуда исчезла.

«Что за фес --?» начал Каффран.

«Я думал, что это мы должны быть призраками,» пробормотал Жажко.

«Я сказал, не начинай --» резко сказал Каффран. Его слова прервал внезапный крик из гостиной. И очередь из лазгана.

«Фесы! Фесы!» выл Фейгор. В одних трусах, он сидел на мятых простынях, с винтовкой в руках. Каффран и Жажко ворвались внутрь с обнаженными клинками. Секундой позже, Рервал, Ларкин и Мюрил примчались с кухни.

Чучело бейжа лежало на спине перед Фейгором, с простреленной головой. На своих постелях, по периметру комнаты, Бростин, Гатс и Куу моргали спросонья.

«Что за фес происходит?» спросил Каффран.

«Эти фесы!» заорал Фейгор. «Я проснулся, а эта фесова вещь стоит надо мной! Ха-ха... фес как смешно, ублюдки! Кто это сюда поставил?»

«На этот раз ты точно убил это,» сказал Куу и упал на свой матрас.

«Кто это сюда поставил?» снова задал вопрос Фейгор.

Гатс помотал головой.

«Ублюдки!» крикнул Фейгор, и пнул чучело зверя.

«Кто-то принес его сюда?» спросил Каффран. Раздались «нет» и «не я». Он бросил взгляд на Жажко до того, как темнокожий солдат смог заговорить. «Не смей даже думать об этом,» предупредил он.

«Я думаю, что тут привидения,» все равно сказал Жажко.

«Отвали!»

«Ты тупой гак!»

«Я сказал, не начинай,» предостерег Каффран.

«Тогда кто все помыл, а?» спросил Жажко. Настала пауза.

«Я,» сказал Гатс. Рервал и Каффран застонали.

«Фес вас! Старые привычки не пропадают.» Гатс встал на ноги и побрел искать кружку.

«Старый хороший мойщик Гатс,» улыбнулся Ларкин.

«Я все слышал, ты фес,» раздался голос Гатса из холла.

«А чучело?» резко спросил Каффран. «Бростин? Это был кто-то с мускулами, чтобы передвинуть эту штуку.»

Бростин повернулся на своей простыне, и положил руки за голову. Поза подчеркивала огромные грудные мышцы и руки. Он уставился на Каффрана.
«Ты меня обвиняешь, Кафф?»

«Это в твоем стиле, ага.»

«Ага, хорошо... было. Весело как фес, а?» Он закрыл глаза и снова перевернулся.

«Ублюдок!» проворчал Фейгор, и кинул в него сапог.

Каффран повернулся и выпроводил Ларкина, Рервала, Мирил и Жажко.
«Оставьте их,» сказал он.

Гатс был на кухне, попивая последний сваренный кофеин.

«Спасибо, что прибрались, хотя,» сказал он. «Что?» спросил Каффран.

«Тарелки и приборы. Я вымыл их, но я не знаю, где они были, так что я оставил их в раковине.» Он посмотрел на них. «Что? Что?»

К полудню все были на ногах. Бростин, Фейгор и Күү все еще были в нижнем белье, угрюмые и с похмелья. Остальная часть девятнадцатого была в полной экипировке, убивая время.

Мирил нашла где-то коробку с регицидом, и играла партию с Ларкиным.

Рервал зашел на кухню. «Кто из вас, фесы, взял это?» спросил он.

«Взял что?» спросил Фейгор.

«Передатчик накрылся потому, что кто-то вынул основной передающий контур. У меня нет запасного. Кто его взял?»

Последовало массовое пожимание плечами и мотки головами. «Ну же.»

«Мы не технари, Рервал. Мы ни феса не понимаем в тех-снаряжении», сказал Бростин. «Я что выгляжу, как адепт Механикус?»

«Кто-то сделал это. Чистая работа. Мистер Фейгор?»

«Чего ты на меня смотришь, рядовой?»

«Может быть, вы думаете, что мы проведем тут еще пару дополнительных ночей, наслаждаясь условиями, если внезапно потеряли связь.»

Фейгор поставил кружку. «Знаешь что, Рервал? Хотел бы я додуматься до этого. На самом деле я и додумался до такого. Это хитро, это подло. Это служит моей цели. Но я планировал остаться здесь в любом случае, с воксом или без. И я ни феса не сделал с твоим любимым передатчиком.»

Он подался вперед, уставившись в лицо Рервала. «Никогда, фес тебя, больше не пытайся обвинить меня, маленький ублюдок.»

Рервал моргнул и внезапно отвел взгляд. «Извините,» сказал он.

«Извините что?» резко спросил Фейгор. Все смотрели с каменными лицами. Каффрану не нравилось то, что он видел. Фейгор был головорезом, таким же жестоким, как Горный массив Коттмарка.

«Извините, 'Мистер Фейгор'.»

«Уже лучше,» сказал Фейгор, откидываясь назад.

«Как пить дать,» прошептал Куу с задней части комнаты.

Фейгор зевнул. «Кто-нибудь хочет сказать мне об этом контуре? Пока мы подняли тему? Как я и сказал, это удовлетворяет меня, пока вокс не работает, но я бы хотел узнать, кто повредил его. Кто-нибудь?» Никто не ответил.

«Окей --» сказал Фейгор со злобной улыбкой. «Если наш преступник соблаговолит поставить его назад в передатчик нашего маленького ноющего ублюдка в течение... эм, трех дней? Было бы неплохо, и я тогда не упомяну об этом Корбеку.

Понятно?»

Солдаты чувствовали себя в дурацком положении. Гром все еще грохотал по лесу и хлестал дождь. Фейгор посмотрел на Бростина. «Иди и принеси еще вина,» сказал он.

Бростин встал и потащился прочь.

«Мы сегодня не выдвинемся?» спросил Каффран.

«Ты видишь, что я двигаюсь, Кафф? А?»

«Нет, Мистер Фейгор.»

«Ну, тогда я, вероятно, не двигаюсь.»

«Мы должны --» начала Жажко.

«Ни слова, Вергхаст. Окей?» Фейгор откинулся и поставил стул на задние ножки.

«Смотри», сказал он, немного мягче. «Ты видел погоду? Она не позволяет. Пока снаружи не станет тихо, мы останемся здесь. Мы будем сумашедшими, если попытаемся пойти туда сейчас. Ничего личного, Ларкс.»

«Все нормально,» сказал Ларкин.

«У кого-нибудь еще есть проблемы с этим? У кого-нибудь есть еще проблемы со мной, пока я командую?»

Потому что, как я помню, назначил меня Полковник Корбек.» Задняя дверь открылась, и вошел Мквеннер, вода лилась с капюшона его плаща. Он оглядел притихшее собрание.

«Я так понимаю, мы никуда не пойдем,» мрачно сказал он.

«Что-нибудь нашел?» спросил его Фейгор.

Мквеннер помотал головой. «Ничего. Периметр безопасен. В районе тихо. Хотя кто-то или что-то были в одной из наружных построек. Как будто кто-то спал там.»

«Недавно?» спросил Фейгор.

«Не могу сказать,» сказал Мквеннер.

«Тогда нам не нужно об этом беспокоиться.»

«Как скажешь,» сказал Мквеннер.

«Именно так,» сказал Фейгор.

Мквеннер выдержал паузу. «Задание требует от нас разведать эту долину,» сказал он. «И мы это сделаем,» сказал Фейгор.

«Когда?»

«Когда я буду готов,» сказал Фейгор, оглядываясь на Мквеннера. «Тебе нужно расслабиться, Вен.»

«Есть много чего, что мне нужно сделать, Мистер Фейгор. Но я не сделаю.» Фес, думал Каффран. Все могло стать по-настоящему опасным.

«Вот что я тебе скажу, Вен,» сказал Фейгор. «Если ты так хочешь понаблюдать, иди вперед. Без нас ты пойдешь быстрее. Выдвинься, погляди, что там и возвращайся. К тому времени погода может быть установится.»

«Это приказ?»

«Ага, почему нет? Сходи в дальний патруль, проверь что там, и вернись сюда. Как только шторм уляжется, мы пойдем и закончим зачистку с тобой. Думай, что тут у нас базовый лагерь. Как штаб. Мы тут будем держать вещи.»

У Мквеннера был ледяной взгляд. «Разве мы не должны сверить это со штабом в Инс Арборе?» спросил он.

«Ах, к несчастью, вокс накрылся,» сказал Фейгор с довольной улыбкой.

Мквеннер оглядел кухню. «Окей. Меня не будет день, в лучшем случае.»

«Император защищает,» сказал Фейгор.

Вернулся Бростин, держа в руках множество бутылок вина. «Эти подойдут?» спросил он.

«Эти определенно подойдут.»

Мквеннер бросил последний презрительный взгляд на Бростина, Фейгера и бутылки, и вышел.

«Вен! Вен!» выкрикивал Каффран, бежав под дождем, позади дома, за удаляющимся разведчиком.

Мквеннер остановился и подождал его. Гром громыхал на ними.

«Это не правильно,» сказал Каффран.

«Ага, но что случилось, то случилось.»

«Фейгор перегнул палку.»

Мквеннер кивнул. «Это так. Но он командует этим отрядом. И что ты собираешься сделать?»

Бунтовать?»

«Корбек поймет.»

«Да, он поймет. Но если ты или я столкнемся с Фейгоро, дело примет скверный оборот задолго до того, как вмешается Корбек. Дерьмово конечно, но лучше просто уйти.» Каффран пожал плечами. «Мы можем просто пойти с тобой.»

«Мы?»

«Я, Мюрил, Рервал... возможно, Ларкс. Определенно Жажко. Может даже Гатс.» Снова прогремел гром. «Я возьму Жажко. Пришли его.»

«И все?»

Мквеннер пригвоздил Каффрана свирепым взглядом. «Подумай вот о чем. Я был бы счастлив просидеть тут несколько дней, напившись в хлам и рассказывая старые байки. Но у нас есть работа. Есть шанс... просто шанс... что в этом лесу есть враг. И пока есть такой шанс, я собираюсь пойти и посмотреть.»

«Ага и --»

Вен приложил палец к губам, заставляя Каффрана замолчать. «В идеальной галактике мы бы все пошли. По тому пути, который нам предназначен. Но благодаря Мюртану Фейгору, это не идеальная галактика. Так что мы импровизируем. Это то, в чем мы хороши, в конце концов. Если я что-то обнаружу, Император защити меня, я бы хотел иметь огневую поддержку за спиной. А так как ее не будет, я был бы рад знать, где безопасно, хорошо

защищенный опорный пункт не так далеко, чтобы я мог добраться. Останься здесь, Кафф. Прямо здесь. Возьми Мюрил, Рервала, Ларкина – может быть даже Гатса, как ты сказал – и укрепи это место. На всякий случай.»

«Окей. Если ты так хочешь.»

«Это то, что я хочу. Не то, чего бы я желал, но это так. Боюсь, что сейчас тут командуешь ты. Удерживай дом и жди меня. Фейгор получит свое, когда мы вернемся. Я лично прослежу. А сейчас давай беспокоиться о том, чтобы сделать работу, а не фесово суетиться.» Каффран кивнул.

Мквеннер взял его руку и крепко пожал. «Я рассчитываю на тебя.»

«Дай знать, когда сможешь.»

«У этих микро-бусин небольшой радиус действия. Не больше одной-двух лиг в этом лесу.»

«В любой случае сделай это. Если будет плохо... подай сигнал 'отповедь'.» Мквеннер улыбнулся. Каффран не видел, чтобы он часто делал это.

«Окей. Пришли Жажжо. Увидимся через сутки.» Каффран стоял и смотрел, как Мквеннер удаляется сквозь дождь, пока он не пропал из вида на краю леса. Грязнул гром.

«Где Жажжо?» спросила Мюрил, заходя на кухню. Шторм усилился, и освещение было скверным. Из гостиной он мог слышать звуки смеха и пьяные голоса. «Он пошел с Веном,» сказал Каффран.

Мюрил села на подоконник. «Ох, это так типично!» злобно сказала она.
«Успокойся,» сказал Рервал.

«Выкуси, Танитец! Весь поход превратился в дерньмо,» пожаловалась она.

Послышался особенно сильный рев из гостиной. Грохот. Хохот.

«Что они делают?» спросил Каффран.

«Используют то чучело как таран,» сказал Рервал. «Я думаю, игра заключается в том, чтобы посмотреть, как долго один из них простоит на спине чучела, пока остальные носятся с ним вокруг комнаты.»

«Дети,» с раздражением произнесла Мюрил.

«Слушайте,» сказал Каффран. «Я говорил с Веном. Он думает, что нет необходимости связываться с Фейгором. Но он хочет, чтобы мы удержали это место, в случае.»

«В случае чего?» спросил Рервал.

«В случае, если он и Жажжо найдут что-то. Окей? Где Ларкин?» Рервал пожал плечами.

«Мюрил, ты недавно видела Ларкина?»

«Нет,» сказала она, поглощенная мыслями. «Какого гака Жажжо выбрали в разведчики? Какого гака это произошло?»

«Забудь,» сказал Каффран. «Нам нужно сосредоточиться. Мы будем караулить. По два часа. Пойдешь первая, Мюрил?»

«Конечно,» сказала она.

«Рервал. Осмотря периметр и начни сооружать укрытие для нас. Из всего, что найдешь.» Рервал кивнул. «А ты что будешь делать, Кафф?»

«Пойду искать Ларкина,» сказал он.

Наступила ночь. Ливень продолжал хлестать по лесу и орошать дом. В одной из хозяйственных построек, старой теплице в углу заднего двора, обращенного на север, укрылась и дрожала Мюрил, наблюдая за опушкой. Там было только темное пространство с пеньками, наполовину видимое под проливным дождем.

Рервал принес ей чашку горячего Кофеина и тарелку нарезанной соленой говядиной.

«Что сделал?» спросила его она.

«Особо было нечего использовать, но я соорудил баррикаду вдоль двора позади кухни. И забил досками несколько окон там же.»

«Где Каффран?»

«Ходит кругами,» сказал он.

Вообще-то Каффран опорожнял кастрюли. Никто не позабылся вылить воду из кастрюль и сковородок, в которые капала вода, и некоторые из них уже переполнились. Он открыл переднюю дверь, и выплескивал воду наружу.

Свет просачивался в холл из гостиной, вместе с хриплым звуком и запахом огня. Каффран мог слышать, как Бростин рассказал вульгарную историю, и Куу с Гатсом разразились громким смехом. Разбилась бутылка. Был еще один странный звук, который, как подумал Каффран, был смехом Фейгора, издававшимся из его аугментированной глотки.

Каффрана бросило в дрожь.

Он закрыл переднюю дверь. Он нигде не смог найти Ларкина.

Он посмотрел на вешалку. Дождевик исчез.

Дверь гостиной резко открылась, и оттуда вывалился Гатс. Свет, жар и смех окружали его.

«Еще вина!» воскликнул он.

«Вам еще не достаточно?» спросил Каффран.

«Не будь таким фесово злым, Кафф!» ответил Гатс. «Чего ты к нам не присоединишься. Мы тут славно проводим время.»

«Ну, я слышал.»

«Отвлекает от фесовой войны!» невнятно сказал Гатс.

«Война все еще идет,» улыбнулся Каффран.

Гатс выглядел грустным. Он захлопнул дверь, приглушая звуки гулянки. Он согнулся напротив стены холла и сполз вниз, пока не сел.

«Я знаю. Я знаю. Она никогда не кончится, не так ли? Война. Есть только война. Это единственное будущее, которое у нас есть.

Темное? Да! Мрачное? О, да, сэр! Там всегда война!»

«Не беспокойся об этом, Пайет,» убеждал Каффран.

«Да я не беспокоюсь, Кафф, совсем нет,» пробормотал Гатс. «Я просто очень устал, знаешь ли? Просто очень фесово устал от всего этого. Я измотан. С меня хватит.»

Каффран присел на корточки около пьяного солдата.

«Иди спать, Пайет. Вещи покажутся лучше утром.» Гатс попытался подняться на ноги. Каффран помог ему.

«Вещи кажутся лучше сейчас, Кафф! Это так. Я пойду еще за бутылками.» Он пошатываясь пошел к двери в погреб.

Каффран думал, чтобы попытаться остановить его, но решил этого не делать. Гатс ушел слишком далеко.

Он услышал скрип на ступеньках лестницы над ним, и быстро поднял лазган, включая фонарик под стволом.

На середине лестницы, маленькая старушка вздрогнула от внезапного, жесткого луча света. На ней был плащ с капюшоном, и с него стекала вода.

Свет Каффрана выхватил Ларкина позади нее. Он улыбался и крепко держал старушку за руку. «Эй, Кафф,» сказал он. «Смотри, кого я нашел...»

ДЕСЯТЬ

САНТРЕБАРСКАЯ МЕЛЬНИЦА

«Кровь за землю: правило торговли войны.»

- Сатакус, «Из Великих Сезаров.»

Республика проводила продолжительную газовую атаку на сектора 57 и 58 Линии Пейнфорка все утро. Сильный ветер с запада благоприятствовал их инициативе и быстро разносил газ по огневым траншеям Альянса: так быстро, на самом деле, что солдаты Альянса не успевали надеть защитные костюмы. Люди умирали в невероятном количестве. Триста сорок восемь на ближайших пяти километрах. Еще сотни были вытащены из густого желтого тумана, покрытые волдырями, кричащие и плачущие.

На газовую атаку отвечали прерывистым артобстрелом. Менее скромно артиллерия сотрясала землю немногим больше часа к северу, в секторе 59.

Газу понадобилось много времени, чтобы рассеяться, и Шадик без сомнения рассчитывал на это. За несколько минут до 15.00, значительная часть огневой траншеи 57-го сектора подверглась штурму бригадой рейдеров, которые прошли под прикрытием химического тумана. Минут двадцать пять длилась

дикая резня в слепую в 57-ом, и казалось, что существует реальная опасность того, что линия будет прорвана. Своевременное прибытие отделения Банды Сезари, так же как и роты элитных химических войск Коттмарка, склонили чашу весов в другую сторону. Затем ветер переменился, и ядовитый туман начал удаляться на восток от линии Пейфорка. Рейдеры Шадика протрубыли отступление.

Тогда, вероятно ожидая подобной возможности, Командование Альянса в секторах 57 и 58 решила наступать. Кавалерия и легкая пехота рванула вперед, чтобы догнать рейдеров и затем продолжить контратаку. Их поддерживали танки.

Танки Альянса были в основной своей массе громоздкими, примитивными, ромбовидными с тяжелыми башнями или орудиями в спонсонах. Они были урожающими, но не достигли большого успеха, ни в чем, кроме как в психологическом плане с тех пор, как их впервые применили двенадцать лет назад. Тем не менее, в этот день, пять Громовержцев Имперской Гвардии, переведенных с театра боевых действий у Гибсгатте, повели их вперед. К вечеру, Они оставили незабываемую вмятину в передовой Шадика. Это была первая демонстрация превосходства современной тяжелой брони на Айэксе Кардинал.

Ко времени, когда начали падать первые снаряды с отравой, Первый залег на вторичной линии, ожидая вечернего нападения на огневую траншею. У них было недостаточно времени подготовиться, но их обучение пользоваться противогазами все равно было великолепным. Они оставались на месте, пока не стали приходить сообщения, что сектор 57 атакован. Даур немедленно отправился увидеться с Гаунтом.

«Мы можем помочь им,» предложил он. «Мы достаточно близко для того, чтобы сделать что-нибудь хорошее.» Гаунт отверг идею. Он боролся за то, чтобы сохранить обе группы Первого на подходящих для них ролях в Альянсе, и не хотел, чтобы эта стабильность была нарушена из-за пустой бравады.

Тем не менее, помочь он тоже хотел.

«Возьми три взвода,» в конце концов уступил он Дауру. «Если командование затребует нас, мы сразу выдвинемся.»

Они ждали, в напряжении, час или около того. Когда переменился ветер, и началась контратака, Гаунт и Голке пошли на наблюдательный пункт на краю вторичной линии.

Позаимствовав магнокуляры Гаунта, Голке смотрел на неумолимое продвижение танков, его взгляд задерживался на тяжелом вооружении и плавных формах танков Гвардии. Громовержцы, выкрашенные в тусклый серо-коричневый цвет, продвигались вперед, опустив отвалы, прогрызаясь сквозь линии пикетов и шипастые баррикады колючей проволоки. Жидкая грязь разлеталась в стороны из-под гусениц.

Голке был по-настоящему впечатлен. Он немного говорил о танковых боях, которыми был очевидцем, хотя он был настолько поглощен тем, что видел сейчас, что терял нить разговора. Гаунт понял, что Голке получил ранения во время одного из таких боев, но не хотел заставлять графа вдаваться в детали. Голке упоминал «дредноуты», хотя, это слово не обозначало одно и то же для него и для Гаунта. У Айексегаринцев, слово «дредноут» обозначало любую бронированную боевую машину.

Систики прозвучали по всей системе траншей, чтобы обозначить, что все чисто. Газ улетучился с линии. Гаунт снял противогаз и вытер потное лицо. Дневной свет был хорош и ясен, сер и ярок, за исключением удаляющегося желтого дыма, который покрывал ничейную землю.

«Закат будет в 19.40,» заметил Голке. Он достал планшет. «У меня есть расписание по ночным обстрелам. Когда вы хотите выдвинуться?»

Это был законный вопрос. В этом случае он проинформирует Штаб Командования Альянса, определение времени следующего выступления Призраков ложилось на него.

Гаунт посмотрел на Айексегариенца. «Сейчас,» сказал он.

Главный полевой лазарет 58-го сектора представлял из себя огромную систему бункеров, расположенных посередине, между тыловыми и огневыми траншеями, к западу от основных орудийных ям и артиллерийских укрытий. Хорошо укрепленный под землей, с потолком из рокрита и мешками с песком, он как будто имел свой собственный зонтик, но Дорден не верил в это.

Тем не менее, оборудование было пристойным. Керт приложила много усилий, с тех пор, как они прибыли на север, чтобы обезопасить свежие припасы, прибывшие с флотилии Муниторума, и Мколл взял свой взвод, чтобы доставить припасы в целости и сохранности. Многие из Первого, включая Дордена, были очень удивлены, что Мколл не был с той частью полка, которую отправили к западу от Монторка.

«Разведчики тут тоже нужны,» сказал Мколл Дордену, когда всплыл этот вопрос. «Я не собираюсь идти в лес и ожидать, что парни, которых я тут оставил, будут делать то, чего бы ни сделал я.» В замечании мастера-разведчика был смысл, чувствовал Дорден. Что бы ни случилось в Монторке, хорошее или плохое, только плохое готовилось произойти тут. Карман готовился к боевым действиям, не смотря ни на что. Чувство самоотверженности Мколла не позволяло ему уклониться.

Когда Первый выдвинулся в сектор 58, Дорден собрал свой полевой госпиталь в Ронфорке и взял его с собой, раненых и остальных, чтобы обслуживающий персонал мог позаботиться о них и быть под рукой, когда будет новое сражение. В тот день, подвергшиеся газовой атаке заполонили распределительный пункт лазарета. Никто из них не был Призраком, но Дорден и его штат медиков не колебался. Они разошлись на помощь хирургам Альянса, промывая глаза, зашивая задницы, вымывая яды из ткани и пузырящейся плоти. Дыхательные повреждения были самыми худшими. Они мало что могли сделать для пострадавших, у которых легкие были заполнены жидкостью, пытаясь только стабилизировать их.

Дорден работал без остановки. Ему по-настоящему не хватало Фоскина и Доктора Мтэйна, которых отправили на запад с Монторкской миссией. Он хотел верить в ту помощь, которую оказывали хирурги Альянса, многие из которых были преданными своему делу, хорошими людьми, но их медицинские методы казались ужасно устаревшими. Он осторожно подмечал недостатки в оказании помощи, которые видел, и надеялся, что ему подвернется удобный случай посоветовать главному врачу сектора лучшие, менее варварские способы лечения. По меньшей мере, три солдата, которых он спас днем, умирали из-за лечения, а не от газа.

Ужасная вонь от химических ожогов и испорченной крови наполнила лазарет. Пузырящаяся, бесцветная масса собиралась в лужи на каменном

полу. Санитар включил вентиляторы на крыше и поливал из шланга дезинфицирующим средством, но от этого все равно лучше не становилось.

«Фес!» проворчал Рон. «Этот запах задушит меня насмерть!»

«Может быть, он заставит тебя замолчать?» спросила Бэнда. Он посмотрел вдоль прохода на ее кровать испепеляющим взглядом, но она только ухмыльнулась. Она была бледной, и порез над ее правым глазом был черным и со швами. Ее заштопанные легкие боролись с ужасным воздухом. Тем не менее, ей хватило дыхания подразнить его.

Роун поднялся с кровати и осторожно сел. В отделении лазарета было полно Призраков, и несколько Крассианцев, раненых в первой драке в траншее в секторе 55. Множество, как Роун, хорошо восстанавливались, но еще довольно долго они не смогут приступить к своим обязанностям. Роун размышлял, сколько еще Призраков пройдут через этот холл до того, как нынешние обитатели смогут уйти отсюда.

Дни, с тех пор как он был ранен, протекали медленно и уныло. Роун чувствовал себя одиноким и оторванным от всего, не смотря на то, что ему регулярно приносили доклады. Он хотел встать и уйти, но не потому, что он был таким исполнительным солдатом и хотел сыграть свою роль.

Он страдал от перспективы, что такой фесоголовый, как Даур, может натворить в его отсутствие.

«Что ты делаешь?» спросила Бэнда.

Он не ответил. Он взялся за спинку деревянного стула и медленно поднялся на ноги. Боль в животе, которая не ощущалась последние тридцать часов, снова начала пульсировать.

«Что ты делаешь?» посторила Бэнда. «Док Дорден вырвет тебе кишки.»

«Чувствуется так, как будто он уже это сделал,» резко сказал Роун.

Он сделал глубокий вдох, и отпустил спинку стула.

Бог-Император, это было тяжело. Чувствовалось так, как будто у него атрофировались ноги. Чувствовалось так, как будто кто-то засыпал содержимое жаровни ему в живот. Чувствовалось так, как будто кто-то вонзил острый штык ему в спину.

«Что ты делаешь?» повторила Бэнда в третий раз. Затем добавила, «Майор?» Это сработало. К Роуну не обращались по званию, казалось, целую вечность. Особенно Жесси Бэнда. Если он, впрочем, осознал это, то это было лучшей частью принудительного пребывания в палате.

Прижатые друг к другу близостью кроватей, коматозным состоянием ближайших соседей, и их общими страхами на пункте 293, они обеспечивали друг друга компанией для общения.

Это не было дружбой, Роун, конечно, ничего такого и не признавал, но они говорили, и играли в слова от скуки, и изредка шутили. После первых нескольких часов, когда их непреднамеренно поместили вместе, она перестала называть его майор, а он перестал называть ее рядовая. Они сформировали сердечные, дружеские отношения, как реакция на их ситуацию.

«Я хочу пойти глотнуть свежего воздуха,» сказал Роун, тяжело дыша.

«Чего? И оставишь меня тут? И я думала, что мы напарники.»

Очень хотелось выстрелить в нее еще одним испепеляющим взглядом. И так же очень хотелось остаться. «Просто...» сказал он. «Просто...»

«Что?» спросила Бэнда.

Он вздохнул. «Ты можешь подняться?»

«Я могу, гак.»

«Ох, феса ради...» Медленно, очень медленно, он проволочил ноги вокруг своей кровати и взялся за инвалидную коляску около следующей кровати. Ему потребовалась минута, чтобы разложить сидение, и он чуть не упал, делая это.

«Осторожно!» сказала она.

«Твоими молитвами...»

Он закрепил кресло и пошел к ее кровати, тяжело опираясь на ручки.

«Давай,» сказал он.

Она посмотрела на него. «Гак, помоги мне, тогда.»

Поставив кресло на тормоз, он взял ее за запястья, и потянул к краю кровати.

Он мог слышать хрипение в ее легких.

«Может быть нам не надо --»

«Ты начал это, Роун,» сказала она.

«На счет три. Тебе нужно мне помочь. Один, два...»

Она почти промахнулась мимо сидения. Когда это произошло, ей пришлось повернуться, как только к ней вернулось дыхание. Роун согнулся вперед, скрючившись, едва не теряя сознание от боли в животе.

«Окей?» сказала она.

«Ох, конечно...»

Он взялся за ручки коляски, снял с тормоза после пары слабых попыток, и покатил ее по проходу к выходу. Толкание коляски сильно отзывалось в его фесовой животе.

Но, по крайней мере, сейчас у него было что-то, на что он мог опереться.

Бэнда тихонько смеялась про себя. Несмотря на растущую боль в животе, Роун осознал, что тоже улыбается. Было подлинное чувство побега.

Товарищеское чувство сокамерников, держащихся вместе и прорывающихся к свободе.

И было приятное ощущение презрения к системе, которое Роун не чувствовал с тех пор, когда он был частью черного рынка Танит Аттики.

Два инвалида достигли выхода из лазарета, и выбрались в огневую траншею. Они впервые увидели солнечный свет за последнее время. Он повез Бэнду по настилу к небольшой станции, останавливаясь каждые несколько метров, чтобы передохнуть, а затем обнял ее и занес на свободный наблюдательный пункт. К тому моменту, они оба были обессилены, и повалились на мешки с песком, прислонившись спинами к брустверу.

Еще они оба давились со смеху.

Боль в животе Роуна вспыхнула на мгновение, но медленно начала пропадать, так как он больше не напрягался. Оба сделали глубокие вздохи, наслаждаясь свежим воздухом. Вообще-то он не был свежим. Были сильные

запахи грязи, пота, мешковины, фуцелина, прометиума, плесени, протухшей еды, уборных.

Но это было на несколько световых лет лучше, чем вонь от газа, пропитавшая лазарет.

«Мы должны делать это почаше,» насмешливо сказала она, явно с болью, но смакуя побег.

«Теперь я знаю, что Корбек имел в виду,» ответил он.

«Что?»

Роун посмотрел на нее. «У него был тяжелый забег, не так давно. Раненый, прикованный к постели. Он рассказывал мне, чего ему сильно не хватает, что его сильно ранит, о чем он скучает. Физическая боль от ран не так важна. Он терял свое место.»

Она кивнула.

«На самом деле я не очень понимал, что он имел в виду. Я думал, что ранение, это как отпуск. И то, что ты так беспокоишься об этом, не оставляет места для мыслей о чем-то другом. Но он был прав. Я был похоронен и забыт, и галактика вращалась без меня.» Последовала долгая пауза. Отделение Фичуанской Пехоты прошло по резервной траншее дальше от них. Где-то, приглушенно, зазвонил полевой вокс.

«Почему ты приказал мне не умирать?» спросила она.

«Что?»

«В траншее. Я слышала тебя. Я не могла ответить, но слышала тебя. Ты приказал мне не умирать.» Он задумался. «Потому что я не хочу искать нового снайпера во взвод,» сказал он.

След улыбки появился на ее губах, и она глубокомысленно кивнула. «Так я и думала,» сказала она.

Роун поднялся и посмотрел вниз над мешком с песком на резервную траншую. Солдаты приходили и уходили. Грязный, черный вездеход прогрохотал мимо, нагруженный снарядами для полевых пушек и ракетами для гранатометов.

«Что-то происходит,» прокомментировал он.

«Что?»

«Только что пробежал Белтайн и зашел в лазарет.»

«Ааа,» многозначительно произнесла Бэнда. «Ты имеешь в виду что-то неправильное...»

«Я слегка занят, Адъютант Белтайн,» подметил Дорден, пока делал еще одну попытку промыть глаза орущего, молотящего во все стороны солдата Айэкса.

«Я вижу, доктор,» сказал Белтайн.

«Так что это подождет.»

«Со всем уважением, доктор, полковник-комиссар сказал, что вы так скажете. Он сказал сказать вам, что отряд проникновения выдвигается через пятнадцать минут и --»

«И?»

«И вы должны шевелить своей фесовой задницей. Его слова.»

«Серьезно?» сказал Дорден. «Я думал, что он не выступит до ночи.» Белтайн сказал что-то, что частично потонуло в пронзительном крике человека, лежащего на каталке.

«Я сказал... смена плана, доктор. У нас есть прикрытие днем. Газ, видите? И целая пачка отвлекающих факторов. Продолжается контратака. Везде танки.»

«Я просто не могу тут все бросить, Белтайн,» сказал Дорден. Он пообещал Гаунту, что пойдет со следующим патрулем, в надежде, что они найдут кого-нибудь из взвода Раглона, но он не рассчитывал, что лазарет будет забит обожженных химией людей.

«Иди, Толин. Я справлюсь,» сказала Керт, появляясь из ниоткуда, ее фартук был заляпан желчью и пузырями.

«Ты уверена, Ана?»

«Да. Просто иди.» Она начала пытаться справиться с орущим солдатом.

«Держите его!» прорычала она санитарам-носильщикам, стоящим рядом. Они подскочили помочь.

Дорден сорвал свои грязные перчатки и кинул их в мусорное ведро. Он взял чистый фартук с вешалки и стал наполнять медицинский саквояж припасами с полки.

«У нас мало времени,» подгонял Белтайн.

«Тогда будь хорошим парнем и забери мою куртку и камуфляжный плащ в комнаты рядом. Они на гвоздике.»

Дорден закрыл свой саквояж на кнопку и повесил на плечо. «Внимание!» крикнул он сквозь суматоху. «Хирург Керт сейчас тут главная. Никаких отговорок, никаких исключений. Все через нее.»

Белтайн вернулся, и помог Дордену облачиться в черное. Полевая куртка первой помощи.

«Удачи!» крикнула Керт.

«Оставь ее,» ответил он. «Тебе она больше понадобиться.»

Надевая свой плащ, Дорден спешил по рампе к выходу из лазарета позади Белтайна.

«Ты говоришь, что он решил пойти днем?» спросил он.

«Да, Доктор. Я слышал, как он говорил Графу Голке, что незаметность работает даже когда не тихо. Он хочет использовать шум, газ и суматоху, чтобы вернуться туда, где были команды прошлой ночью.»

«Ясно. Нам нужно вернуться. Я отставил свой противогаз.» Белтайн повернулся и подмигнул. «Я его тоже взял,» сказал он.

«Ты думаешь обо всем,» усмехнулся Дорден.

«Это моя работа,» сказал Белтайн, без намека на иронию.

Они выбежали из резервной траншеи и поспешили вдоль первой коммуникационной на восток.

Дорден внезапно остановился и посмотрел назад. Белтайн затормозил, скользя сапогами по настилу.

«Какого феса вы тут делаете?» Крикнул Дорден в сторону ближайшего наблюдательного поста.

«Нам уже лучше!» Прокричал Роун в ответ. «Доброй охоты, доктор!»

«Только... Только примите лекарства!» Крикнул Дорден с чувством разочарования, и последовал за Белтайном по траншею.

Роун сел назад и достал флягу из кармашка. Он открыл ее и предложил Бэнде. «Что это?» спросила она.

«Сакра. Лучшая. Самая последняя из легендарного варева Брагга.»

«Даже не знаю, должна ли я,» сказала она.

«Ты слышала нашего многоуважаемого медика,» сказал Роун. «Примите лекарство.» Смеясь так сильно, как только позволяли им раны, они выпили за здоровье друг друга.

Лазутчики отправились в мертвые земли Кармана за минуту до пяти часов дня. Четыре отряда – Крийд, Домора, Мколла и Аркуды – вместе с командной группой, состоящей из Гаунта, Дордена, Цвейла, Белтайна, Графа Голке и четырех элитных солдат из Банды Сезари.

В противогазах, они зашли во влажную дымку плывущего газа, который окутал местность табачно-желтым пятном. Видимость упала до двадцати метров, хотя, в общем, освещение было хорошим. Мягкий дневной свет купал их в отравленных облаках, белые и плоских.

Разведчик Хвлан, из взвода Крийд, шел впереди, вместе с Мколлом и «Счастливчиком» Бониним из банды Домора. Хвлан нашел мельницу предыдущей ночью, и они доверились его инстинктам.

Для Хвлана, опытного разведчика, который много лет был охотником в наловых лесах Танита в прошлом, это было странным опытом. Многие говорили, что Танитцы никогда не теряются, и заявляли, что у них безошибочное чувство направления. Постоянно передвигающиеся деревья Танита вбили это в них.

В любом случае, это была теория.

Химическая атака изменила землю, иссушив землю так, что она начала трескаться.

Под поверхностью было влажно и мягко, и солдатские сапоги ломали поверхностный слой, по мере продвижения, выдавливая жидкую грязь и желтую кашицу.

Смутные приметы из предыдущей ночи – сломанное дерево, заграждение колючей проволоки, остов танка – отвердели и стали постоянными, хотя и изменились от воздействия газа. Карман стал мертвым местом с мумифицированными вещами, засушенными, расплавленными, химически измененными.

Они достигли заграждение колючей проволоки, которая разрушилась от ржавчины, когда они к ней прикоснулись. Жидкие химикаты, стекшие в некоторые воронки, пылали.

И тут было так много трупов. Дорден был шокирован. Свежие трупы, висящие на проволоке или лежащие на земле, выглядели так, словно кричали, как будто были еще живы. Другие, старые, согнутые и сплющенные в таких позах, какие могут иметь только мертвые. Третьи, еще старее, бледные и сухие, с костями наружу.

Еще было ужасно тихо. Ветра не было, и облака газа приглушали все звуки. Яркая, сухая пустыня войны, смертельная, если дотронуться или вдохнуть.

Гаунт приставил Майло и Нена из взвода Домора к Цвейлу. Старый аятани был новичком в использовании костюма химической защиты, и ему было очень неудобно в маске и толстых перчатках. Он подбирал полы своего длинного плаща, так чтобы они не тащились по слякоти, обнажая неуместную, позаимствованную пару тяжелых Айексегариенских армейских сапог. Гаунт мог слышать бормотание по воксу. Цвейл тихо возносил молитву защиты. Гаунт просигналил Майло, чтобы тот показал священнику, как выключить микро-бусину.

«Я признателен за ваши благословения, отец,» сказал он, «но сейчас будет лучше, если вы оставите их под своей маской. Нам нужна тишина в эфире.»

Растрескавшийся ландшафт изгибался вдоль гребня, где грязь покрывала мозаику из костей, людей и хиппинов. Иногда они видели ржавчину на клапане противогаза, пряжку седла, погнутое дуло карабина. На дальнем конце гребня, поверхность шла под уклоном и превращалась в водоем, где омерзительно светился полумесяц солоноватой воды. Старые пикеты

простирались вниз по гряде и исчезали в озере. Вдоль восточного берега, грязь сморщилась в странные пятна, которые напоминали Гаунту розы. Осколки пепельного стекла лежали на каждом лепестке. Он решил, что это отметины от газовых баллонов с предыдущей атаки.

Грязь затвердела и стала морщинистой от интенсивной утечки токсинов.

Солдат Альянса стоял на дальнем конце озера, без головы. Его гниющее тело торчало на металлическом столбе, на который он упал.

Трио разведчиков провело их вокруг озера и его нижнюю губу. Они вошли на плоскую местность, покрытую воронками, некоторые из которых были достаточно большими, чтобы поглотить человека, другие были размером с кулак. Воронки перекрывали друг друга, маленькие внутри больших, большие пересекались с еще более крупными.

Рисунок был плотным и неслучайным, и казался сюрреалистичным. К северу от них, на горке грязи, лежал обгоревший каркас танка Шадика.

Мколл показал, что им нужно немного отклониться на юг, но Голке сверился со своей картой и взразил. Ряд скрещенной древесины навел его на мысль о крае заминированной зоны. Конечно старые мины, но было бы тупо рисковать, и у них не было оборудования, чтобы расчистить себе путь. Так как приказ был выдвинуться налегке, таким экспертам, как Домор, пришлось оставить свое оборудование на передовой.

Вместо этого они пошли на северо-восток, следя по укатанному гребню, медленно продвигаясь сквозь темную полосу воды и нефти. Слева от них заполненные водой ямы были полностью забиты телами, как если бы все мертвые вдруг решили собраться в одном месте. Цвейл осознал, что рад быть в маске.

Когда они выдвинулись, то могли расслышать рев контатаки перед собой, и немного к югу. Сейчас они слышали более глубокий рокот канонады. Запертые в наполненном газом воздухе, они ничего не видели, но Гаунт был уверен, что открыли огонь сверхтяжелые осадные орудия Шадика по Линии Пейнфорка в ответ на атаку.

«Мы как-нибудь можем определить источник?» спросил Гаунт Мколла, ни на что не надеясь. Мколл дернулся под капюшоном.

«Не совсем,» ответил он. Он подумал над этим и прислушался к глухим звукам. «Думаю, что в той стороне,» отметил он. «Но это не определенно.»

Гаунт повернулся к Хвлану. «Как далеко эта мельница?»

«Еще полкилометра. Мы приближаемся слегка с другой стороны, чем прошлой ночью. Там была речушка, с забором рядом с ней, а потом мельница в широкой лощине.»

«Больше похоже на три четверти от километра,» сказал Голке по связи, стирая пятна грязи со своей схемы под пластиком. «И еще немного на юг.» Гаунт взглянул на Хвлана. Сквозь линзы своего защитного костюма он мог видеть, как Хвлан слегка помотал головой.

«При всем уважении, сэр,» сказал Гаунт Голке, «я доверюсь своему разведчику.» Голке не выглядел сконфуженным. Он довольно быстро пришел в восхищение от навыков Первого.

Они пошли дальше. Менее чем через пятнадцать минут они увидели силуэт разрушенной мельницы с юго-востока, всего лишь очертания в тумане из газа.

Хвлан пошел туда.

Мельница казалась тихой и пустой. Возможно, Шадик был не в состоянии обезопасить ее с прошлой ночи. Не было никаких изменений.

Призраки слегка продвинулись. Гаунт распределил взвод Крийд полукругом справа от себя, взводы Мколла и Домора более широким слева, взвод Аркуды был позади, готовый придти на помощь.

Отряд продвинулсся внутрь на пятьдесят метров в разрушенную мельницу.

«Стоять,» просигналил Гаунт. Прижавшись к земле, скрытые плащами, Призраки водили оружием, изучая руины в поисках движения. Гаунт жестом указал на Мколла.

Мастер-разведчик начал скользить вперед, укрытый своим плащом. Голке показалось, что он просто исчез.

Бонин и Хвлан быстро последовали за Мколлом, вместе с Офлином, разведчиком из взвода Аркуды.

Через десять секунд Мколл воксировал. «Чисто. Мы у наружней стены. Две скрещенные упавшие рокритовые балки в виде V. Видите их?»

Гаунт подтвердил. Голке пытался увидеть их. Даже когда он их нашел, он смог увидеть Танитцев.

«Выдвиньте штурмовой отряд,» передал Мколл.

Отряд пошел вперед, и Гаунт выдвинулся с ними. Шестеро: Домор, Люхан, Врил и Хареон, с Дреммондом и Луббой с огнеметами. Гаунт оставил командование огневой поддержкой Крийд.

Они подошли к позиции Мколла. Разведчики были готовы идти дальше. Дреммонд и Лубба приготовили свои огнеметы. «На счет три --» сказал Гаунт.

«Стоп!» воксировал Бонин. «Движение. Сверху. Слева. Балки у дальнего окна.» Еще до того, как Гаунт успел посмотреть, выстрел снаружи мельницы просвистел на их головами, вторя другому, который разнес шпалу, за которой прятался Люхан.

«Стоп!» крикнул Гаунт, прямо перед тем, как его люди начали поливать огнем в ответ южную стену мельницы.

Выстрелы были из лазгана.

Гаунт порегулировал микро-бусину. «Первый, кто там?» Пауза. Слабая статика по связи. «Первый,» повторил Гаунт. «Назовите себя.»

«Два-ноль-три, первому,» пришел ответ. Это был Раглон.

ОДИННАДЦАТЬ

ПОСЛУШНЫЙ ДОЛГУ

«Күү фесов манъяк, Ларкс...»

- Рядовой Брагг (погиб), на Фантине

Она не могла говорить. Она даже не могла снять свой дождевик. Она позволила Ларкину и Каффрану провести себя в темную кухню и усадить на один из стульев за столом.

Она вздрогнула, когда Рервал внезапно зашел снаружи. Он сконфужено посмотрел на старушку.

«Она пряталась наверху,» сказал ему Ларкин. «Я... патрулировал, услышал шум и нашел ее. Она наш призрак.»

Каффран налил горячий кофеин из кастрюли и поставил напротив нее.

«Выпейте,» сказал он. «Вы выглядите голодной. И замерзшей.»

Она медленно взглянула на Каффрана, ее старые глаза не моргали. Что-то было в ее взгляде, что наводило на мысль, что она его не видела на самом деле.

«Выпейте, мэм,» ободряюще снова сказал Каффран. Она не стала. Она уставилась на свет в печи.

«Что значит, она наш призрак?» спросил Рервал Ларкина.

«Движущиеся вещи, ты в курсе. Исчезающие тарелки. Она все это время была тут, скрываясь от нас.»

«Откуда ты знаешь?» Ларкин пожал плечами.

«Эй, ты думаешь, что она вытащила контур из моего вокса?» внезапно сказал Рервал. «Ты что-то сделала с моим вокс-передатчиком, мать?» спросил он.

Резкий голос заставил ее опять вздрогнуть.

Ларкин взял Рервала за руки и оттащил в стороне. «Будь помягче, парень. Она и так напугана. Я обещал, что мы не причиним ей вред.»

«Конечно, мы не причиним ей вред,» сказал Каффран. «Мы этого не сделаем, мэм.»

«К тому же,» добавил Ларкин, «я не вижу, как старая женщина, как эта, смогла бы мастерски вывести из строя снаряжение Гвардии. Разбить его, может быть. Вынуть основной передающий контур? Я так не думаю.»

«Да кто она фес такая?» прошептал Рервал. «Если не брать во внимание, что она наш призрак. Ты думаешь, что она пришла сюда, чтобы укрыться?»

«Мне так не кажется,» сказал Ларкин. «Так как она заботиться об этом месте. Чистые вещи, ее плащ. Я думаю, что этот дом принадлежит ей. Это ее дом.»

«Но вся эта местность была эвакуирована годы назад,» сказал Рервал. «Это то, что нам сказал полковник.

Почему она все еще здесь?»

«Иногда люди не хотят уходить,» сказал Ларкин. «Старая, привыкшая ко всему, привязанная воспоминаниями к этому месту. Может быть, она не захотела уходить.»

«Тогда она должна была быть тут долго. Годы.»

«Ожидая, когда придут захватчики. Надеясь, что они не придут,» пророптал Ларкин.

Каффран посмотрел на дряхлую старушку. Она все еще сидела без движения, спокойно. Ее волосы были седыми, почти белыми, закрепленные позади головы маленькими металлическими зажимами. На ней была чистая одежда, но старая и выцвевшая, а на ногах кожаная обувь с пряжками в виде перьев. Единственные реакции, которые она показывала, было вздрагивание и оглядывание вокруг, когда громкий шум доносился из гостиной. Звук битого стекла. Глухие удары. Взрывной хохот Бростина.

Мы захватчики, подумал он, захватчики ее дома.

«Почему ее плащ мокрый?» внезапно спросил он. «Почему?»

«Если она пряталась от нас тут, почему она вышла наружу? В дождь? И если она пряталась, зачем вешать плащ там, где мы его можем увидеть?»

Ларкин нахмурился. «Я не знаю. Может быть нам стоит оглядеться, когда станет светло.

В наружней постойке. Вен упомянул. Он сказал, что думал, что кто-то спал там.»

«Кто-то еще?» спросил Каффран.

«Может быть.»

«Может расскажем о ней Фейгору?» спросил Рервал.

«Фес нет! Не этой ночью. Только не том состоянии, в котором он. Ты хочешь напугать ее еще больше?» Рервал обдумал слова Каффрана. «Нет,» сказал он. «Тут должно быть что-то, чтобы прояснить, кто она такая.

Я осмотрюсь.»

«Окей,» сказал Каффран. «Останься с ней, Ларкс. Я пойду, расскажу Мюрил о ней и посоветую посматривать насчет других гостей.»

Первала и Каффрана не было уже минут десять, и Ларкин просто сидел на кухне со старушкой, слушая дождь и потрескивание печки. Опять поднялся ветер, и гром грохотал ближе.

Внезапно Кью появился в дверях кухни. Старушка вздрогнула, и Ларкин резко посмотрел вверх.

«Эй, Танитец. Кто твоя подружка?» сказал Кью. Его глаза были прикрыты и он слегка покачивался.

«Иди напивайся дальше, Кью,» мягко сказал Ларкин.

«Мы проголодались. Я пришел за едой. Где ты достал эту старую ведьму?»

«Она пряталась,» сказал Ларкин.

«Пряталась? В доме? Гак. Что она рассказала о себе?»

«Ничего. Просто уходи.»

Он хлопнул по руке Ларкина, глядя на старушку. Он наклонился, злобно глядя ей в лицо. Она отодвинулась, избегая его взгляда.

«Прекрати,» сказал Ларкин.

«Кто ты, ведьма? А? Говори, а то я тебя ни на гак не могу услышать? Где ты, гак тебя, пряталась?»

«А?» Она отстранилась так далеко, как позволял стул. «Отвали, Кью,» предупредил Ларкин.

«Заткнись, Танитец. Давай, старая ведьма! Кто ты?» Кью подошел и взял ее за худое плечо. Она с трудом дышала от страха. «Кто ты, черт возьми?» Ларкин подался вперед и крепко схватил Кью за запястье. Он дернул руку Кью назад, отрывая ее от плеча старушки, медленно поднимая ее и отталкивая пьяного Вергхастца назад.

«Отвали нахер,» резко сказал Кью, его внимание полностью переключилось на Ларкина. Он нетвердно стоял на ногах, выпивка притупила его реакцию, но он быстро рванул вперед. Ларкин не поддался.

«Убери от меня руки, Танитец,» прорычал Куу. «Как только ты оставишь ее одну.»

«Оооо, вот оно что. Ты сделаешь это сейчас, как пить дать.»

Опьянение выдало его удар. Ларкин с легкостью увернулся, и швырнул Куу через кухню. Тот тяжело приземлился на буфет и несколько тарелок и кастрюль полетели на пол, разбившись.

«Кусок деръма,» сказал Куу, инстинктивно потянувшись за клинком. Но его снаряжение осталось в гостиной. В тот же самый момент, как он понял, что ножа при нем нет, Ларкин провел левый хук, который бросил Куу на пол. Куу лежал, постанывая, кровавая слюна стекала на красную плитку.

Ларкин замер на мгновение. Он мог сделать это сейчас. У него даже было алиби. Он мог сделать это фес, как хорошо. Но старушка уставилась на него. Она держалась руками за голову, защищаясь, хотя все еще сидела на стуле. Он мог видеть блеск в ее глазах между кривых пальцев.

«Фес, все нормально!» сказал Ларкин. «Он не навредит вам. Я клянусь, что не навредит!» Он пошел к ней и наклонился, пытаясь успокоить ее.

«Пожалуйста, все в порядке. На самом деле. Я --»

Он отключился. Был тупой звук, как будто приглушенный гром, и он отключился.

Он очнулся, лежа лицом на столе. Затылок очень сильно болел. Перед глазами все плыло.

Он попытался подняться, но потерял равновесие и упал на пол рядом со столом.

Падение спасло его. Куу занес металлическую сковороду для второго удара, и ударил по столу в то место, где только что лежал Ларкин. Сковорода разнесла кружку, и во все стороны по полированному дереву брызнули осколки фарфора и теплого кофеина.

Ларкин пытался отползти от Куу, но Вергхастец шел за ним, снова занося сковороду. Он попал Ларкину по плечу. Ларкин пнул Куу по ногам.

Куу нагнулся и схватил Ларкина за горло. Истекая слюной сквозь сжатые зубы и рыча, Куу оттащил Ларкина и бросил его на боковую стойку. Он прижал

Ларкина предплечьем, и снова ударил сковородкой. Ларкин взвизгнул, когда почувствовал, как сломалось ребро. Еще один дикий удар и поль запылала в его левом локте. Но если бы он не поднял руку, тяжелая сковорода разнесла бы ему лицо.

«Ты Танитский гак! Маленькое деръмо! Тупой ублюдок!» Күү унижал его и пыхтел, как яростный берсерк.

Внезапно, Күү заорал и отпустил Ларкина, выровнив сковороду.

Металлический приклад лазгана Марк III ударили его прямо между ног сзади.

Күү упал на пол, задыхаясь и дергаясь, слезы текли по его перекошенному лицу. Он лежал в позе эмбриона, держась за пах.

Мюрил развернула свой лазган и приставила духо к виску Күү, дождевая вода капала с ее плаща.

«Если что-нибудь еще выкинешь, Күү, что-нибудь, я использую этот конец лазгана.»

«Что за фес происходит?» требовательно сказал Каффран, снимая капюшон и входя на кухню позади Мюрил. Старушка внезапно рванула к открытой двери, но Каффран мягко перехватил ее и усадил назад. Она не сопротивлялась.

Мюрил помогла Ларкину подняться. Его тряслось. Одна щека опухла и стала синей, кровь текла у него из носа. Затылок оставил больше крови на стойке.

Мюрил взяла стул и помогла Ларкину сесть.

«Күү... Күү собирался навредить ей --» заикаясь, проговорил Ларкин.

Мюрил оглянулась на Каффрана. «Маленький ублюдок почти забил Ларкина до смерти. Если бы мы не вернулись...»

Каффран посмотрел вниз на Күү, который все еще лежал скрутившись и стонал. Каждые несколько вдохов его рвало, и вокруг головы расширялась лужа жидкотягучей блевотины.

«Фес,» проворчал Каффран. Он нагнулся, чтобы поднять Күү, когда Фейгор и Бростин ввалились на кухню. Они были очень пьяны, определенно даже сильнее, чем был Күү. Фейгор не мог нормально идти. Они остановились и заморгали, пытаясь понять, что за сцена разыгралась перед ними.

«Где фесова жратва, Лайжа?» произнес Фейгор.

«Тебе нужна еда?» спросил Каффран. «Я принесу. Идите назад в гостиную, и я принесу.»

Голова Фейгера качалась вперед и назад, как будто шея была резиновая, он нахмурился и сделал несколько указующих жестов.

«Какого феса?» рявкнул он, его аугметика издавала грубые и неотчетливые звуки, пытаясь воспроизвести его пьяный голос. Он посмотрел на старую женщину и попытался сфокусироваться на ней. «Кто, фес, это такая?»

«Вполне вероятно, что мы тут гости, так что покажи немного уважения,» Сказал Каффран. «Она старая, и она напугана.»

Фейгор фыркнул. «Что с Ларксом? И почему Күу на полу?»

«Күу угрожал старой леди,» сказала Мюрил. «Ларкс рытался остановить его, и тот схватился за сковородку.»

«Нам пришлось его успокоить,» добавил Каффран, надеясь слегка снять гнев с Мюрил, если будет необходимо.

«Күу навредил старой леди?» вспыхнул Бростин. Казалось, что эта мысль задела его.

«Он пьян,» сказала Мюрил.

«Это его не извиняет,» сказал Бростин с большой уверенностью.

«Кто, фес, она такая?» Фейгор хотел знать. Он сделал шаг вперед, приближаясь к ней.

Каффран выступил и осторожно преградил дорогу Фейгору.

«Она владелица этого дома,» сказал он. Он не был в этом уверен, но это определенно могло повлиять на затуманенный разум Фейгера.

«Откуда она пришла?»

«Она была тут все это время. Пряталась.»

«Фесов шпион!» сказал Фейгор, хлопнув руками. Старушка подпрыгнула.

«Нет, сэр.»

«Я, фес, так говорю. Крадется и прячется.»

«Она была напугана нами. Она что выглядит как агент Шадика?»

«Фес, если я знаю!» сказал Фейгор. Он встал прямо и покачал пальцем.

«Заприте ее где-нибудь. Заприте ее. Я допрошу ее утром.»

«Мы не можем запереть ее,» начала Мюрил.

«Фес, заприте ее!» прошипел Фейгор. «Кто тут командует, сука?» Хороший вопрос, подумал Каффран.

Бростин дернул Фейгора за руку. «Ты не можешь запереть ее, Мюорт. Это будет неправильно. Только не старую леди.»

«Окей, что тогда?»

«Я присмотрю за ней. Я останусь с ней,» сказал Каффран. «Ты поговоришь с ней завтра.»

«Хорошо,» удовлетворенно сказал Фейгор. Он развернулся, шатаясь, и пошел в кладовую.

Они слышали, как разбиваются банки, пока Фейгор набирал еду.

Бростин постоял минуту, и затем пошел за Фейгоро.

«Фес,» прошептал Каффран. Он посмотрел на Мюрил, которая покачала головой. Каффран нагнулся и потащил Кью к двери. Он выбросил кашляющего Вергхастца под дождь.

«Протрезвей, маленькая свинья!» прорычал он ему в след. Кью лежал во дворе, скуля, как собака под дождем.

Когда Каффран вернулся на кухню, он увидел, как старушка осторожно собирала вещи, которые разбросали прошлой ночью. Сковородки вернулись обратно в буфет. Осколки фарфора были собраны один за другим.

«Она только что начала делать это,» сказала Мюрил, обрабатывая антисептиком из своего полевого набора затылок Ларкина.

Каффран смотрел. Старая леди бросила разбитые чашки с мусорное ведро, и затем осколки, которые она не смогла подобрать, собрала веником и

совком. Она взяла сковородку, которой Күү бил Ларкина, и повесила ее на крючок над печкой. Затем она пошла в прачечную и вернулась со шваброй.

Каффран подошел, и взял у нее шфабру. Она отдала ее без сопротивления. «Давайте я сделаю,» сказал он, и начал убирать блевотину Күү с плиток.

Он не хотел смотреть, как она бы это делала.

Было уже далеко за полночь. Гроза вернулась и грохотала с силой, даже большей, чем прошлой ночью. Не было никаких призраков каких-то личных вещей на старой мебели. Шкафы по-большей части были пусты, за исключением нескольких ароматических шариков внутри. Во всех комнатах наверху было сыро из-за протекающей крыши . Струйки воды лились вниз. В воздухе пахло плесенью и гниющим бельем.

Он поводил фонариком по стенам комнат. Там было несколько картин, но на стенах луч света выхватил только бледные прямоугольники там, где когда-то висели картины. В одной из комнат на покрывале лежали бронзовые часы. Они остановились на половине пятого. Позолоченное украшение в виде двух солдат в шляпах с плюмажами, стоявших по обе стороны и поддерживающих часы руками, было на лицевой части.

Он нашел бельевой шкаф, где лежала груда старых, но в основном сухих, простыней. Еще там были несколько предметов снаряжения и несколько магазинов с «горячим выстрелом», сложенные в угол. Несомненно, Ларкин тут обустроил себе логово.

Первал оставил все на местах.

Он увидел люк на чердак, и взял стул. Забравшись туда, он посветил фонариком вокруг.

Чердак был весь в воде. Большое количество черепицы отсутствовало. Луч выхватывал черные балки перекрытия, струйки воды и массу гниющего барахла. Он решил не тратить тут свое время.

Он вернулся обратно к лестнице. Как она прожила тут так долго? Повредилась ли она умом от одиночества? Почему она ничего не говорила?

Он спустился по лестнице, избегая наполненные кастрюли. Сверкнула молния.

Свет от лампы сиял через полуоткрытую дверь гостиной, и он мог слышать голоса и звон стаканов.

Тусклый свет виднелся под дверью столовой.

Рервал выключил фонарик и достал лазпистолет. Он взялся за ручку двери и осторожно открыл ее.

Единственная свеча угасала посередине обеденного стола, пламя отражалось в темной, полированной поверхности.

Пайет Гатс сидел посередине, держась руками за голову. Рядом с ним стояла наполовину пустая бутылка красного вина, и несколько клочков бумаги валялись на поверхности стола.

«Гатс?»

Гатс поднял взгляд. Он был пьян, но это полностью не объясняло, почему его глаза были красными. «С тобой все в порядке, Пайет?»

Гатс пожал плечами. «Неважно, куда ты идешь,» сказал он, «это всегда найдет тебя.»

«Что найдет?»

«Война. Ты думаешь, что ты так далеко от нее, что она тебя не затронет, но она всегда тебя находит.» Рервал сел рядом с ним. «Война – это наша жизнь. Первый и Единственный.» Гатс горько улыбнулся. «Я устал,» сказал он.

«Иди поспи. Мы --»

«Нет, не в этом смысле. Устал. Устал от всего этого. Когда нас отправили сюда --»

«На Айэкс Кардинал?»

«Нет, Рервал. В лес. Это задание. Когда нас послали сюда, я был благодарен. Мы бы на несколько дней оставили бы войну позади. Выбраться из ее объятий. И когда Вен и Жажко нашли это место... фес, оноказалось маленьkim раem. Маленький рай, всего лишь на день или два. Я не жадный.»

«Конечно.»

Гатс постучал пальцами по столу и сделал большой глоток вина. Он предложил бутылку Рервалу, и Рервал немного выпил.

«Все хорошо издалека,» сказал Гатс. «Я имею в виду, если заглянуть в достаточно далекое прошлое, то все становиться неважным.»

«Думаю так,» сказал Рервал, возвращая бутылку Гатсу.

«Я был так далеко, когда умерла Финра. И маленькая Фуна тоже.»

«Финра? Твоя жена.»

«Нет,» тихо засмеялся Гатс. «Моя дочь. Моя жена умерла восемьнадцать... нет, девятнадцать лет назад. Я сам вырастил Финру, знаешь ли? Думаю, что сделал хорошее дело. Она была прекрасной девушкой. И Фуна. Маленькое чудо, моя первая внучка.»

Рервал колебался. Он не знал, что и сказать. Это было иронично, думал он. Я связист, вокс-офицер. Моя специализация – общение. Но у меня нет вообще никакой идеи, что сказать этому человеку.

«Хотел бы я, чтобы у меня была их фотография,» сказал Гатс. «Тогда времени не было, когда я записался. Это было в последнюю минуту. Мы договорились, что они пришлет несколько через Муниторум. Она обещала мне прислать посылку.

Письма.»

«Они не страдали, Пайет,» сказал Рервал.

«Нет, я знаю это. Всего лишь маленькая вспышка, и Танит мертв. Бабах, спокойной ночи. Как я и сказал, ничто не имеет значение, если ты достаточно далеко. Ты знаешь эту песню? 'Далеко, в горах'? Брин Майло играет ее иногда.»

«Я знаю.»

Пламя свечи задрожало и почти исчезло. Затем оно снова загорелось, и стекла струйка воска. Снаружи прогрохотал гром поверх шума дождя.

«Я всегда думал,» сказал Гатс, «что она получит единственное письмо. Моя дочь, я имею в виду.

Единственное, которое придет в конверте из тонкого пергамента. Единственное, в котором будет написано bla-bla-bla, с сожалением сообщаем, что ваш отец, и все такое прочее.»

«Это письмо,» кивнул Рервал, делая еще глоток из бутылки.

«Оказывается, все произошло наоборот. За исключением того, что я не получил никакого письма. Просто издалека увидел маленькую вспышку.»

«Тебе надо поспать,» сказал Рервал. «Я знаю. Я знаю, Рервал.»

«Тогда пошли.»

«Далеко. Вот что за место тут. Так я думал. Шанс наконец-то быть далеко, всего лишь на несколько дней. Но не важно, куда ты пойдешь. Это все равно тебя найдет.» Он нащупал старые бумаги перед ним и толкнул их к Рервалу. Письмо, серое от старости, и конверт от него. Письмо было украшено крестом Альянса Айэкса.

Рервал прочитал его. «Фес, где ты его нашел?»

«На полке в холле. Оно было там, когда мы пришли. Я не обращал внимания на него раньше.» Дата на письме сказала Рервалу, что оно было послано семнадцать лет назад. Он начал: «Дорогая Мадам Придны, от имени Генерального Штаба Командования Альянса Айэкса, я с прискорбием информирую вас о том, что ваш сын, Масим Придны, капрал, был объявлен пропавшим без вести во время боев у Лонкорта, ранее на этой неделе...»

«Дождь кончился,» сказала Мирил. Прерассветное сияние лилось сквозь окна кухни.

Старушка спала, свернувшись на лавочке. Ларкин сидел, упервшись в стол, покачивая стаканом сакры. Синяки на его лице были почти черными, и Мирил беспокоилась о ране на его затылке.

Все остальные давно спали, за исключением Каффрана и Рервала, которые стояли на страже.

Мирил встала и открыла печку. Она закинула туда несколько бревен, и пошурудила кочергой.

«Ты в порядке?» спросила она.

«Ага,» сказал Ларкин. Он все еще изучал письмо, которое показал ему Рервал. «Бедная старая девочка, ждала все это время... семнадцать лет... ждала сына...»

«Ты полагаешь, поэтому она отсюда не ушла?»

«Ага, именно так. Ждет дома сына, который скорее всего никогда больше не вернется.»

«Бедная женщина,» сказала Мюрил, глядя на спящую фигуру.

Она села напротив Ларкина.

«Расскажи мне о Кью.»

«Кью?»

«Лайжа гаков Кью. Он почти убил тебя, Ларкс. И не из-за старой леди, не так ли?»

«Он был пьян. Он причинял ей боль.»

«Однако... есть еще что-то, не так ли?»

Ларкин пожал плечами. Жест отозвался болью. Мюрил хотела, чтобы рядом был Дорден, или Керт, или, хотя бы, санитар, который осмотрел бы ребра и локоть Ларкина.

И его голову.

«Не понимаю, о чем ты,» сказал он.

«Что я имею в виду,» сказал она, «так это то, что между тобой и Кью что-то есть. Все об этом знают. Не знаю когда и почему это началось, у тебя есть вещь.»

«Вещь?»

«Вражда.»

«Может быть.»

«Гака ради. Ларкс! Я могу помочь тебе!»

«Помочь мне? Нет, Мюрил, ты не хочешь помогать мне. Никто не захочет влезть в то, что я делаю.»

«Что ты делаешь? Я имею в виду, какого гака ты добровольно вступил в этот отряд, если знал, что тут будет Кью?»

Ларкин улыбнулся. Он сделал глоток. Мюрил могла видеть, как кровь расползается по чистому ликеру, когда он оторвал стакан ото рта.

«Я имею в виду... у вас обоих самая знаменитая вражда, о которой все знают. Он терроризирует тебя. И вот ты тут, записываешься в отряд, в котором он тоже будет, как ты знаешь. Обычно ты держишься от него на расстоянии, но сейчас это похоже на то, что ты хочешь быть ближе к нему, ты хочешь... ох гак!»

«Теперь ты тоже в этом,» улыбнулся Ларкин.

Мюрил побледнела. «Что, гак, ты планируешь?»

«Ничего, о чем тебе стоит знать. Забудь.»

«Не забуду, Хлэйн! Что это?»

«Расплата,» сказал он.

«Расплата? За что?»

«Не важно. Я должен пойти сменить Каффа.» Он прикончил выпивку и встал. «С твоей головой? Ты уверен?»

Он сел обратно, моргая, и осторожно пощупал затылок пальцами. «Может и нет.»

«Тогда расскажи мне о расплате.»

«Ты не поймешь.»

«А ты попробуй.»

Ларкин улыбнулся. «Ты хорошая девочка, Мюрил.»

«Так все говорят. Не менять тему. Расплата.»

«Ну что я тебе могу сказать? Что, если я скажу, что хочу отомстить за то, что Кью преследовал меня со дня нашей первой встречи? Этого хватит? Он сделал мою жизнь невыносимой, издевался надо мной, избивал меня. Этого будет достаточно?»

Она пожала плечами. «Возможно. Кую ублюдок. Хищник. Он задирает всех, кого может. Кафф ненавидит его, ты знаешь? После того случая на Фантине. Я знаю, что Гаунт отмазал Кую, но Кафф верит, что Кую убил ту женщину. И Каффа чуть не приставили к стенке из-за этого.»

«Я отмазал Каффа,» сказал Ларкин. «Я и «Еще Разок». Мы закрыли дело Каффа, и послали Кую на его место. Брагг настучал на него. Затем Гаунт формально отмазал Кую. Его отхлестали, а не расстреляли. Вот почему он ненавидит меня. Он проклинает меня за порку. Меня и «Еще Разка».»

«Так значит, он сфокусировался на тебе, потому что Брагга больше нет?»

«Что-то вроде,» сказал Ларкин, с улыбкой, которая Мюрил совсем не понравилась.

«Так вот значит, почему ты хочешь --»

Ларкин поднял палец. «Я никогда этого не говорил. Что если я хочу расплаты, потому что я сумашедший?

Все знают, что я сумашедший. Чокнутый Ларкин, ты в курсе.»

«Ага, но --»

«Я не в ладах с головой. Все знают это. Может быть, я хочу что-то сделать с Кую, потому что я безумен.»

«Ты не безумен.»

«Спасибо, но присяжные все еще отсутствуют. Мне плевать. Может быть я сумашедший. Берегись, Лайжа Кую.»

«А реальная причина?» спросила она.

Ларкин замялся. Он хотел ей рассказать, но он знал, как остальные относились к нему. Чокнутый Ларкин.

Ненадежный. Сумасшедший. Больной на голову.

«Он убил Брагга,» просто сказал он.

«Он что?»

«Я не могу это доказать. Даже чуть-чуть. Но из того, что он мне сказал, я понял, что он убил Брагга. За то, что тот его сдал. И сейчас он хочет убить

меня. Так что я подумал перехватить инициативу и сделать это первым.» Она уставилась на него. «Серьезно?»

«Я верю в это. И не ожидаю, что ты поверишь тоже. По сути, я, возможно, только что доказал, что я все-таки сумашедший.»

«Нет,» сказала она. Она подалась вперед.

«Ларкс... расскажи Гаунту об этом. Гаунту или Корбеку, или Дауре. Они помогут тебе. Не делай чего-то, о чем будешь жалеть.»

«Например, убив Кью до того, как он убьет меня? Слишком поздно. И не важно, во что поверят Гаунт или Корбек, или Даур. С тем немногим, что у меня есть, их руки будут связаны. Ты же не думаешь, что я об этом не думал? Все идет так, как идет.»

Он нетвердо встал и поднял свой лонг-лаз. «Спасибо, что оторвала от меня Кью,» сказал он, «но сделай мне одолжение. Забудь об этом разговоре. Так будет лучше.» Яркий рассветный свет разлился по лужайкам, позади дома. Поднялся туман от влажной травы.

Он уловил движение на периферии зрения. Не большое, просто что-то замерцало. Смутное мерцание.

Каффран оставил сторожевой пост в теплице и побежал по большой лужайке позади дома. Утреннее пенье птиц раздавалось вокруг него. Он добежал до одного из самых дальних сараев и толчком открыл дверь.

«На выход! Сейчас!» рявкнул он, нацеливая лазган внутрь.

Айэксегариенский солдат был молод и покрыт грязью. У него была грязная всклокоченная борода. Он вышел, моргая, руки за головой.

«Не трогайте ее,» сказал он. «Это не было ее ошибкой.»

«Заткнись и руки на стену!» резко сказал Каффран.

Солдат повернулся и положил руки на стену сарая.

Каффран подошел и обыскал его. Он держал свой лазган у спины человека.

Внезапно его вокс ожила.

Он отошел и настроил свою микро-бусину.

«Повтори? Повтори?»

Вокс зажужжал снова, и он услышал единственное слово.

«Отповедь.»

ДВЕНАДЦАТЬ

ГДЕ УГОДНО, НО НЕ ТУТ

«И так, как я храбренький солдат, Люблю свою страну, Найдите, где сражаться, сэр, Где угодно, но не тут.»

- припев из популярной Айэксегариенской песни

Девять человек мертвы. Шесть ранены. Еще трое мучались от последствий воздействия газа, так как их снаряжение порвалось.

Семнадцатый взвод был в беспорядке. И Раглон знал это. Гаунт мог сказать, что неопытного сержанта сильно тряслось, и ему было ужасно стыдно. Его первая операция, и он закончил ее с менее чем пятьюдесятью процентами личного состава живыми или способными на что-то.

Отряд проникновения Гаунт продвигался, чтобы занять жуткие руины Сантребарской мельницы, и когда четыре взвода заняли окна и вероятные огневые точки, Дорден набрал полдюжины из них, чтобы они помогли ему с ранеными Раглона.

Двое были при смерти. Сайкре и Мквил; для них не было никакой надежды. Дорден позвал Цвейла.

Время приближалось к 19.00, и день начал увядать. Приглушенный рев контратаки проносился над пустошью с юга от них, и продолжалась далекая канонада сверхтяжелых осадных орудий. Все еще было накрыто пеленой желтого газа.

Через час начался дождь. Свет изменился, мягкий розоватый оттенок поперек низкого желтого неба. Это напомнило Голке, как кисть может внести изменения в акварель. Рисование было его хобби, давным-давно. Он стоял, выглядывая из окна на первом этаже мельницы, почти восхищаясь видом.

Вид был суровым и неприятным, но в этом было что-то особенное. Темная, цвета ржавчины, земля, почти белое небо, медленно насыщающееся сероголубым.

Ощущая тяжесть своего защитного обмундирования, тяжелого плаща с капюшоном и противогаза, он чувствовал себя отстраненно. Это была его земля, за которую он сражался, земля, за которую он сражался всю свою взрослую жизнь. Так далеко, как позволяли видеть ему его глаза, не было ничего, кроме рубцов от войны. Это не было полем битвы, это был пейзаж, измененный жестоким колдовством непрекращающегося сражения. Ободранный, сожженный, отравленный, уродливый, убитый.

Он удивился, почему, тогда, он восхищался его зловещей красотой. Несомненно, это был не просто художник-любитель в нем, делающий банальный эстетический ответ. Это был Карман, сказал он себе. Сейберкский Карман.

Эта убийственная часть страны, которая украла у него друзей, его людей и его здоровье.

Он ушел отсюда сломанным, охваченным ужасом, так что ему пришлось с тех пор постоянно обращаться к своему врачу. Воспоминания все еще раздирали его разум.

Он попытался представить это место. Через десять, пятьдесят лет, сотню... сколько бы это не заняло. Он попытался представить, что война окончена, и мир медленно восстанавливает законы природы. Деревья. Поля.

Жизнь любого рода.

Голке мог представить это, но зрелище его не убеждало. Это опустошение перед ним, было единственной правдой.

Он знал, почему это так важно для него. Карман мучал его годы, пробираясь вочные кошмары и видения. И сейчас он вернулся встретиться с ним лицом к лицу. Именно поэтому он добровольно вошел в состав миссии Гаунта. Это было лечение отвращением. Он вернулся, чтобы встретиться со своими демонами и отринуть их, изгнать их. Он вернулся, чтобы вспомнить то, что он потерял, когда был моложе. Карман был адской дырой, невероятно уродливыми руинами. Но он все равно видел в них какое-то подобие красоты.

Он сделал первый шаг. Он смотрел на пейзаж своих кошмаров и не замер в ступоре.

Он мог это сделать. Он мог сломать Карман так же, как он когда-то сломал его.

Двумя месяцами ранее, его помощники затащили его в варьете в Онгче. Популярные гастролеры были в городе, и помощники настояли, что нужно посетить шоу. Броско раскрашенный театр был переполнен шумной солдатней, которые были в отпуске, но Голке наслаждался представлением с одного из балконов. Это было достаточно забавно, хотя солдатня восхищалась так, как будто это было лучшим представлением на свете. Фокусник, труппа акробатов, виртуозный виолончелист, клоун сдрессированными собаками, певцы, барды, даже хилая певица. Знаменитый комедиант в слишком маленькой шляпе, который ходил с важным видом и делал неприличные высказывания о различиях полов и гигиене Шадика под громогласное одобрение.

Потом вышла девушка, маленькая девушка из Фичуа, вершина представления. Это, как возбужденно сказал ему старший помощник, было тем, чего ждали все парни.

Она не выглядела как-то по-особенному, всего лишь ребенок в кринолине и корсаже. Но ее голос...

Она спела три песни. Он были смешными, дерзкими и патриотичными. Последней была песенка, которую, как слышал Голке, люди подпевали. Ироничным в песне было место, в котором солдат был уверен в своем превосходстве и желал сражаться, но хотел делать это в каком-нибудь безопасном месте. Припев звучал как-то так «Я хочу найти, где драться, где угодно, но не тут.» Толпа сходила с ума. Маленькая Фичуанка повторяла песню на бис. Цветы летели на сцену.

Это осталось с ним. Голке понял, что мурлыкает песенку под нос.

«Где угодно, но не тут, ваша светлость, где угодно, но не тут.» Три звонка и спокойной ночи.

Это сидело у него в голове. Припев крутился снова и снова.

Где угодно, но не тут,

Он понял, почему люди, по большей части сентиментальные глупцы, как и солдаты в увольнительных, полюбили эту песню. Она была броской и яркой, и смешной. Она озвучивала их тайные желания. Она позволяла им рассеять смехом их самые заветные и наиболее тайные мечты.

Мелодия умерла у него в голове. Увидев ужасы Кармана, она просто исчезла.

Голке видел это сквозь обнадеживающую ложь.

Там он хотел быть. Там он просто обязан был находиться.

Не где угодно, а тут. Прямо тут. И прямо сейчас.

Дождь усилился, шипя на отравленной земле, прорываясь сквозь разрушенный дренаж мельницы. Он был таким интенсивным, что через пятнадцать минут воздух стал чистым, и небо стало более серым.

Дорден использовал свой газовый анализатор и объявил, что уровень газа упал ниже критической отметки.

С благодарностью, солдаты начали снимать с себя защитную одежду.

Воздух был сырьим и холодным, и в нем еще ощущался запах газа, смешанный с гнилым и влажным запахом земли. Некоторые с таким облегчением сняли свою защитную одежду, что стали смеяться и болтать друг с другом. Гаунт приказал Белтайну обойти мельницу и передать приказ, что они закрепятся тут.

Цвейл, снова обнажив голову, благословил небеса, и затем вернулся к Сайкру и Мквилу.

Оба уже были мертвые, и он уже проводил последний обряд над ними. Он повторил свою службу. «Так они смогут услышать меня,» сказал он Дордену.

Становилось темнее. В стороне от плывущего артиллерийского дыма, они могли видеть на несколько километров. Небо стало черным, и огни на передовых, как дружественных, так и вражеских, были хорошо различимы.

На востоке, фальшивый рассвет от артобстрела освещал местность белым светом. На юге свет от осветительных огней сиял над контратакой. Делеко, на восточном горизонте, яркие вспышки света от сверхтяжелых осадных орудий подсвечивали землю.

Над головой, в темноте, грязно синей, Гаунт мог разглядеть звезды, первый раз с тех пор, как он ступил на Айэкс Кардинал. Они мерцали и были едва различимы в легкой дымке, но он мог разглядеть их. Время от времени, красные или оранжевые линии разрезали небо, когда пролетали ракеты. Часть Линии Пейфорка – сектор 56, предположил Гаунт - стала хорошо выделяться, когда начала ночной обстрел. Огни стали появляться на дальних линиях Шадика.

Где-то заговорили мортиры. Заскрипели полевые орудия. Еще одна ночь началась на Фронте.

«Что произошло?» спросил Гаунт. Он отвел Раглона в тихий уголок руин мельницы и усадил. Раглон дрожал.

«Простите, сэр,» сказал он.

«За что?»

«Зато, что фесово плохо все сделали.»

«Неважно, сержант. Что произошло прошлой ночью?»

«Нас внезапно атаковали. Мы продвигались по заброшенной траншее, и в нас врезались вражеские рейдеры.

Битва была недолгой. Но яростной. Впереди и сзади, они шли одной шеренгой. Я думаю, что мы хорошо ответили. Они отступили и мы направились на север, забрав раненых с собой, надеясь, что встретим десятый взвод. Мы слышали, что Крийд захватила мельницу.»

«И?»

Раглон вздохнул. «Я не знаю, насколько мы опоздали, но они уже отступили. Враг начал обстреливать нас из орудий. Так что мы залегли. Это казалось правильным выбором. Я думал, что могу удержать мельницу, даже если у меня осталось только половина бойцов.»

«Ночью с кем-нибудь столкнулись?»

«Нет, сэр.»

Гаунт кивнул. «Ты никого не бросил, Раглон?»

«Нет, сэр!»

«Тогда я считаю, что ты сделал все правильно. Хватит корить себя.» Раглон посмотрел на Гаунта. «Я подумал, что вы заберете мои лычки прямо сейчас, сэр.»

«Это почему, Рагс?»

«За фесню. За потерю стольких людей.»

«Один из моих первых боев, Рагс. Один из первых боев под моим командованием, ты понял, я вел отряд из десяти Хурканцев по лесу на Фолион. Нам сказали, что там чисто. А там не было. Я потерял семь человек. Семьдесят процентов потерь. Я ненавидел себя за это, но сохранил свое звание. Октар знал, что я просто зашел в плохое место. Такое случается. Такое случается со всеми Гвардейцами, раньше или позже. Когда ты на главенствующей позиции, кажется, что это имеет большее значение. Ты все правильно сделал. Просто тебе не повезло.»

Раглон кивнул, но он все еще казался не в своей тарелке. «Я просто ненавижу ответственность --»

«За смерти?»

«И ошибку...»

Гаунт выдержал паузу. «Раглон, это твое первое испытание, как командира. Не сражение, не награды после него. Правда - это испытание. Если все было так, как ты рассказал, это хорошо. Если ты прятался за кем-то, тогда нет. Если ты хочешь быть офицером в моем полку, тогда тебе нужно будет иметь дело с правдой, с самого начала. Итак... есть еще что-то, что я должен знать?»

«Я командовал, сэр.»

«Да, командовал. Так кто фесово облажался?»

«Я. Я командовал.»

«Сержант, отличительная черта хорошего лидера отряда в том, что он или она, распознаёт слабости и обращает на них внимание своего командующего офицера. Никогда не падай духом. Фес знает, что тебе придется жить с этой болью. Но если ты хочешь от этого избавиться, скажи мне сейчас.» Раглон вздохнул. «Я думаю, что мы бы застали рейдеров врасплох, в любом случае, хотя Разведчик Сут предупреждал меня об их приближении. Я позволил себе

находиться слишком далеко в шеренге. Как я понимаю это, Рядовой Костин раскрыл нас.»

«Как?»

«Он пил при исполнении, сэр. Он выдал нашу позицию, не соблюдая соответствующих правил маскировки.» Гаунт кивнул и поднялся на ноги.

«Ради Бога-Императора, сэр!» простонал Раглон. «Не надо!»

«Сержант Адаре, упокой его Император, предупреждал меня насчет бесконтрольного пьянства Костина в прошлом гоу. Адаре нужно было это прекратить. Я должен был это прекратить. По меньшей мере, я должен был предупредить тебя об этом, когда ты принял командование над семнадцатым. В основном, это моя ошибка, и затем Адаре, задолго до тебя. Но самая главная, Костина.»

«Сэр...»

«Говори?»

«Я вывел только половину своего взвода из той траншеи. Пожалуйста, не уменьшайте количество выживших.» Гаунт положил руку на плечо Раглона. «Исполняй свой долг и ни о чем не сожалей. Я буду исполнять свой.

Ты станешь первоклассным командиром взвода, Раглон.»

Гаунт пошел сквозь мельницу. Мколл спешил за ним.

«Сэр?»

«Минуту, Мколл.»

Гаунт дошел до грязной ниши из рокрита, где лежал Костин. Дорден менял повязку на раздробленной руке солдата.

Доктор посмотрел наверх и увидел угрюмое лицо Гаунта.

«Нет,» сказал он, поднимаясь. «Нет. Ни за что, Гаунт. Не сейчас. Он почти истек кровью до смерти, и я потратил последние двадцать минут, чтобы спасти ему руку»

«Мне жаль,» сказал Гаунт.

«Фес нет! Нет, я сказал! Я не буду стоять в стороне, и смотреть, как ты сделаешь это! Где фес твоё сострадание?

Я уважал тебя, Гаунт! Я следовал за тобой до края миров, потому что ты не такой как остальные! То деръмо у лазарета... это я понял! Я ненавидел тебя за это, но я простил тебя!

Но не это.»

«Он признался тебе, да?»

«Да, он рассказал,» Дорден посмотрел на Костина. «Он мне все рассказал. Он травмирован.

Он мучится угрызениями совести. Возможно, он склонен к самоубийству.»

«Самоубийство не вариант. Его халатность привела к смерти нескольких Призраков.»

«Так что? Пристрелишь его за это?»

«Да,» сказал Ибрам Гаунт.

Дорден встал перед Костиным. «Только через меня. Давай, ублюдок. Сделай это.» Гаунт вытащил свой болт-пистолет из кобуры. «Отойди, Доктор.»

«Не отйду. Ни на фес.»

«Отойди доктор, или мне придется подвинуть тебя.»

Дорден подался вперед, стоя на цыпочках, так что его глаза оказались на одном уровне с глазами Гаунта. «Пристрели меня,» прорычал он. «Давай. Я не повинуюсь твоим приказам. Если Костин заслуживает пули, отказавшись выполнять твои приказы, тогда я тоже. Давай, пристрели меня. Или пусть все знают тебя, как противоречивого лидера... одно правило для одного, другое – для другого.»

Гаунт не моргал. Он медленно поднимал болт-пистолет, пока дуло не уперлось в адамово яблоко Дордена.

«Ты создаешь проблему там, где ее нет, доктор. Ты хребет Первого, на который все полагаются. Ты любишь людьми. Я счастлив, иметь такого друга, как ты. Но если ты продолжишь стоять тут, я пристрелю тебя. Это мой долг. Мой долг перед Гвардией, перед Магистром Войны и перед Богом-

Императором Человечества. Я не могу сделать исключение. Ни Костину. Ни тебе. Пожалуйста, доктор... отойди.»

«Не отойду.»

Гаунт еще немного поднял болтер, так, что Дордену пришлось откинуть голову назад. «Пожалуйста, доктор.

Отойдите.»

«Нет.»

«Мы – отражения, Толин, ты и я. Отражения войны. Я ломаю их. Ты их соединяешь воедино.

За каждую толику твоей души, которая желает окончания войны, моя желает этого вдесятеро больше. Но пока убийства не закончатся, я не отступлюсь от своего долга. Не заставляй сделать так, чтобы следующий выстрел убил Толина Дордена.»

«Ты на самом деле должен выстрелить в меня,» мягко удивился Дорден, «не так ли?»

«Да.»

«Святой фес... только вот это и заставляет меня тут стоять до конца.» Палец Гаунта нажимал на курок. Туже. Туже.

Он отвернулся и опустил оружие, поставив его на предохранитель.

«Толин,» тихо произнес он. «Ты только что подорвал и ослабил мой авторитет перед моими людьми. Где-то в глубине сердца я рад, что не пристрелил тебя, из-за нашей дружбы. Но я надеюсь, что ты готов справиться с последствиями.»

«Не будет никаких последствий, Ибрам,» сказал Дорден. «О да, будут,» сказал Гаунт. «Ох, они непременно будут.»

Мколл стоял неподалеку, встревоженный противостоянием. На мгновение, он подумал, что Гаунт попросит его подойти и оттащить Дордена в сторону.

Он должен был лучше знать. Гаунт никогда бы не вовлек другого человека в личную схватку.

Но это было плохо. Не было еще солдата в Первом, который бы поднял оружие на Дока Дордена. Сама идея была преступной. Время покажет, к чему может привести потеря лица у Гаунта.

Безвыходное положение показало, что Гаунт был человеком. По иронии, это не обязательно было хорошей вещью.

И еще более иронично было то, что большинство Первого, возможно, уже знали об этом.

Гаунт постоял в одиночестве несколько минут. По всей мельницы, солдаты шептались друг с другом. Полковник-Комиссар внезапно повернулся и пошел к Костину. Наступила тишина. Дорден оторвал взгляд от другого человека, которого он перевязывал и увидел, куда направляется Гаунт. Он поднялся, но Майло остановил его.

«Не надо,» прошептал Майло. «Не снова.»

«Но --»

«Майло прав,» сказал Мколл, подходя к ним. «Не надо.» Гаунт присел рядом с Костиным и снял фуражку. Он разгладил край.

Костин лежал напротив выщербленной стены, страх перекрывал боль на его лица.

«Это полк, которым можно гордиться, Костин,» наконец сказал Гаунт.

«Да, сэр.»

«Мы поддерживаем друг друга. Приглядываем друг за другом. Это то, что мы всегда делали.

Это то, что мне нравится.»

«Да, сэр.»

«Доктор – мой друг. Мы не сходимся с ним во взглядах по некоторым вещам, но это знак дружбы, не так ли? Я думаю, что ты заслуживаешь казни. Прямо здесь и прямо сейчас, из-за твоей небрежности.

Доктор считает иначе. Я бы в него не выстрелил. Как оказалось, я бы не смог, даже если это было бы правильным. И это ставит меня в затруднительное положение. Я должен быть справедливым. Беспристрастным. Если я не

застрелю его за нарушение приказов, я точно не смогу сделать то же самое с тобой, разве не так? Так что ты можешь считать себя счастливчиком.»

«Я считаю, сэр.»

«Ты так же должен знать, я глубоко тебя презираю за что, что ты сделал. Твои товарищи никогда не смогут доверять тебе. Многие, на самом деле, возненавидят тебя за это. Теперь тебе лучше оглядываться.»

«Да, сэр.»

Гаунт одел фуражку. «Подумай о том, что это твой первый и единственный шанс. Исправься. Прямо с этой секунды. Стань образцом идеального солдата. Докажи, что Дорден прав. Если я увижу, как ты снова пьешь, когда-либо, или если я узнаю об этом от кого-нибудь, при исполнении или нет, я обрушусь на тебя с яростью праведного бога. Все зависит от тебя.»

«Сэр?»

«Что?»

«Мне... мне жаль. В самом деле, жаль.»

Гаунт поднялся. «Слова, Костин. Только слова. Действия говорят громче. Не говори мне, что тебе жаль. Сожалей.»

Хороший совет, думал про себя Гаунт, пока шел к Мколлу. Дела – не слова. Время шло, и была опасность того, что он потеряют инициативу. Либо они выдвинутся к линиям Шадика прямо сейчас, либо признают поражение.

Гаунт позвал Голке, Белтайна и командиров взводов.

«Я прикидываю, по вспышкам света, что наша цель примерно в семи километрах, сэр,» сказал Мколл. «К северо-востоку, может быть дальше, учитывая радиус их действия, но вспышки от выстрелов ярче, чем когда я последний раз видел их, так что они, вроде как, не двигаются.»

«Они тяжелые. На рельсах. У Шадика есть рельсы в той зоне, граф?» Голке пожал плечами. «Там была железная дорога с восточной стороны Долины Наэме, годы назад, но в эти дни? Никто их Альянса не пересекал фронт Шадика десятилетиями. Даже наше воздушное наблюдение ограничено. Конечно, они вполне могли построить что-то такое.»

«Так как мы туда попадем?» сказал Гаунт, принимая предложения.

«Прямо по пустоши,» сказал Домор. «Километра полтора отсюда.

Там есть несколько приличных укрытий на последних нескольких сотнях метров. Пойдем медленно, как Призраки.»

«А что о том укрытии, Крийд?» спросил Гаунт.

Она повела их к краю мельницы, и показала завал от взрыва, которая обозначала вход в туннель. «У меня есть все причины думать, что этот туннель идет прям до их передовой,» сказала она. «Укрытая разветвляющаяся дорога, чтобы патрули приходили на наблюдательный пункт на мельнице. Я бы проверила ее, если бы прошлой ночью было время, но его не было, и я ее запечала.»

«Это то, за что Раглон и его парни благодарны тебе, без сомнений. Ты использовала единственный заряд?»

«Да, сэр.»

«Значит, если мы расчистим путь, остальная часть будет свободной?»

«Они будут ее охранять,» сказал Голке. «Возможно, они даже пытаются очистить проход прямо сейчас.» Мколл замотал головой. «Я ничего не слышу. Никаких звуков лопат или кирок. Я думаю, что они просто предполагают, что мы заняли мельницу. Или это, или у них нет времени на расчистку.»

«Если мы пойдем этим путем, то достигнем передовой намного быстрее,» размышлял Гаунт. «И не важно, каким путем мы пойдем, там все равно будет мерзко. Я думаю, что попытал бы счастья пройти сквозь охраняемый туннель. Альтернатива, как сказал Домор, это бежать по открытой местности к линиям, а это может стать малоприятным.»

«Нам все еще надо расчитить проход,» сказал Голке.

Гаунт улыбнулся. «Это удобный случай, чтобы Вергхастская часть Первого засияла. Аркуда... собери каждого, кого сможешь найти, кто был шахтером или работал на руднике. Нам нужно шесть или семь человек. Если взять больше, то они будут только мешать друг другу. Приведи Дреммонда и

Луббу, чтобы они их прикрывали. Мы выжжем дыру, если там кто-нибудь дернется.»

Аркуда кивнул и поспешил прочь.

Гаунт взглянул на остальных. «Как только мы войдем, нам придется действовать по ситуации. Это будет тактика «бей-беги». Придется приспосабливаться. Каждый должен быть готов импровизировать. В лучшем случае, мы найдем эти пушки и подбросим взрывчатки им в дула. В худшем, мы просто найдем их точное местоположение и доложим Альянсу. Всем все ясно? Цель минимум – обнаружить. Вопросы?»

«Что будем делать с ранеными?» спросил Мколл. Было семь человек из семнадцатого, неспособных двигаться.

«Они останутся тут. Цвейл останется с ними, вместе с командой прикрытия. Я ее соберу. Что-то еще?»

«Одна вещь, которая может оказаться полезной, сэр,» сказал Белтайн. «Я мониторил vox трафик. Около пяти минут назад, Альянс распространил сигнал 'норовистый бейж'.»

«Под которым они подразумевают?»

«Ожидается еще один штурм,» сказал Голке. «Наверное, контратака в 57-ом достигла результатов. Генеральный Штаб решил закрепить успех, и послать вторую волну. Каким был уточняющий код, Балтайн?»

«Одиннадцать, один, точка, два, сэр.»

Голке кивнул, впечатленный. «Они собираются показать силу. Вдоль секторов 57 и 58. Мы должны ожидать, что все начнется с серьезной бомбардировки, а затем стрелки подут за основным штурмом. На этой части фронта будет оживленно этой ночью.»

«Это будет нам на руку,» сказал Гаунт. «Смятение, штурм передовой. Лучшего отвлечения внимания и ожидать нельзя. И пока мы будем под землей, бомбардировка нас не затронет.»

«Пока снаряды потолок нам на головы не скинут,» пробормотала Крийд.

Ее пессимизм заставил Гаунта рассмеяться.

«Давайте подготовимся,» сказал он. «Время уходит. Я хочу быть на передовой Шадика во время, или сразу после первого штурма. Потом сыграем так, как получится.» Аркуда нашел шестерых с навыками шахтных работ: Трилло, Эзлан, Гансфелд, Субено, Позетин и, конечно же, Колеа. Спустившись, они начали работать голыми руками и девяносто седьмыми. Остальные солдаты встали цепью и расчищали свалку, которую нагребали Вергхастцы. Лубба и Дреммонд, с огнеметами наготове, стояли у прохода и присматривались к движению.

Гаунт немного постоял и посмотрел на работу. Он был восхищен Голом Колеа. Крийд пришлось объяснить Колеа, что от него требуется, потому что у него отсутствовали даже самые базовые воспоминания о тех долгих годах, когда он был шахтером в Подземных Работах Номер Семнадцать, улья Вервун. Но его тело не забыло навык. Он преступил к работе, непреклонный, неутомимый, расчищая завал и грязь с эффективностью эксперта. Он был не просто могучил человеком, который убирал породу, он знал, что он должен делать. Он был в состоянии консультировать по вопросам очистки и мерам поддержки. Он выстроил цепь помощи, так что она работала эффективно.

За исключением того, что он не понимал, что делает. Все было на автомате. Физическая память о шахтном делеправляла его конечностями. Его глаза были пусты.

Гаунт решил, что из всех людей, которых потерял Первый, Колеа был одним из самых оплакиваемых. Великолепный солдат. Отличный лидер. Если бы не случай на Уранберге, Колеа мог бы достичь серьезного звания в Призраках.

Но больше всего Гаунт скучал по тихому, проницательному характеру Колеа.

Когда люди умирают, вы просто оплакиваете их отсутствие. Их не хватает. Вы скучаете по ним. Он мог думать о многих таких: Адаре, Дойл, Клугган, Марой, Кокоер, Рилке, Лерод, Хаскер, Бам, Блейн, Брагг...

Бог-Император! Это было, как рыть ногтями землю.

Но с Колеа все было хуже. Он все еще был тут, в теле, в голосе. Постоянное напоминание о войне, которого они потеряли.

Гаунт в другую сторону от входа в туннель и нашел Майло.

«У меня есть для тебя задание,» сказал он. «Готов и желаю, сэр,» сказал Майло.

«Я хочу, чтобы ты удерживал мельницу. Цвейл остается, и за ранеными нужен уход. Я так же хочу, чтобы тут был отряд, в случае, если нам придется возвращаться в спешке. Ты и еще четыре человека. Ты командуешь, так что выбирай.» Майло выглядел упавшим духом. Он был очень разочарован тем, что не пойдет с основным отрядом.

«Может быть, кто-нибудь лучше справится с этим делом, сэр?» спросил он.

«Например?»

«Аркуда? Раглон? У них у обоих звания. И они --»

«Что, они, Майло?»

Неопытные, хотел сказать Майло. «Хороший выбор,» сказал он неопределенно.

Гаунт вздохнул и кивнул. Майло превращался в первоклассного солдата, с реальной надеждой на лидерские качества, несмотря на его возраст. Хотя, если подумать – Аркуда, зеленый и нервный, а Раглон, трясущийся и уставший – это имело бы больше смысла. На самом деле, Гаунт знал, что хочет видеть Майло в команде поддержки больше, чем любого из сержантов.

Но была еще и другая причина этого выбора, которая не давала ему покоя последние дни. Он хотел рассказать Майло о старой женщине из Сороритас в забытой лесной часовне, но каждый раз, когда он прокручивал все в голове, это звучало тупо. Он даже сам по-настоящему в это не верил.

Она говорила, что Майло важен. Не здесь, где-то еще. С другой стороны, она несла чушь.

Если, он признался себе, она вообще там была. Весь тот случай был каким-то мифическим в его голове.

Но Ибрам Гаунт прожил достаточно, чтобы знать, что галактика движется путями более странными, чем он сможет когда-либо представить. Вся его жизнь была разделена и изрезана загадочными истинами и последствиями.

Случайностями. Судьбами. Истинами, которые таковыми не казались, пока не пройдут годы.

Он не мог рисковать. Он не мог рисковать Майло. «Я хочу, чтобы ты это сделал,» сказал он. «Я верю в тебя. Думай об этом, как о teste.»

«Тест, сэр?»

«Марой мертв, Майло. Шестнадцатому взводу нужен новый сержант. Я предполагаю тебя на эту должность. Исполни долго, и я рассмотрю этот вопрос более серьезно. Выбери четырех.» Майло пожал плечами. Он слегка был ошарашен перспективой на повышение и командование. В улье Вервун, жребий был между Майло и Баффелсом, и Гаунт отдал командование Баффелсу на основе возраста и опыта. Майло был очень молод. Но война состарила его с тех пор. Так же как и добавила опыта. Гаунт знал, что если он предложит звание Майло сейчас, то он его не отклонит. Он больше не было мальчиком. Улей Вервун, Хагия, Фантин и Айэкс Кардинал превратили его в солдата.

«Итак?» произнес Гаунт. «Твоя четверка?»

«Мне будет нужен снайпер, Нэсса.»

Это имело смысл. Майло и Нэсса сформировали хорошую связь на Уранберге.

«Огнеметчик, чтобы прикрывал туннель. Дреммонд. Кто еще... я не знаю. Мосарк? Макиллиан?»

«Ты получишь их. Заставь меня гордиться. Если мы не вернемся к рассвету, отступайте на передовую, если сможете.

Кодовое слово будет 'волынщик', ответ 'мальчик'. Если не получится словами, длинный стук, затем два коротких. Удостоверься, что это не мы до того, как Дреммонд поджарит туннель.» Майло кивнул.

«Смотри за Цвейлом. Он может создать проблему. Рассматривай себя в качестве временного сержанта.»

«Спасибо, сэр.»

Гаунт улыбнулся и отдал честь Майло. Майло сделал то же самое в ответ. «Ты прошел долгий путь с Танит Магны, Брин. Гордись собой.»

«Я горжусь, сэр.»

Дыра была темным, зловещим пространством. «Чисто?» прошипел Гаунт. Два стука по микро-бусине от Мколла обозначили, что да. «Продвигаемся,» сказал Гаунт.

Отряд проникновения быстро заполнил туннель, двигаясь за Мколлом и Домором во главе, Лубба и Хвлан шли сразу за ними. Гаунт шел с Бониным за Луббой и Хвланом.

Поначалу, туннель резко шел вниз. Пол представлял собой затвердевшую почву. Но всего лишь через десять метров он выровнялся, и природа поверхности изменилась. Туннель был не просто вырезан в земле, а был выложен старыми, но хорошо подогнанными камнями. Он напомнил Гаунту ливневку или канализацию.

Он был очень тщательно проработанным и значительным, чтобы только прикрывать солдат Республики, ходящих на передовой наблюдательный пункт, на мельнице. Он был древним. Гаунт предположил, что это, скорее всего, была какая-то часть старой водной системы мельницы, дренаж, или, возможно, шлюз. Шадик раскопал его и пустил в дело.

Он был немного узким и низким, и влажные, покрытые слизью камни были ненадежными, особенно почти в кромешной темноте. Они осмелились не использовать свои фонари из-за страха раскрыть свое приближение. Вот почему Гаунт поставил во главе отряда Домора. «Шогги» Домор, ослеп на Меназоиде Эpsilon, и его глаза заменили на массивную аугметику, которая, в некотором роде, делала его похожим на амфибию с жучиными глазами, и так к нему и прицепилось это прозвище. Домор настроил свою оптику на ночное видение.

Через двадцать метров, туннель снова ушел вниз, на этот раз внезапно, и им пришлось пробираться по колено в воде. Тут были большие повреждения в каменной кладке – несомненно, эта часть туннеля сильно опустилась.

Гаунт посмотрел назад на колонну. Его глаза приспособились к темноте по мере того, как они продвигались вперед. Он мог видеть очертания серых фигур, двигавшихся в темноте, и слышать случайные всплески или бряканье по камню. Это был тяжелый переход, и люди пытались дышать тихо. Так же было жарко и душно, и все сильно потели.

Через триста метров, Мколл подал сигнал остановиться. Слева появился вторичный туннель, так же из камня, и там журчала вода. Он подождали, пока мастер-разведчик не проверит его. Минута. Две. Три.

Два удара по микро-бусине.

Гаунт рискнул тихо спросить. «Первый, четвертый?»

«Четвертый, первому,» ответил Мколл, едва слышимо. «Боковой проход. Тупик. Он обрушился.» Они пошли дальше. За следующие двести метров они нашли еще три боковых прохода.

Отряд ждал, пока Мколл не проверял каждый из них тщательно.

Через несколько минут Гаунт почувствовал свежий ветерок на лице. Он мог расслышать воду. Через пару шагов он смог услышать ее. Быстрый стремительный поток.

Открывшийся туннель Гаунт не мог разглядеть достаточно хорошо, но он мог почувствовать пространство перед собой.

«Какой-то подвал,» отчитался Домор по связи. Послышалось внезапное царапание и приглушенные проклятия.

«Доложить!» сказал Гаунт.

«Лубба чуть не поскользнулся. Сэр, я думаю, что мы должны рискнуть и включить фонарики.»

«Что там впереди?»

«Никаких признаков контакта. Стойте.»

Они услышали тихие шаги по камню, скрип дерева, и затем тишина на несколько секунд.

«Домор?»

«Чисто. Я думаю, мы должны воспользоваться фонариками. Иначе кто-нибудь упадет.»

«Как скажешь, Домор, ты в лучшей позиции, чтобы решить.»

«Сделайте это, сэр.»

«Только два фонарика. Хвлан. Бонин.»

Разведчики зажгли фонари. Свет от них казался предательски ярким. Они осветили камеру, и Гаунт сразу понял, что Домор был прав.

Туннель вывел их посередине цистерны с каменными стенами.

Она уходила глубоко вниз. Узкие, каменные ступени без перил вели вниз до каменных опор, где досчатый настил перекрывал прожутки между опорами. В конце были еще ступени, которые вели наверх, к продолжению туннеля. Домор был на другой стороне, крадясь вверх по ступеням, разведывая путь дальше.

Тут не было ничего, за что можно было зацепиться, и каждая поверхность была покрыта слизью. Без света, многие из них мог бы подскользнуться при каждом шаге, и мостки внизу было не невозможно преодолеть.

Далеко под ними, вода грохотала по дну каменной цистерны.

Держа фонарик, Хвлан шел по мосту. Он встал на ступеньках, на противоположной стороне, и подсвечивал путь. Бонин ждал со своим фонариком внизу, у ближайшего пролета.

Гаунт и Мколл начали перебираться, вместе в Луббой. Гаунт повернулся и просигналил солдатам следовать за ними в одну колонну. Он хотел, чтобы Бонин и Хвлан могли свободно идти дальше. Он проинструктировал каждого третьего, чтобы те останавливались и держали фонарики. Последний человек собрал бы фонарики и выключил бы их.

Они были под землей около пятидесяти минут, и продвинулись, как определил Мколл, на две трети километра, когда начался обстрел.

Сначала он звучал, как далекие удары, затем звук и темп возросли до того, что они могли почувствовать, как земля вокруг них завибрировала. Гаунт прикинул, что над ними от восьми до двенадцати метров земли, но все вокруг сотрясалось. Грунт и вода падали сверху. Время от времени, целый каменный блок отрывался от стены и падал на пол.

Тревога росла. Гаунт мог это почувствовать. Было нетрудно представить, что случится, если тяжелый снаряд ударит прямо над ними. Раздробленные, задыхающиеся, похороненные заживо. В туннеле могла образоваться дыра или бы он разрушился.

Они уже поняли, что назад пути не было.

Даже наиболее уверенные Призраки хотели бы выйти из этой потенциальной могилы. Они бы хотели попытать счастья снаружи. И даже не имело значения, что они, возможно, гораздо меньше рисуют в туннеле, что в них попадет снаряд или шрапнель.

В самом деле, Гаунт чувствовал, как круто растет его пульс. Клаустрофobia никогда не была его страхом, но тут внизу, в таких обстоятельствах...

Земля затряслась с особенно интенсивным неприятным дребезжащим звуком. Кто-то, дальше в колонне, застонал от страха.

«Тихо!» прошипел Гаунт.

Затем он понял, какой это был тупой комментарий. Если бы тут было громко, то наверху был бы оглушительный грохот. Бомбардировка прикрыла бы их звуки. Они могли бы продвигаться с удвоенной скоростью, не заботясь о скрытности.

Он отдал приказ и они стали продвигаться, почти бежать, по туннелю. Шквал взрывов продолжал реветь над ними.

«Стоять!» крикнул Мколл.

Они затормозили. «Что такое?» спросил Гаунт.

«Слышите это?»

Гаунт ничего не мог рассышать, кроме взрывов и тяжелого дыхания людей.
«Что?»

«Царапание. Интенсивное...»

«Святой Фес!» внезапно выкрикнул Домор. Он мог видеть дальше, чем они. Он мог видеть, что приближалось.

«Паразиты!» с ужасе сказал он. «Рой паразитов движется к нам! Ох, Бог-Император!»

«Сэр?» с легким безумием настаивал Лубба. Он приготовил свой огнемет.

«Нет,» сказал Гаунт. Бомбардировка могла бы скрыть их приближение, но длительный огонь из огнемета был бы смертельным риском. «Оставаться на

месте!» сказал Гаунт. «Они бегут от бомбардировки. Просто стисните зубы и терпите. Это приказ.»

Крысы ударили по ним.

Река визжащих, тусклых тел, волной прокатывалась по туннелю, заполняя пол до голени, некоторые карабкались по стенам. Гаунт почувствовал, как они врезались ему в ноги, покачивая его назад, и затем разились вокруг и под ним. Люди кричали. Шум и зловоние от живой реки было ужасающим.

Неистовые, ищащие укрытие в глубоких туннелях, крысы царапались и кусались. Гаунту пришлось расставить руки к стенке туннеля, чтобы его не опрокинули. Он чувствовал острые, как иголки, укусы на голенях и икрах.

Послышался крик, и затем яростная активность позади него. Харжеона сбило с ног, и он практически исчез в потоке черных тел.

Крийд и Ливара боролись и ругались, пытаясь поставить его на ноги.

Мы, возможно, все мертвые, думал про себя Гаунт. Все из нас заражены множеством микробов и инфекций, которые переносит эта мерзота. Золотой трон! Во всех вещах, что я себе представлял, которые смогут прекратить мою службу Империуму, никогда не было крыс.

Волна паразитов закончилась так же внезапно, как и началась. Несколько последних визжащих созданий удирали в темноту. Гаунт слышал, как люди топали на них.

«Отчет!» сказал он.

В основном были стоны и возгласы отвращения. Никто из отряда не избежал укусов и царапин. Харжеон был покрыт ими, и начал трястись и блевать.

«Они были у меня на лице... во рту --» причитал он.

«Заткни его, Крийд.»

«Да, сэр.»

«Выдвигаемся.»

Звуки взрывов стали громче, но не потому, что они стали ближе. Впереди был слабый, холодный свет, и звук обстрела разносился от входа в туннель.

Надо пройти всего лишь сотню метров.

Гаунт послал Мколла, Бонина и Хвлана вперед.

«Ждать приказа,» сказал он остальным. «Серебряные клинки. Давайте держать элемент внезапности на нашей стороне так долго, как только сможем.»

Два удара. «Вперед,» сказал он.

Впереди, три разведчика выбрались на открытый воздух. Было холодно и затуманено от бомбардировки, и вспышки взрывов подсвечивали влажный воздух. Звук обстрела был оглушительным: падали воющие снаряды, некоторые пронзительные, некоторые приглушенные, некоторые странно мелодичные и выразительные. Большинство взрывов были сильными и такими громкими, что сотрясали диафрагму. Другие издавали более горячие, плоские звуки.

Некоторые не издавали вообще никакого звука, только вспышка и дрожь земли. За каждым из таких, следовало колебание и шум, как будто волны омывали пляж, когда вниз падали земля и осколки.

Определив, куда идти по мерцанию от взрывов, Мколл, Бонин и Хлан выбежали из туннеля, пригнувшись. Там был сторожевой пункт, обложенный мешками с песком, у туннеля, но он был безлюден. Охранники убежали в укрытие.

Разведчики обнаружили, что идут по глубокому пролету основной огневой траншеи. Они шли веером к выходу, и затем пригнулись, когда три солдата Шадика пробежали мимо, стуча сапогами по деревянному настилу. Эти исчезли из вида, затем появились еще двое, несущие орущего человека на носилках. Они тоже исчезли в ярком дыму.

Мколл сигнализировал остальным. Они пошли дальше по огневой траншее. Она была глубже и лучше проложена, чем траншеи Альянса, с более широкими огневыми ступенями и амбразурами, укрепленными рокритовыми блоками. Траншея, как они могли видеть до другого прохода, была пустой.

«Вперед,» сказал Мколл.

Секундой позже, пять солдат Шадика, несущиеся как бешеные, появились из левого прохода. Казалось, что они не заметили Танитцев до самого последнего момента.

Разведчики не дали им шанса среагировать. Мколл свалил одного, плавно двигая свой серебряный нож сквозь противогаз и шланг. Хвлан пронзил грудину другого, и затем толкнул себя и труп на третьего.

Бонин обрушил приклад своей винтовки на живот ближайшего вражеского солдата, и отшвырнул его, затем весь вложил в удар сбоку, который сломал пятому солдату шею и внезапно бросил его на настил. Бонин перепрыгнул через него, и быстро прикончил задыхающегося человека голыми руками.

Хвлан пытался быстро убить последнего солдата, но этот фесец хорошо сопротивлялся. Танитец накинул ремень своего лазгана на шею человека и повернул вокруг, скручивая череп в шлеме на полу траншеи.

Они справились с пятью людьми буквально за несколько секунд.

Когда в огневой траншее появился Гаунт с первой частью основного отряда, они оттаскивали тела в укрытый блиндаж, занавешенный камуфляжной сеткой.

«Куда?» спросил Гаунт.

Мколл указал налево.

«Веди с Хвланом,» сказал ему Гаунт. Он повернулся к Бонину. «Останься здесь с Офлином, и приведи остальную часть отряда. Будь поблизости.»

«Сэр,» кивнул Бонин.

Отряд быстро выдвинулся позади Мколла и Хвлана. Два разведчика впереди и два позади, было самой лучшей защитой, которую мог организовать Гаунт.

Вдоль второго прохода, в который они зашли, огневая команда Шадика пыталась установить пару автопушек на амбразуру. Девять человек, в общей сложности.

Мколл и Хвлан зашли сзади с ножами наперевес, Гаунт следовал за ними, вытащив свой силовой меч, вместе с Крийд, Эзланом и ЛаСалле.

Последовала жестокая резня. Один из Шадика выстрелил, но Гаунт надеялся,

что этот звук потеряется в звуках артобстрела. Он обезглавил человека мечом, и затем проткнул другого. Ничто не могло остановить его древний меч, ни кольчуга, ни бронежилет, ни кожа и, определенно, ни плоть.

Крийд прикончила последнего и посмотрела на Гаунта.

Обстрел только что внезапно прекратился.

Это означало, что приближалась атака. И это так же означало, что Шадик повылезает из бункеров и укрытий, чтобы занять позиции и отбиваться.

ТРИНАДЦАТЬ **МЕРТВЫЙ СВЕТ**

«Иногда, знаете ли, я очень скучаю по своим трущобам. В такие времена, как эти, например.»

- Огнеметчик Лубба

Пятнадцать полков Альянса штурмовали линию после артобстрела. Волновая атака, хлынувшая из темноты ничейной земли. Двадцать километров линии полчаса освещались взрывами бомбардировки. После небольшого зловещего затишья, она снова осветилась. Стрелковое оружие. Пулеметы. Гранаты. Огнеметы. С высоты было видно, как широкие полосы огромных вспышек уменьшились до тоненьких, шипящих линий огня.

Это была самая мощная атака на линии Шадика за последние восемнадцать месяцев. Операция, как называли ее офицеры Генерального Штаба Альянса, отсиживаясь в безопасности тыловых бункеров. Линтор-Севк и Мартэйн готовили ее с тех пор, как Линтор-Севк стал главнокомандующим. Линтор-Севк очень хотел быстрее отметиться, и доказать верховному сезару, каким слабым был его предшественник, Граф Голке, в достижении успеха. Это было частью великой стратегии, которая включала в себя атаку на севере через Гибсгатте, где главнокомандующий собрал большую массу танков Имперской Гвардии. Идея состояла в том, чтобы внезапным ударом сокрушить Шадик на севере, и затем ударить его в чрево в Кармане и Бассине-на-Наеме. Общая схема Линтора-Севка заключалась в том, чтобы оттянуть войска врага на север и захватить долину реки, установив новый фронт, который он называл Линия Фрергардена, до зимы. Если это будет

успешным, то Линия Пейнфорка будет выведена из употребления первый раз за двадцать шесть лет.

В течение зимы, новая линия должна была быть укреплена солдатами Альянса, и быть готовой не только против неизбежных контратак, но и так же запустить вторжение в Южную Республику, в согласованных попытках с армиями Коттмарка на Остландской Линии.

Это был чрезвычайно амбициозный план, типичный для нового командира, пытающегося произвести впечатление и выйти из тупика, несомненно навязанного предшественником. Если бы Голке пригласили на встречи по планированию, он бы тогда смог откровенно рассказать Линтору-Севку, что он уже пытался такое провернуть, трижды, на самом деле. Стратегия «Занять-и-Удержать» было старой, и никогда не срабатывала.

Если бы Гаунта пригласили на встречи по планированию, его замечания были бы еще более грубыми. Линтор-Севк играл в войну, как в регицид. Первое, чему учится командир это то, что армейские группы не ведут себя как игровые фигуры. Они не удовлетворяют правилам, у них нет установки «движение». Часто сильная группа с легкостью проваливает то, чего от нее ожидают. Часто, тоже, «слабая» фигура может выиграть игру, будучи умно использованной.

К сожалению, ни один из офицеров не присутствовал на собраниях. К этому времени, как стало слишком поздно посоветовать Линтору-Севку что-то сделать иначе, оба, и Гаунт и Голке, последний по своей воле, были на острие.

Вон Войтц присутствовал на собраниях, по крайней мере, на большинстве из них. Его попытки проконсультировать полностью затмевались решениями нового главнокомандующего. Когда, месяцами позже, Вон Войтц окончательно ретировался с Айэкс Кардинала, он рассматривал время, проведенное тут, как наиболее разочаровывающее и бесполезное в его карьере.

Большинство офицеров Генерального Штаба верили, что конкретно эта ночь была выбрана начала наступления, из-за контратаки, которую организовал сектор 57. Этот успех совпадал по времени с фронтальным нажимом у Гибсгатте. Но это было отчасти верно.

Хотя Гаунт никогда не узнал правду, наступление началось из-за Рэджака Анkre. Обнаружив, из входящих сообщений, что Первый проникнет этой ночью к противнику, он убедил Мартэйна присоединиться. Анkre был гордым человеком. Ему была ненавистна идея, что Танитцы нашли, как проникнуть, и он использовал эту ненависть, чтобы подпитывать свою силу убеждения. Если невидимки Первого могут сломать линию Шадика, тогда это смогут и наземные силы Альянса. Фактически, Анkre боялся, что иномирцы из Гвардии способны, на самом деле, добиться чего-то, в чем Альянс потерпел поражение. Он был не в состоянии переварить эту мысль.

Он олицетворял эмоции, лежащие в основе провалов высшего руководства Альянса, провалов, которые затянули эту войну на десятилетия. Как это бывает с усилиями такого масштаба, его собственный провал остался незамеченным в общей схеме.

Почти три тысячи солдат Альянса были убиты в ходе штурма на передовую той ночью. Ни точное число, ни даже приблизительная оценка, не были сделаны для войск Шадика. У одной траншеи линии, сто семьдесят девять человек из Генсвик Фут, включая Лейтенанта Февриерсона, запутались в колючей проволоке, и были вырезаны пулеметным огнем. У другой секции, длиной не более пятидесяти метров, триста Фичуанских пехотинцев погибли в штурмовой атаке. Траншея заполнилась, сравнявшись с землей, набитая телами так сильно, что войскам Шадика пришлось отступить в резервные траншеи. Мортиры убили шестьдесят человек из Мейпортского Пятого, когда они шли к амбразурам, подсвеченные сигнальными огнями ближайшего отряда из Брансгатте, который был дезориентирован. Выжившие из Мейпортского Пятого позже захватили траншею, удерживали ее час, снова потеряли ее и, затем, опять захватили до рассвета. Этот бой вошел в полковые легенды.

На северном острие штурма, отряд страусовой кавалерии захватил удерживаемую позицию под прикрытием автопушек, и штурмовал главную резервную траншею. Затем контртака газом и гранатами остановила их мощное продвижение, и оставила от отряда только мертвых и умирающих. Гусары, лично не задетые, лежали скрючившись и крича к туманной темноте, разделяя через мысленную связь агонию своих раненых верховых животных. Солдаты Альянса, продвигавшиеся через эту зону, начали милосердно

добивать птиц, и затем обнаружили, со слезами отчаяния, что милосердно добивают и гусар. Они не могли вынести крики.

Коттстадтские Виверны, под командованием Майора Бенедайса, штурмовали, захватили и удержали километровую полосу огневой траншеи, и затем с боем прорывались дальше по коммуникационным аллеям, чтобы захватить линию орудийных ям. К югу от них, бригада драгун Миттел Айекса, Седьмая Грэннская, известная как «Крутые», действовала так же, и затем пыталась сделать бесполезными орудия и уничтожить боеприпасы.

Девяносто три человека сгорели дотла, когда взрывоопасная куча была с энтузиазмом подожжена, проделав дыру в земле двухсот метров в диаметре. Остальные, вместе с большим числом Виверн, впоследствии умерли в облаках ядовитого газа, вырвавшегося из хранилищ, поврежденных взрывом.

Все это время, сверхтяжелые осадные орудия Шадика продолжали обстрел. Огромные снаряды сломали щиты на Линии Пейфорка, и уничтожили склад боеприпасов, командный бункер, девятнадцать артиллерийских пунктов – включая пять тяжелых гаубиц – лазарет сектора и резервную траншею, полную молодых, мобилизованных Фичуанцев, которые думали, что оттянут войну для себя еще на ночь.

Некоторые из огромных снарядов долетели даже до Пейфорка. Манориальный Дом был уничтожен, и скотобойня, вместе с двумя поминальными часовнями, двумя кафе и улицей, с постоянными дворами, полными Крассианцев.

Несмотря на колоссальные потери, наступление Альянса не потеряло импульс той ночью, или следующим днем. Линтор-Севк, принявший решение наступать до победы, так его манящей, отправлял все больше и больше войск в атаку, пока поток не иссяк на четвертый день и он не признал поражение.

Но для миссии Гаунта, это было непостижимым будущим. К полуночи той первой ночи наступления, они были в километре внутри линий Шадика, пробираясь по траншее снабжения.

Ад разверзся позади них, по фронту Шадика, освещивая небо и наполняя долину дымом.

Но они продолжали идти вперед, тихо, неустанно, в глубины вражеских укреплений.

Мертвый свет загорелся над ними, белый и тусклый. Больше осветительных огней. Рев битвы был далеким и приглушенным. Они уничтожили двенадцать пехотинцев Шадика в пятой схватке за ночь. Первый пока что обходился без потерь, но Гаунт задавался вопросом, как долго они еще смогут орудовать одними только клинками.

Звук осадных орудий уже был оглушающим, хотя они все еще находились на расстоянии нескольких километров. Земля выбивала, но не от падения снарядов, а от выстрелов.

«Я бы предположил, что там, по меньшей мере, шесть орудий,» сказал Мколл Гаунту. «Я подсчитывал вспышки и периодичность.»

«Семь,» сказал Бонин. «Определенно семь.»

«Если Бонин говорит семь, значит семь,» сказал Мколл. «У него слух на такие вещи.»

«Как далеко?» спросил Гаунт.

«Ну, кажется мы не сможем их не найти,» сказал Мколл, указывая на сверхнагретые вспышки, освещавшие северо-восточное небо.

«Да,» сказал Гаунт, «Но нет ощущения масштаба. Как далеко?»

«Два, может быть три километра.»

Гаунт вздохнул и огляделся. В траншее снабжения, где они стояли, было темно и тихо.

Все ушли на фронт.

Изредка, появлялся персонал Шадика, и вырезался Призраками.

Но Гаунт знал, что им просто везет. Все это может продлиться до тех пор, пока они не столкнутся с приближающейся бригадой.

Тогда все сведется к огневой мощи. Огневой мощи и числу.

Если только они не определят местоположение орудий. Нечто конкретное, с чем они могли вернуться назад. Он говорил им, что обнаружение было минимальной задачей миссии.

Два или три километра на северо-восток не было достаточно точным.

Завернув в следующие проход траншеи снабжения, они обнаружили, что находятся в глубоком снарядном коридоре с рельсами. Он был в два раза шире, чем пехотные проходы, и пролегал на северо-восток по прямой.

Дорога подачи боеприпасов к большим пушкам. Достаточно широкая, чтобы состав со снарядами мог проехать.

Пушки кормились этой дорогой.

«Рассыпаться и вперед,» приказал Гаунт, и отправил свой отряд по широкому, искусенному оврагу.

Щелкнула винтовка, дважды. Рядовой Секко забился в конвульсиях и упал.

Гаунт оглянулся и увидел подразделение Шадика, появляющееся из сумрака с полыхающим оружием. Призраки ответили огнем, трещали лазганы. Лубба поливал огнем широкое пространство снарядного коридора.

Игра закончилась. Их разоблачили.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

ПЕРВЫЙ ШАГ

«Это за «Еще Разка».»

- Хлэйн Ларкин

«Что это значит?» спросил Фейгор, разозленный.

«Это означает неприятность,» сказал Каффран.

«Какого сорта неприятность?» резко спросил Фейгор.

«Я не знаю! Я согласовал слово с Веном до того, как он ушел. Если он найдет неприятность, тогда сигналом будет 'Отповедь'. Я даже не знаю, кто послал его, он или Жажко.»

«Что-то еще? Было что-нибудь еще?» спросил Фейгор. Рервал оторвал взгляд от микро-бусины, с которой поигрывал. «Ничего. Недостаточное усиление. Если бы мой основной аппарат работал --»

«Фес подери твой аппарат,» ответил Фейгор. Он сел за кухонный стол, и в беспокойстве барабанил пальцами. «Определи, что за неприятность,» сказал он, глядя на Каффрана.

«Вен не уточнял. Это может означать, что они попались вражеским разведчикам, патрулю... может быть бандитам... может быть Жажко упал и сломал ногу... или это может быть целая армия, идущая сюда.»

«В следующий раз, когда вы будете договариваться о кодовом слове, фесы, удостоверьтесь, что знаете, что оно означает!» Каффран смотрел Фейгору в глаза. «По крайней мере, я обеспокоился свериться с ним до того, как он ушел. Ты просто прогнал его отсюда.»

«Закрой свой чертов рот,» прорычал Фейгор. Он посмотрел на остальных. Они все наблюдали за перепалкой. «Собирайте снаряжение. Мы уходим.»

«Что?» крикнул Каффран.

«Ты меня слышал! Мы понятия не имеем, что приближается. Нас тут всего восемь. Что хорошего в том, что мы будем удерживать такое место, как это?»

Бростин и Кью начали продвигаться к двери. «Я не пойду,» сказал Каффран. Они остановились. «Я отдал тебе фесов приказ,» сказал Фейгор, медленно вставая.

«И ты можешь засунуть его себе. Мквеннер просил защищать это место до тех пор, пока он не вернется. И это я и собираюсь сделать. Опорный пункт. Мы укрепляли зону позади дома.»

«Кто это мы?» спросил Гатс.

«Я, Мюрил, Рервал и Ларкс. Вы можете уходить. Я не собираюсь кинуть Вена и Жажко. Если они подали сигнал, значит, у них была причина. И судя по охвату бусин, они не могут быть дальше, чем в нескольких километрах. Итак... уходите, если хотите.»

«Я отдал тебе приказ,» злобно повторил Фейгор.

«Любое понятие того, что ты тут командуешь, испарилось, когда ты решил сделать тут выходной.

Ты едва следовал приказам с тех пор, как мы прибыли, так что не приказывай мне. Мы остаемся, по крайней мере, до тех пор, пока сюда не доберется Вен, или мы не услышим что-то еще от него.»

Сердитый взгляд Фейгора скользил по лицам. «Вы все так думаете?»

«Да,» сказал Рервал.

«Я остаюсь,» сказала Мюрил.

Ларкин просто кивнул.

«Я тоже остаюсь,» внезапно произнес Гатс. Он посмотрел на старую женщину, свернувшуюся в углу. «Я не думаю, что она куда-то собирается, так как оставалась тут очень долго. Я не брошу ее волкам.»

«Фес это!» сказал Фейгор. Он посмотрел на Бростина и Кью.

«Я с тобой, Мюрт, как пить дать,» сказал Кью. «Только скажи.» Бростин пожал плечами. Он выглядел сконфуженным.

Фейгор хрустнул шеей. Идея смотаться, целиком нравилась ему, но он обдумывал и последствия. Если неприятность была близко, у них было больше шансов выжить, оставшись тут, как группа, чем в одиночку двигаться через лес.

«Окей,» сказал Фейгор, «окей, мы остаемся. Теперь. Приготовиться к контакту. Каффран, распредели всех.»

Призраки начали приготовления, Бростин и Кью поспешили из кухни за своим снаряжением.

Фейгор повернулся и посмотрел на солдата Айэкса, которого нашел Каффран.

«Ну конечно, мы даже не начинали с тобой,» сказал он. «Давай поговорим.» Взъерошенный молодой человек отказался посмотреть в глаза. Фейгор ударил его и опрокинул на пол. Он хотел еще раз его ударить, когда Каффран схватил его за руку.

«Он дезертир. Это же очевидно, не так ли? Он сбежал в этот лес и прятался тут, вероятно, потому что это место было вне дорог, и старушка кормила его.»

«Почему?»

«Гак это, Фейгор,» сказала Мюрил, «как ты можешь быть таким глупым? Она, должно быть, думает, что это ее сын, вернувшийся домой через все это время.»

«Это звучит правдоподобно для тебя?» спросил Фейгор молодого человека, который пытался подняться.

«Не делайти ей больно. Пожалуйста,» прошептал он.

«И не бей его снова перед ней,» посоветовал Каффран. «Если она думает, что он ее сын, ты можешь обнаружить нож для хлеба у себя в спине.»

«Как тебя зовут?» спросила Мюрил молодого человека.

«Рядовой Первого Класса Руфо Петерик, Шестнадцатый Брюнгаттерский.»

«И как давно ты... убежал?» мягко спросил Каффран.

«Шесть месяцев,» сказал Петерик.

«Ты тут был с того времени?»

«Пару месяцев скитался, потом здесь.»

«Это ты испортил мой вокс-передатчик?» спросил Рервал с другого конца кухни. Это был резкий, но само собой разумеющийся вопрос. Это была одна из вещей, которую мог сделать отчаявшийся дезертир.

«Нет, сэр,» тотчас сказал Петерик. «Я этого не делал.»

«У нас на это нет времени,» сказал Фейгор. «Заприте его или привяжите к стулу. Или еще что-нибудь.» Тут нечего было обсуждать. Никто из них не мог предсказать, что юноша мог сделать, хотя у Каффрана было предчувствие, что о нем не стоит беспокоиться. Каффран все равно привязал его к стулу.

«Пайет, Ларкс... осмотрите территорию,» сказал Фейгор. Его манеры теперь были спокойнее. Приняв решение остаться, он стремился восстановить свое лидерство.

Как Ларкин, так и Гатс посмотрели сначала на Каффрана, и только потом ушли из кухни, когда он кивнул.

Снаружи, туман стал сильнее, закрывая восходящее солнце. Ветра не было, в воздухе был резкий запах дождя. Они еще не до конца избавились от последствий шторма.

Ларкин и Гатс поспешили к лужайке позади дома, следуя вдоль линии садовой стены, их сапоги и штаны пропитались росой от мокрой травы.

Все еще было ужасно, ужасно тихо. Время от времени кричали птицы в окружающем лесу. Они достигли полуразрушенные, заросшие сараи в конце имения и присели, смотря на деревья. Мягко вздывающийся туман создавал формы ненадолго, и заставлял их нервничать, но это был всего лишь туман.

«Ты взял контур, а?» наконец сказал Гатс.

«Что?» кратко сказал Ларкин. Он чувствовал, что его череп раскалывается от удара Кью, и он чувствовал, как накатывает одна из его мигреней.

«Контур их вокса Рервала. Ты его взял, не так ли? Я видел, как ты обращаешься с техникой. Ты единственный, кроме Рервала, у которого есть навыки.»

«Пайет, учитывая, как тупо ты любишь играть, ты умный человек.» Гатс оскалился. Он вновь всмотрелся в деревья.

«Зачем ты это сделал, Ларкс?» спросил он после паузы.

«Я...» Ларкин замешкался. «Я хотел удостовериться, что на какое-то время мы остались одни.»

«Ох,» сказал Гатс.

«Тогда, я думаю, что может быть нам снова нужен вокс. Я думаю, может быть мы уже пробыли тут одни достаточно долго.»

«Ага,» сказал Ларкин.

«Ты вернешь его?»

«Ага.»

«Я ничего не расскажу, Ларкс.»

«Спасибо, Пайет.»

Прошел час, медленно и напряженно. Пошел дождь, сначала легкий, затем с большей силой. Несмотря на дождь, туман отказывался рассеиваться. Свет слабел, когда появились тучи, и раннее утро выглядело как мокрые сумерки.

В бусинах не было никакого сигнала. Каффран начал удивляться, а не показалось ли ему.

Полностью экипированные и готовые, члены отряда заняли позиции, чтобы прикрывать заднюю часть дома. Каффран расположился в теплице, в одной из самых дальних от дома к западу, с хорошим обзором задней лужайки и неплохим видом на клочок сада у кухни, позади кладовой. Он и Рервал укрепили оборонительную позицию в теплице ящиками, мешками с землей и старым металлическим остовом кровати, который они нашли кострище.

Они осторожно вынули последнюю стеклянную панель.

К востоку от них, напротив прохода во двор, крался Күу к месту в конце длинной баррикады, которую Мирил и Ларкин сделали из деревянного забора и гофрированных металлических листов. Им пришлось разобрать несколько навесов в поисках материала.

Рервал расположился дальше возле той же баррикады, сгорбившись в углу каменной стены старого угольного бункера.

Бростин сидел на стуле прямо за полуоткрытой дверью кухни, огнемет лежал на коленях, емкости прямо за ним. Он проверил силовые ячейки в двух лазпистолетах – его и Фейгора – которые носил как стрелковое оружие. Фейгор, предпочитавший винтовку, был в нескольких метрах от него у кухонного окна. Толстая стена отделяла его от Гатса, который находился в столовой, присев у заднего окна, выглядывающего на углярку и ограду возле бокового рва. Ларкин был на позиции надо всеми, используя окно спальни, как свою огневую точку.

Мюрил, настаивая на том, что она ближе всего к тому, чтобы быть разведчиком среди них, находилась на краю лужайки позади дома, в древнем сарае у конца садовой стены. Она стояла на коленях, абсолютно неподвижно, вглядываясь в деревья.

Двадцатью минутами ранее, когда они делали последние проверки перед тем, как разойтись по позициям, Рервал нашел отсутствующий передающий контур на кухонном столе. Предполагая, что это был Фейгор, или один из его дружков, который оставил его тут, чтобы он его нашел, Рервал слегка пошумел. Они теперь были вместе во всем этом, и не было причин нагнетать ситуацию еще больше.

Он установил контур обратно в передатчик и, посоветовавшись с Фейгороm, отправил сообщение в Инс Арбор. Позицию, ситуацию, перспективу контакта с противником.

Иронично, но ответа не было, за исключением нескольких сжатых завываний статики. Рервал не знал, было ли это из-за атмосферы, или он сделал несколько ошибок, ремонтируя вокс. Не было времени разобрать его снова собрать. Он молился, чтобы командование услышало его. Он молился, чтобы пришла помощь. Даже если бы она не пришла, он надеялся, что предупреждение прошло.

В сырой, гниющей задней спальне, Ларкин сидел на колючем матрасе, который он притащил, чтобы лежать на нем, и положил свой лонг-лаз на подоконник. Он размял шею, пытаясь игнорировать боль, вонзающуюся в его мозг с затылка, и посмотрел в прицел.

Его опухшее лицо отзывалось болью, когда он приложился к прицелу. Сломанное ребро ужалило его, и ему пришлось изменить положение.

У него был хороший обзор всей задней лужайки. Он поводил винтовкой, считывая дистанцию до различных вещей: конец изгороди, солнечные часы в центре лужайки, угольный бункер, теплица Каффа.

Внизу, во дворе, он видел Кью, крадущегося у баррикады, спиной к нему.

Он повернул винтовку вниз и прицелился в Кью. Не более пятидесяти метров. Чисто. Легкий выстрел. Цель зафиксирована. Пальцы ларкина дернулись на спусковом крючке.

Еще нет. Но может быть позже. Если будет стрельба, если будет битва, он уберет Кью, и черт с ними, с последствиями. Он уберет Кью его же способом: в битве, когда никто не узнает. Что этот маленький ублюдок тогда сказал? Война грязное дело, Танитец. Беспорядочная, и все деръмо в таком духе. Середина битвы, всякое деръмо летает туда-сюда. Кто заметит, если я

отплачу? Ты будешь всего лишь еще одним телом. Хороший совет, Лайжа Кью. Хороший совет.

Капля дождевой воды упала с крыши сарая и ударила Мюрил по щеке с щелчком. Она вытерла ее, и затем поняла, что не капля произвела звук.

В ее микро-бусине послышался легкий удар.

«Кто там?» сказала она в микрофон.

Тишина.

Она ждала. Что-то двигалось среди деревьев, ноказалось вероятным, что это была всего лишь птица.

Она уже собиралась спросить, сигналил ли кто-нибудь из Призраков в доме, когда фигура оторвалась от деревьев, несясь к ее позиции, перепрыгивая через поваленные деревья и разрывая ногами подлесок. Она подняла винтовку, и у нее был чистый выстрел.

Она замерла.

Это был Жажко. Перепачканный грязью, в порванной униформе, Жажко бежал почти вслепую к ней.

«Жажко!» позвала она. Он резко затормозил, оглядываясь вокруг.

«Стена, приятель, стена! Давай к ней!»

Он снова побежал вперед и перепрыгнул низкую каменную стену, потом заполз на четвереньках в сарай.

«М-Мюрил?»

«Гак! Погляди на себя. Что случилось?»

«Вр-вражеский п-патруль,» заикаясь проговорил Жажко, истощенный и задыхавшийся, он мог едва говорить.

«У меня тут Жажко,» воксировала Мюрил в дом. «Приготовьтесь.» Она оттащила Жажко к стене сарая. Он был в плохом состоянии, исхудавший, бледный и обезвоженный.

«Доложи!» прошептала она.

«Г-где Вен?» спросил он.

Она пожала плечами. «Не видела его.»

«Он должен быть уже тут! Он был впереди меня!»

«Помедленнее! Помедленнее! Расскажи мне, с чем вы встретились. Что вы там нашли?»

«Дерьмо, Мирил,» сказал он, и с трудом поднялся к оконному проему. Он выглянул. «Там их двадцать, может быть тридцать. Они были прямо за мной.»

Ты приняла мой вызов?»

«Только сигнал. Отповедь»

«Гак, я знал, что связь была плохой! Я --» Он замолчал и сполз вниз. «Они тут!» прошептал он.

Она не собиралась сидеть с ним. Она поднялась к окну сарая и выглянула.

Фигуры, три или четыре, приближались сквозь деревья и туман. Большие, в походном облачении.

Несущие лазганы.

Она сразу опознала кроваво-красные мундиры и злобные железные маски. Не Шадик. Совсем не Шадик. Кровавый Пакт.

Как если бы они почуяли ее внезапный страх, три пехотинца Хаоса повернулись и открыли огонь по пристройкам. Лазерные заряды лупили по черепице и разбивали старые кирпичи и камни.

Огневая поддержка – еще три или четыре лазгана и, затем, что-то, чтоказалось автопушками – захлестала из-за деревьев.

Мирил взвизнула и закрыла голову Жажко руками, когда лазерные заряды стали пробивать деревянные доски возле окна и разрывать переднюю часть крыши.

«Контакт!» вопила она в бусину. «Контакт!»

«Золотой Трон!» сказал Фейгор, выглядывая из окна. «Это лазерный огонь! Восемь, может быть девять стрелков.»

Бростин уже был на ногах. Он мельком глянул на Петерика, который закрывал собой старушку в углу чулана.

«У Шадика нет лазерного оружия,» сказал он, в растерянности. «Мюрт? Как они заполучили лазерные пушки?»

«Я не знаю!» резко сказал Фейгор. «Мюрил! Мюрил! Доложи!»

Бусина затрещала, «-- вый Пакт! Повторяю, противник – Кровавый Пакт!»

«Ох, святой фес!» сказал Фейгор.

Каффран слышал сигнал тоже, и его кровь похолодела. Они встречали Кровавый Пакт раньше, на Фантине.

Пакт был преданным авангардом архи-врага. Не культисты, не отступники. Вымуштрованная и натренированная пехота, высоко мотивированная, с отличными навыками и хорошо экипированная. Если они были тут, сражаясь за Республику... тогда, это означало, что сороколетняя война только что радикально изменилась, так же, как и когда прибыла Гвардия в помощь Альянсу. Это перестало иметь глобальное значение. Теперь это действительно стало частью Крестового похода.

Со своей позиции, все, что он мог видеть, это заднюю стену сарая и брызги черепицы и камня, разлетавшиеся во все стороны под сильным огнем. Он жаждал увидеть цель.

«Не стрелять! Ждите, пока они не подойдут!» настаивал Фейгор по связи. Черт с ним! Мюрил и Жажко будут мертвые, если никто не вступит в битву. Ясной дело, что Фейгор не хотел выдавать себя, потому что отряд окопался тут. Пока бы ему не пришлось.

Слегка другой звук появился из окруженного сарая. Воющий треск, с более высоким тоном, первого Имперского лазгана, затем другого. Мюрил и Жажко начали отстреливаться.

Это был отвлекающий маневр, насколько понял Каффран.

«Ларкин!» воскировал он. «Есть цель?»

«Да, Кафф. Минимум две.»

«У меня тоже есть одна,» доложил Гатс.

«Я думаю, что нам самое время приступить к работе,» сказал Каффран.

«Отставить!» прорычал Фейгор по связи. «Они еще не знают, что мы тут! Отставить!»

«Фес это,» сказал Ларкин и сделал первый выстрел.

Сверхзаряженный лазерный разряд пролетел через сад, и голова одного из солдат Кровавого Пакта лопнула кровавыми брызгами, тканью и металлом. Его, почти обезглавленное тело, повалилось в папоротник. Другие стали искать укрытие. Гатс подстрелил одного, попав в бедро и шею.

«Святой фес!» кричал Фейгор. «Я не отдавал приказ! Кто стрелял? Кто, фес его, стрелял?»

«Я,» сказал Ларкин, и выстрелил снова. Цель зафиксирована. Семьдесят три метра.

Еще один выстрел в голову. Солдат Кровавого Пакта отлетел, его ноги слегка били по воздуху, когда он откатывался.

«Думаю, что мы вступили в бой,» сказал Рервал и начал стрелять над лужайкой.

«Как пить дать,» согласился Куу, открывая огонь рядом с ним.

«Святой фес! Да кто-нибудь из вас будет исполнять фесов приказ?» орал Фейгор по воксу, почти в припадке.

В сарае, Мюрил и Жажко отстреливались, и возрадовались, когда первый солдат Пакта упал, затем еще две благодарности выстрелам из дома. Мюрил узнала и восхитилась работой лонг-лаза.

Она выследила еще одного в деревьях, когда он искал укрытие, и залила участок автоматическим огнем, разворочив листву и стебли.

Жажко делал по одному выстрелу. Его оружие следовало за солдатом Кровавого Пакта, который отступал в туманную темноту елей. Жажко спустил курок.

Слепящий заряд попал фигуре в спину и швырнул на землю.

Огонь autopушки продолжал яростно изливаться на сарай, в которос прятались Жажко и Мюрил. После еще пары свирепых очередей, боковая

стена рухнула внутрь, и двум Призракам прошлось выползти из-за внезапно рухнувшей крыши, и быстро отползать назад к дому вдоль садовой стены.

«Кто-нибудь отследил эту фесову пушку?» рявкнула Мюрил.

«Отрицательно, не могу ее увидеть,» voxировал Каффран, его заключение тотчас разделил и Гатс.

«Ларкс? Ты видишь ее?» позвала Мюрил.

«Слишком глубоко в деревьях,» ответил Ларкин. «Не могу увидеть даже вспышек от ствола.»

«Гак это!» сказала Мюрил. Ее и Жажко пришпилили к земле позади каменной стены, и огонь из пушки медленно полз в их сторону. Им нужен был перерыв, достаточное время, чтобы добежать по лужайке до дома.

Но все выглядело так, что времени у них не будет.

«Держитесь, и ждите моего слова,» сказал Ларкин по связи. «Ждите...» Он не мог увидеть команду пушки, даже со своей выгодной позиции на высоте, и он не мог увидеть никакой вспышки. Но он видел линию снарядов от автопушки, когда она вырывалась из леса. Снаряды большого калибра разрывали садовую стену, и выбивали из подлеска пары сока.

Еще несколько секунд, и снаряды будут пробивать стену в том месте, где укрылись Мюрил и Жажко.

Ларкин уменьшил прицел, следя линии трассеров, пока она не исчезла у призрачного источника.

Он сделал корректировку прицела, и выстрелил в деревья.

Внезапно огонь из пушки прекратился.

«Вперед! Мюрил! Вперед!» кричал он, пока перезаряжался и делал еще один выстрел, точно туда же.

Мюрил и Жажко понеслись через сад к баррикаде. Несколько лаз-зарядов ударились возле них, взрывая дерн.

Пушка снова начала стрелять, но сейчас ей недоставало уверенности, как будто кто-то другой встал за нее. Выстрелы бомбардировали заднюю стену сада или пролетали мимо, ударяясь в заднюю стенку дома. Разбило окно.

К тому времени, Мюрил и Жажко уже достигли баррикады и перескочили через нее.

Пушка продолжала поливать огнем.

«Первое, что ты должен выучить,» сказал себе Ларкин, «то это двигаться, если кто-то знает, где ты.» Он выстрелил еще раз, целясь прямо с той же точкой, в которую он уже стрелял дважды. Второй раз за тридцать секунд, пушка внезапно опять затихла.

«Хорошая стрельба, Ларкс,» восхитился Гатс.

Сейчас Каффран чувствовал себя незащищенным. С отошедшими Мюрил и Жажко, сейчас он занимал крайнюю точку в обороне.

Он продолжал изучать край сада, стену, подлесок, вплоть до деревьев.

Ему не пришлось ждать долго.

Как минимум две дюжины солдат Кровавого Пакта вышли из-за деревьев и тали штурмовать заднюю стену, поливая огнем дом. Всем Призракам, даже Ларкину, пришлось залечь, чтобы избежать свирепого огня.

Атакующие теперь использовали заднюю садовую стену и разрушенный сарай, покинутый Мюрил и Жажко, как укрытие.

Каффран стал первым отстреливаться. Он всаживал заряды вдоль обратной стороны стены, которые попали как минимум в одного атакующего и заставили еще нескольких пригнуться. Эта передышка дала возможность Куу и Ларкину вмешаться. Куу поливал заднюю сторону сарая, и Ларкин сделал еще один «горячий выстрел», который попал солдату Кровавого Пакта в грудь.

На востоке, из окна столовой, Гатс постреливал в своем фирменном стиле: медленно, методично, прерывисто. Двое солдат Кровавого Пакта пытались зайти во фланг, пробегая возле боковой стены владения, следуя вдоль изгороди в ров. Гатс снял обоих. Затем третьего, которого сразу не убил. Затем четвертого, который пытался оттащить раненого обратно в укрытие.

Гатсу пришла запоздалая мысль, и он добил раненого ублюдка тоже.

Шквал огня обрушился на дом и баррикаду из центра задней стены. Куу и Рервал отвечали, поддерживаемые Жажко и Мюрил, которые теперь были с

ними у баррикады. Фейгор присоединился, стреляя из окна кухни, и Бростин внезапно выскочил из кухонной двери и пообедал по двору к позиции Каффрана, оставив огнемет. Большой головорез пригнулся позади Каффрана и стал стрелять из пистолетов, по одному в каждой из его мясистых рук.

«Что бы я только, фес, не отдал, чтобы сейчас действовать по старинке,»
пожаловался Бростин. «Я слышу!» сказал Каффран.

Выстрел пролетел мимо них слева. Солдаты Кровавого Пакта двигались на восток, чтобы обойти их с другой стороны. Бростин откатился и выскользнул из теплицы Каффрана, обогнул ее и поднялся над низкой стеной, чтобы встретить трех солдат Пакта, которые прорывались к ним по саду. Его лазпистолеты застремотали, когда он начал обстреливать солдат. Он убил двоих и ранил в руку третьего.

Внизу у баррикады, Куу переключил свой Марк III с автоматического огня на одиночный. Он выцеливал стену сада, ожидая, когда кто-нибудь из Кровавого Пакта внезапно появится и выстрелить. Каждый раз, когда они делали это, он стрелял им в лицо. Три подряд. Четыре. Пятый шлепнулся от одного из выстрелов Ларкина, до того как Куу смог выстрелить.

Пригнувшись за кухонной дверью, Фейгор рискнул высунуться во двор, и пообедал к баррикаде, в то время как на него обрушился поток выстрелов, разрывая штукатурку, кирпич, водосточный желоб, черепицу.

Он присел возле Мюрил.

«Иди к Ларкину!» сказал он. «Я знаю, что у тебя больше нет лонг-лаза, но ты сделаешь хорошего сверху.»

Она кивнула и побежала назад к кухонной двери. Фейгор поднялся и стал стрелять. Он взглянул мельком на Жажко. «Где Вен?» Жажко помотал головой.

Около Жажко, стрелял Рервал и увеличивал счет. Он отчетливо видел, как солдат Кровавого Пакта упал.

Он повернулся, триумфально ухмыляясь Фейгору, когда лаз-заряд попал ему в голову сбоку.

Жажко пригнулся, чтобы помочь ему, но Рервал поднялся без помощи. «Я в порядке,» сказал он, но это так не звучало. Вдоль челюсти, его щека была

разорвана, и кровь стекала у него по шее. Рервал сделал еще выстрел, затем протянул руку и почувствовал разрыв на лице.

«Фес --» невнятно сказал он и упал.

Жажко оттащил его на кухню. Количество крови, вытекающее из разорванного лица Рервала, было необычным. «Помогите мне!» закричал Жажко старушке и парню, съежившихся в углу. Он понятия не имел, кто они такие.

Лазерный огонь полетел через кухонное окно и покрыл плитку на полу стеклянными осколками. Еще несколько выстрелов выбили щепки из кухонной двери. Жажко пытался удержать лицо Рервала вместе.

Старушка перебежала через кухню, пригнувшись, и стала помогать. Она туто зафиксировала рану и стала обматывать ее своим платком.

«Освободи меня! Освободи меня, ради бога! Я могу помочь!» вопил молодой человек. Жажко понял, что тот был привязан к стулу. Жажко встал, подошел к нему и перерезал путы кинжалом. «Я не знаю, почему тебя связали,» сказал он, «но не шути со мной.» Молодой человек – Жажко осознал, каким грязным и небритым он был – метнулся к полевой аптечке Гатса, которую тот оставил на лавочке. Он схватил ее и побежал через кухню к старушке, баюкающей Рервала. Под ней образовалась ошеломительная лужа крови.

«Ты знаешь, что делаешь?» спросил Жажко.

«Я был санитаром. Я знаю, как оказать первую помощь,» ответил парень.

«Не дай ему истечь кровью,» сказал Жажко, и снова побежал в битву.

Лазерный огонь сверкал вперед и назад над лужайкой, свирепый и густой. Каффран подумал, что попал еще раз, но было сложно сказать. Там была, по меньшей мере, дюжина стрелков.

Мюрил пробралась на первый этаж, и пыталась найти окно с наилучшим обзором.

Она могла услышать вой «горячего выстрела» оружия Ларкина неподалеку.

Ларкин снова перезарядился и прицелился. Ему пришлось менять спальни три раза с начала схватки, так что он не стрелял каждый раз с одного и того же места. В дальней спальне он встал на колено и посмотрел в прицел.

Стальной шлем над гротескной железной маской.

Бабах!

Солдат Кровавого Пакта упал. Ларкин перезарядился.

Он охотился на цели. Затылок болел как никогда, и он мог почувствовать кровь.

Время от времени зрение подводило его. Буря лазерного огня, обрушающегося на них, была ошеломляющей. Середина битвы, всякое дермо летает туда-сюда...

Ларкин погладил свой лонг-лаз, и опустил прицел вниз. Лайжа Куу был под ним во дворе, стреляя по холму.

Перекрестье прицела сделало светящуюся рамку за затылке Куу.

Ларкин замер. Он осторожно вдохнул. Его голова сейчас сильно болела, ужасная острые мигрень, которая часто мучила его всю его жизнь.

Он сморгнул пот. Ему фесово нужно было это сделать.

Куу, прямо перед ним. Лайжа Куу. Его заклятый враг. Восплещение его страха. Человек, который убил «Еще Разок» Брагга.

Один выстрел.

Шлепок.

Легко.

Палец Ларкина нажимал на спусковой крючок. Цель зафиксирована. Куу. Девять целых семь десятых метра. Ларкин завыл громким, печальным звуком. Он хотел сделать это, но еще не мог. Он был снайпером, метким стрелком, киллером. Но не убийцей. Он не мог пристрелить одного из своих, даже если это был Лайжа фесов Куу.

Он хотел сделать это. Он должен был. Это была единственная причина. Вот почему он пришел.

Но...

Куу мог бы сделать это без сомнений, думал Ларкин.

Эта мысль, и только эта мысль, заставила его убрать палец со спускового крючка.

«Ларкс! Что за гак ты делаешь?»

Ларкин поднял глаза от своего, аккуратно уложенного оружия. Миорил стояла позади него, шокированная.

«Не делай этого,» сказала она. «Пожалуйста. Я знаю, что ты хочешь. Я знаю, что он заслуживает это. Но не делай...»

«Сехра,» тихо сказал он. «Я все равно не смогу.»

«Это хорошо,» сказал она. «На самом деле, Ларкс. Не опускайся до животного уровня.»

«Ох, фес,» вздохнул Ларкин. Теперь его голова на самом деле кружилась. Перед глазами мерцали цветные вспышки. Она была права. Он был так фесово рад, что не запятнал свою душу так, как Куу свою. Была честь. Была мораль. Был ночной сон, не просыпаясь с криком. Брагг поймет. Где бы он ни был, Брагг поймет.

Ларкин повернулся, и последний раз взглянул в прицел. Куу смотрел прямо на них.

Лайжа Куу видел наведенное на него оружие.

И улыбался.

Бростин и Каффран наконец-то отбросили солдат Кровавого Пакта с левого фланга дома.

Фейгор и Гатс стреляли по задней стене, и Фейгор подстрелил еще одного.

Затем от Кровавого Пакта не раздавалось ни звука.

Призраки ждали. Нет контакта. Нет звука. Дождь пошел сильнее и смыв следы крови Рервала во дворе.

«Отступить,» наконец сказал Фейгор. «Они вернутся,» сказал Каффран.

«Приляг,» посоветовала ему Мюрил.

«Моя голова реально раскалывается.»

«Куу хорошо тебе двинул сковородкой, Ларкс. Я беспокоилась.» Ларкин лег на грязный матрас в комнате наверху. «Я не об этом. У меня головные боли. Действительно плохие. У меня они всегда были.»

«Тем не менее,» сказал Мюрил. «Я думаю, что это от твоей травмы головы. Куу серьезно ударил тебя. Я не хочу предупреждать тебя, Хлэйн, но рану нужно осмотреть. Хотело бы я, ради гака, чтобы Керт или Дорден были здесь.» Ларкин уже потерял сознание на матрасе. Водянистая кровь пропитывала набивку под головой.

«Гак,» сказала Мюрил. «Тебе точно быстро нужен доктор...»

Она замерла. Внизу, она могла слышать, как Фейгор и остальные ремонтируют укрепления и перезаряжаются в ожидании следующей волны.

Она услышала звук спереди дома.

Она подняла лазган и пошла к лестничной площадке. Еще один тихий звук, движение на крыльце.

Она медленно спустилась по лестнице, оружие поднято.

Внизу лестницы она обернулась, и обнаружила, что целится в Куу. Он подмигнул ей.

«Осторожнее, девочка.»

«Ты что тут делаешь?»

«Я что-то услышал спереди дома,» сказал он. Она указала на него своим оружием. «Проверь,» сказала она.

«Почему так враждебно?» спросил он.

«Ты знаешь почему, ублюдок. А сейчас... проверь.» Куу пошел к передней двери, Мюрил наблюдала за ним каждый сантиметр его пути. Он вытащил свой клинок. Куу распахнул дверь.

Кинжал вылетел из его руки, когда высокая фигура схватила его за горло.

«Ты понимаешь, как легко было подойти к передней части этого места?» спросил Мквеннер.

ПЯТНАДЦАТЬ

МОНСТРЫ

«В конце концов, человек с мозгами более опасен, чем человек с мускулами.»

Магистр Войны Слайдо,
из Трактата о Природе Войны

Огнедышащие, как гигантские существа из старого мифа, монстры были перед ними.

Когда монстры рычали, земля тряслась, и воздух становился горячим и едким, в ударной волне. Вспышки света были болезненными и необъятными, как будто приземлившиеся звезды включались и выключались. Звук сотрясал зубы и костный мозг.

Битва в снарядном коридоре заняла семь минут, в пользу Призраков. Противостоя батальону Шадика с немного большим количеством людей, группа внедрения Гаунта потеряла пять человек – четыре Призрака и одного солдата из Банды Сезари Голке. Но их лучшее оружие и, по мнению Гаунта, намного лучшее боевое искусство, оставило около тридцати солдат Шадика мертвыми. Разбитые, остальные отступили.

К несчастью, командующие Шадика теперь знали, что у них незваные гости. Несмотря на открытое приглашение пройти к позиции осадных орудий, предоставляемое коридором, Гаунт и Мколл повели отряд на восток по грязной, бездорожной пустоши наверху.

Местность была темным и холодным, с беспорядочно расположеными старыми линиями колючей проволоки и кучами обломков.

Сорняки и колючий кустарник росли на свалках и зарослях, произрастая вокруг растрескавшихся рокритовых дотов и между осями ржавых грузовиков. Это было старое поле битвы, очень старое, через которое прошла война и оставила позади. Сейчас это была просто мертвая земля, удаленная от фронта Республики.

Призраки тихо пробирались сквозь темный район, направляясь на север, к гигантским выстрелам из орудий. Они держали снарядный коридор в видимости слева, и двигались параллельно ему.

Тут могли быть солдаты, ищащие их. Гаунт был в этом уверен. Даже с продолжающимся огромным наступлением, оттянувшим силы Шадика, вражеские командующие не допустят беспрепятственного подозрительного проникновения слишком близко к их супер-пушкам.

В трех случаях, Призраки прятались в укрытия, когда разведчики предупреждали их о патруле Шадика в коридоре. Гаунту не нужна была еще одна схватка на этой фазе. Лучше спрятаться и подождать, и двинуться дальше, как только опасность минует.

Ночное небо было янтарным, слегка окрашенным широкими пончиками дыма, плывущими от орудий. Иногда, проблескивала луна, оранжевый полукруг, появляющийся и исчезающий в облачных выхлопах.

Примерно через три часа, после того как они вылезли из туннеля мельницы, они забрались на гребень, с которого можно было увидеть орудия.

Монстры.

Было физически тяжело наблюдать их непосредственно. Последние сорок минут Имперцы продирались через пустошь, которая делалась нереальной от всемогущих вспышек, появлявшихся над черным горизонтом. Они почти привыкли к звуку и свету, и дрожащей почве.

Но смотреть на пушки было практически невозможно. Вспышки притупляли взор, оставляя идиотские повторяющиеся мерцания на сетчатке. Ударные волны приходили как сильные шлепки. Выстрелы чувствовались, как будто они взрывают перепонки. Белтайн доложил, что импульсы уничтожили всю ВОКС-связь.

Лежа на земле, почти у края гребня, с рассредоточившимися позади него людьми, Гаунт обдумывал свой следующий шаг. Он чувствовал, как чувство разочарования грызет его. Они подошли так близко, не смотря на все предположения, за исключением его собственного, и сейчас они не могут сделать последний рывок.

Это напоминало один из мифов, которые он читал, будучи ребенком в схоле прогениум. Монстры, такие жуткие, что любой их вздох или взгляд ослепляли человека и обращали в камень.

Он достал планшет и компас. По крайней мере, с чем-то он закончил. Теперь они знали точное расположение осадных орудий. Без других вариантов, их приказ теперь был доставить эту информацию в Генеральный Штаб Альянса. И это означало физически, потому что вокс был мертв.

Гаунт повернулся к Мколлу и сержантам, и использовал язык знаков Вергхаста, чтобы передать свое намерение двинуться назад и выбраться. На полпути вниз по гребню, случилась жуткая вещь. Наступили тьма и тишина.

Эта было не полная тишина. Далекий, яростный шум атаки был теперь слышен, и на самом деле была не полная тьма, из-за подсвеченного окружающего фона.

Но пушки прекратили огонь.

Гаунт заполз назад на гребень. То, что он мог лишь смутно разглядеть ранее, сейчас лежало прямо перед ним внизу. Монструозные пушки, каждая на огромной рельсовой станине, массивные снаряды, размером с фабричную трубу, поднятую к небесам. Тут было семь пушек, как и предполагал Бонин. Дым толстым слоем покрывал землю вокруг них, как туман, размывая очертания и искажая голое белое свечение химических фонарей, расставленных по всей области. Гаунт видел фигуры, двигающиеся вокруг, орудийные команды, кажущиеся карликами на фоне огромных пушек на рельсах. Электрические лебедки и погрузочные платформы, которые использовали для подачи снарядов в автоматические заряжающие механизмы, теперь были заняты для удаления использованных гильз и кассет для взрывчатых веществ с огневого пункта. Несколько загруженных платформ были прикреплены к засаленному маневровому двигателю, который с пыхтением начал толкать их вниз по снарядному коридору.

«Как ты думаешь, почему они прекратили стрелять?» прошептал Голке.

«Они стреляли всю ночь,» ответил Гаунт. «Я думаю, что настал момент, когда стволы стали слишком горячими, и надо позволить им остить. Бог-Император! Теперь, когда мы их нашли, что нам делать?» Голке пожал

плечами. Даже спящие, огромные орудия и их клепаные стальные платформы казались неуязвимыми.

Смазка и конденсат капали с огромных пилонов амортизаторов, и цеплялись блестящими каплями к натянутым тросам снующих лебедок. Снаряды сами по себе были выше человека.

Призраки доказали свою храбрость, упорство и способности Голке, без сомнений, но что они могут, с лазганами или даже трубчатыми зарядами, сделать против таких джаггернаутов?

«Я не думаю, что есть какой-то шанс что-то с ними сделать,» сказал Мколл Гаунту, словно прочитал мысли Голке. «Я думаю, что фес как смог бы навсегда заставить замолчать пушку или мортиру, но я не могу понять, откуда начать с одной из этих штук. Не говоря уже о семи.»

«А что насчет боеприпасов?» предположил Домор.

Гаунт думал об этом. Никто из них не был экспертом-подрывником. Навыки Домора в обращении с фугасами были самыми близкими к тому, что им нужно. Хотя большой взрыв был основным результатом, который он искал, он не хотел возиться со снарядами или кассетами.

Они даже не знали, какие смеси использовал Шадик, или какой тип взрывчатки или топлива. Они могли организовать большой взрыв, но могло получиться так, что он испепелит их и оставит пушки на месте. Кроме того, Шадик доставлял запасные боеприпасы, как они видели.

Они знали риски.

«Я думаю, что мы должны уменьшить наши потери,» сказал Гаунт. «Доставка этих координат в Генеральный Штаб хорошее дело само по себе, и я думаю, нам придется довольствоваться этим.»

«Если мы не можем испортить эти пушки сами,» внезапно сказал Дорден, «то почему бы не усложнить их использование?»

«Что, доктор?»

«Их мобильность. Они слишком большие, чтобы нам с ними связываться, так что мы используем их размер против них. Как вы себе представляете возможность передвигать одну из этих штук без рельс?»

Гаунт тихо рассмеялся про себя. Очевидно, элегантно, просто. Республика построила основную сеть ширококолейных железных дорог вдоль всего фронта, соединенную сервисными линиями, запасными ветками и снарядными коридорами, так что осадные орудия могли перемещаться с одной огневой позиции на другую.

В местах, подобных тому, на который они смотрели, двойная линия железной дороги ответвлялась к укрепленному ответвлению, так что пушки могли стоять рядом. Но основная двойная линия железной дороги, была единственным путем для передвижения.

«Что у нас есть по трубчатым зарядам?» спросил Гаунт Мколла.

«Достаточно, чтобы взорвать основную линию железной дороги тут и не дальней стороне, на неплохое расстояние.»

«Они починят их,» сказал Голке.

«Конечно, но сколько им на это потребуется, сэр?» спросил Гаунт. «День? Два дня? Кроме того, бесполезно будет пытаться напасть на эту зону, если к тому времени, когда у нас будет авиаудар или танки, пушки снова смогут двигаться. Вообще-то я не думаю, что у нас есть выбор. Нам нужно взорвать железнодорожную линию. Если мы еще выведем из строя и снарядный коридор, то они не смогут даже стрелять из пушек, не говоря уже о том, чтобы сдвинуть их, пока не будет сделан ремонт. » Голке кивнул. «Как мы это сделаем?» спросил он.

Они разбились на, примерно, равные четыре группы. Отряд Мколла должен был обойти огневую позицию, и перерезать секцию пути к северу от пушек. Гаунт дал ему десять минут, чтобы добраться до позиции. Отряд Домора отправился на восток, чтобы заминировать снарядный коридор. Отряд Аркуды отступил на запад, справа от хребта, чтобы установить заряды вдоль южного участка. Гаунт остался с взводом Крийд и частью взвода Раглона на гребне, готовые оказать огневую поддержку, если что-то начнется.

В идеале, взрывы должны произойти практически одновременно. Координироваться было тяжело без вокса. Гаунт синхронизировал с ними хронометр. Крайний срок был назначен на 04.00. Заряды должны быть установлены к этому времени. В 04.00, каждый командир отряда должен запустить красную сигнальную ракету, чтобы показать готовность, затем

Гаунт запустит белую ракету, как приказ к подрыву. Если какая-нибудь из красных ракет не будет запущена вовремя, тогда Гаунт подождет две минуты. После этого, белая ракета будет запущена в любом случае и они отступят. Они договорились встретиться в пустоши.

«Помните,» сказал им Гаунт, «если придется сделать выбор между соблюдением срока и подрывом путей, взрывайте пути. Мы всегда можем сымпровизировать, если придется. Император защищает, так что служите ему хорошо.»

Оставалось две минуты до четырех. Звуки битвы все еще доносились с фронта. Команды прикрытия, оставшаяся на гребне, нервно ожидала. Они чувствовали себя уязвимо и одиноко, так как их было не так много.

Белтайн вставил белую ракету в сигнальный пистолет и дал его Гаунту.
«Предохранитель убран, сэр,» сказал он.

«Проблема!» экстренно прошипела Крийд. Гаунт посмотрел, куда она показывала. Отряд солдат Шадика входил в огневую зону осадных орудий из траншеи к западу от них. Гаунт насчитал как минимум шестьдесят человек. Одетые в длинные мундиры и шлемы, оружие наготове и опущено в руках, они искали между орудийными платформами и зарядными лебедками.

Они ищут нас, подумал Гаунт. Ищут лазутчиков.

«Приготовьте оружие,» окликнул он солдат. «Ждите моего слова.» У некоторых солдат Шадика были фонари. У двоих были своры рычащих собак.

Гаунт засунул сигнальный пистолет в карман и достал болт-пистолет. Полная обойма. Он обнажил свой силовой меч и положил на землю рядом с собой.

Дальше в шеренге, Призраки из отрядов Крийд и Раглона вставляли новые обоймы в свои Марк III, и прикрепляли клинки к стволам, каждый солдат сначала втыкал боевой нож в почву, чтобы заглушить его блеск.

Голке и солдаты Банды Сезари приготовили свое высококалиберное оружие.

Еще минута.

Будьте вовремя, все вы, желал Гаунт. Будьте вовремя.

Внезапно раздались тревожные свистки. Вражеский отряд сорвался и побежал, потоком устремляясь на восток. Гаунт увидел дульные вспышки и услышал треск винтовок.

Они направлялись в снарядный коридор. Команду Домора обнаружили.

«На них!» прокричал Гаунт. «Первый и Единственный!» Отряд прикрытия рванул с гребня и спустился по склону, полыхая оружием. Отряд Шадика заколебался от внезапного огня слева от них. Призраки неслись на них.

Гаунт был прямо по центру. Его болт-пистолет взывил и разорвал вражеского пехотинца на части.

Его величественный клинок, силовой меч Иеронимо Сондара, подаренный ему в благодарность людьми улья Вервун, сверкали голубыми молниями. Рядом с ним, Балтайн палил с плеча, пока бежал, вонзая яркие лаз-заряды в шинель врага.

На расстоянии от Белтайна, Крийд подгоняла своих Призраков, развертывая их в правильные группы даже в рукопашном бою импровизированной атаки.

Я сделал правильное решение насчет Тоны, подумал Гаунт.

Секундой позже, боец Шадика был перед ним, делая выпад зазубренным штыком. Гаунт отразил его мечом, срезая половину винтовки, вместе с рукой. Болт-заряд повалил человека прямо перед ним.

Огнемет Луббы ревел и освещал ночь. Гаунт видел, как два солдата Шадика шли, пошатываясь, прочь, объятые огнем с головы до пят. Хвлан, Вулли и Колеа двигались бок о бок. Казалось, что Колеа забыл, как работает лазган. Он выкашивал врага своим штыком, срезая их, как стебли, разбивая, как шахтер руду.

Это было пятном безумия, убийством лицом к лицу. Голке стрелял из револьвера, пока он не опустел, и затем подобрал пистолет-пулемет солдата Шадика, который пал на дорожное полотно железной дороги.

Один из людей из Банды Сезари около него забился в конвульсиях, когда выстрелы из винтовки пролетели сквозь него. Голке обернулся и выстрелил из своего компактного оружия, валя на землю троих вражеских солдат.

«Еще идут!» прокричал Раглон сквозь шум битвы. Гаунт мог видеть, как еще один отряд солдат Шадика устремляется из восточной траншеи на помочь первому. Гранаты оглушительно гремели и вспыхивали в ночи.

Отряд Домора был прикован к земле, а затем отброшен первым обстрелом. Они укрылись вокруг припаркованной снарядной платформы, в около двухстах метрах дальше по коридору.

«Сэр!» прокричал Белтайн. Гаунт посмотрел наверх и увидел две красные сигнальные ракеты. В окружающем безумии, он почти пропустил сигналы от Мколла и Аркуды.

Два из трех. Достаточно хорошо. Это должно быть сделано.

«Прекратить и отступить!» проорал он, и выпустил белую ракету.

Как только мертвый свет белого сигнала расцвел над ними, ярко-желтый взрыв прогремел к северу, и затем другой, секундами позже, к западу.

Отряд прикрытия, отстреливаясь пока отступали, пробивался наверх гребня и дальше во тьму пустоши. Они оставили подъездной путь и дорожное полотно заполненными трупами солдат Шадика.

Гаунт проверил направление на светящемся циферблате компаса. Они были на правильном пути к точке встречи. «Пересчитай всех!» приказал он Белтайну.

Позади них, желтый свет мерцал в ночи. Основная железная дорога была перерезана как с севера, так и с юга.

Через две минуты отряд Аркуды появился из темноты. Затем отряд Домора прорвался, запыхавшийся.

«Мне жаль, сэр,» задыхаясь сказал Домор. «Мы почти заложили заряды, когда они ударили по нам. Я пытался вернуться и закончить дело, но они закрепились.»

«Не беспокося, Домор. Ты сделал все, что смог. Мы ударили по основной транзитной линии, это важно.

Эти пушки никуда не сдвинутся.»

«Но они все еще могут стрелять, потому что коридор остался открытым для снабжения.» Домор смотрел с разочарованием.

Гаунт схватил его за плечи. «Ты все хорошо сделал, Шогги. На самом деле. Ты сдела все, что смог, это все, о чем я всегда прошу. Мы останемся тут, пока отряд Мколла не вернется, и затем повеселимся, выбирайся отсюда. Хорошо?»

Домор кивнул.

Появился Белтайн. «Мы потеряли нескольких, сэр, остальные тут. За исключением --»

«За исключением?»

«Граф Голке, сэр.»

Солдаты Шадика ходили вокруг огневой позиции, и рассеивались по линиям, осматривая повреждения с фонарями. Две огромных воронки зияли на путях, с каждой стороны от расположения осадных орудий. Еще больше солдат, закутанных в тяжелые, серо-коричневые шинели и траншейную броню, тащились на юг по путям коридора, собирая тела. Один позвал офицера, когда нашел наполовину уложенные трубчатые заряды между шпалами.

Граф Голке полз между шасси снарядной платформы, всего лишь в двадцати метрах от ближайшего вражеского солдата. Он смотрел, как они сгруппировались и перерезали провода, соединяющие трубчатые заряды, убирая их с дороги. Офицер поднял руку и пролаял приказы, посылая отряд из, примерно, десяти человек проверить платформу.

Солдаты приближались, с винтовками наготове, свет мерцал на шлемах и штыках.

Голке с трудом зашел за другой конец платформы. На самом деле это была линия их трех платформ, загруженных кассетами с взрывчатыми веществами, ожидающая, когда следующий маневровый двигатель потянет ее на склад боеприпасов.

Голке забрался на платформу посередине. Это было тяжело, с его бедром. Он морщился от боли и ворчал.

Рана от пули в груди делала это еще тяжелее.

Он залег наверх, и сел между ящиками с канистрами. Он улыбался. Он вернулся в Карман, встретился со своими демонами, и прошел через это. Теперь он собирался прийти к своей победе. Это с него причиталось.

То, что он провалил, как командующий, он сделает, как солдат.

Вражеские солдаты были вокруг платформы. Он мог расслышать их голоса. Один закричал. Он нашел следы крови Голке.

Голке слышал больше голосов, и сапоги, стучащие по металлической лестнице платформы.

Эти голоса Шадика. Голоса врага.

Голке хотел, чтобы вся война была такой же простой, как то, что он собирался сделать.

Он закашлял, и кровь потекла у него изо рта по подбородку. Голке услышал звук щелчка затвора.

Он поднял трубчатый заряд. Он был единственным, который ему удалось вытащить из пачки, которую команда Домора привязала к рельсам. Для еще нескольких времени не было.

Он не был уверен, как заряд работает, но на нем был бумажный ярлычок, который выглядел как запал.

Он чувствовал шаги на платформе. Солдат Шадика появился у ящика справа и закричал, когда увидел лежащего Голке.

Солдат поднял винтовку.

«За Императора,» сказал Голке, и оторвал ленту.

Трубка воспламенилась. Канистры вокруг разорвались. Кассеты со взрывчаткой загорелись. Взрыв осветил долину на секунду. Сто метров снарядного коридора и земли вокруг него исчезли в столбе пламени.

ШЕСТНАДЦАТЬ

ОТПОВЕДЬ

«Я ненавижу последние бои. Никогда нет удобного случая попрактиковаться для них.»

- Пайет Гатс

Небо было полно звезд. Они были розовыми, и отчасти вытянутыми. На горизонте, пачки белых фейерверков танцевали и взрывались, как салюты на параде победы. Воздух пульсировал странным жужжащим звуком, как стонущий человеческий голос, появляющийся и исчезающий на грани слышимости. Тень внезапно накрыла звезды. Большая тень, которая заполонила небо. «Проснись,» сказал голос.

Он повиновался, двигаясь. Странное небо, с жуткими, неправильными звездами, исчезло. Он чувствовал холодный воздух и стук капель приближающегося дождя.

«Ларкс,» сказал Брагг, «время проснуться.»

«Еще Разок?»

«Еще Разок» Брагг улыбался своей большой, доброй улыбкой. «Время проснуться,» сказал он.

Ларкин моргнул и быстро сел. Движение вызвало головокружение, и он почувствовал тошноту. Он чувствовал себя так, как будто в заднюю часть мозга кто-то постоянно вонзил девяносто семь раз. На краю зрения, танцевали неясные огни и взрывались фейерверки.

Он был на грязном матрасе в сырой спальне дома. Снаружи пеленой шел дождь, сопровождаемый молнией. Был поздний вечер.

Брагга тут больше не было.

«Увидимся,» сказал Ларкин.

Помимо дождя, было тихо, с тех пор, как они отбили штурм.

Они ремонтировали укрепления, и добавляли еще несколько по совету Мквеннера.

Разведчик объяснил, как он и Жажко убежали от Кровавого Пакта, пока не стало поздно, предыдущей ночью.

Большой патруль, который, как был уверен Мквеннер, был всего лишь передовой частью большого наступления.

Шадик получил подкрепление извне в виде элитной пехоты архиврага, и первым шагом этой элиты стало проложение пути для вторжения через Монторкский Лес.

С иронией, Каффран думал, что боевые группы как Имперцев, так и Хаоса, дали один и тот же совет воюющим государствам Айэкс Кардинала.

Рервал был стабилен, благодаря навыкам первой помощи дезертира, хотя и слаб от потери крови. Они положили его в гостиной, и Каффран попросил Петерика приглядеть за ним. Никто больше не выражал недовольства тем, что Петерик больше не связан. Старушка осталась с ними и разожгла камин в гостиной.

Без Рервала, Мквеннер работал с вокс-передатчиком, и послал более детальный повтор первоначального сообщения. И снова, ответа не было. Все еще невозможно было сказать, услышал ли кто-нибудь одно из двух предупреждений.

«В любом случае, мы тут закончили,» объявил Фейгор. «Я имею ввиду, теперь Вен и Жажко вернулись. Мы знаем ситуацию. Так что мы можем сейчас отсюда уйти. Просто встать и уйти.»

«И как далеко мы уйдем?» спросил Мквеннер. «Со старой женщиной и человеком, который не может идти?»

Фейгор пожал плечами. «Тогда мы, фес их, оставим их тут! Я знаю, жестоко. Мне это не нравится. Но разве мы не вынуждены доставить предупреждение? Я имею ввиду, вокс, возможно, накрылся. Мы не справимся с нашим долгом, если не уберем отсюда свои задницы и не попытаемся доставить сообщение для командования.» Мквеннер нахмурился. Он не хотел думать над темой, поднятой Мюртаном Фейгоро, и об невыполнении долга.

«Он прав,» вместо этого сказал он, удивив всех, включая Фейгора. «До определенного момента, в любом случае. Мы должны принять во внимание, что вокс сдох. Мы должны доставить предупреждение в Инс Арбор, или все обернется первоклассным фесом. Но даже без старой леди и Рервала, даже двигаясь так быстро, как мы можем, я не думаю, что мы оторвемся от них. Они быстры, они хороши и они прямо у нас.»

«Поэтому?» спросил Кью.

«Поэтому, мы будем поддерживать оборону тут. Так долго, как сможем. Мы зайдем Кровавый Пакт прямо тут.»

«Потому что?»

«Потому что мы выиграем время для кого-то, кто доставит сообщение. У кого-то шустрой может быть шанс, если вражеская атака задержится тут. »

Каффран, Мюрил и Жажко мрачно смотрели. Фейгор помотал головой. Гатс сел, высказывая неодобрение. Бростин прорычал какое-то проклятие.

Куу задал очевидный вопрос. «Кто пойдет?»

«Кто шустрой?» ответил Мквеннер. «Ты,» сказал Фейгор.

«Я останусь здесь,» сказал Мквеннер. Он предложил план. Он не будет оставлять тяжелую часть им.

«Тогда Мюрил или Жажко,» сказал Фейгор. «Может быть Куу. Он быстрый.»

«Кто решит?» спросил Каффран.

«Я,» сказал Мквеннер, и никто не спорил. «Жажко. Подиешь ты. Возьми абсолютный минимум, так что ты будешь налегке. Не останавливайся ни для чего.»

Молодой житель улья Вервун кивнул. Он тяжело глотал. Груз ответственности пугал его. Так же как и доверие Мквеннера. Хуже всего была мысль оставить их. Они собирались умереть, чтобы выиграть ему время.

«Давай,» сказал Мквеннер. «Выдвигайся. У нас нет времени.» Они все попрощались с Жажко. Каффран и Гатс помогли ему снять экипировку, и пожелали удачи.

Фейгор пытался сказать что-то, а затем просто кивнул, не находя слов.

Бростин похлопал его по спине и сказал ему, что он не облажался. Мюрил наполнила пару фляжек водой и дала ему в дорогу.

«Удачи,» сказала она.

«Я хотел бы, чтобы он выбрал тебя,» сказал ей Жажко.

«Я тоже,» улыбнулась она, «но не по той причине, о которой ты думаешь.»

«Ты можешь сделать это, Жаж,» сказал Куу, подмигивая курсанту-разведчику. «Как пить дать, ты можешь.» Жажжо вышел из передней двери, в дождь и плохой цвет.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Мквеннера. «Сэр, я --»

«Иди,» сказал Мквеннер.

И Жажжо ушел.

Мквеннер закрыл на засов переднюю дверь. Фейгор уже расставлял оставшихся членов отряда по огневым позициям. Он отправил Мюрил на первый этаж, чтобы она проверила, в каком состоянии был Ларкин, и заняла снайперскую позицию. «Используй лонг-лаз Ларкина, если он будет не в состоянии,» проинструктировал Фейгор.

В холле, она прошла мимо Мквеннера, возвращающегося от передней двери.

«Сэр,» сказала она.

«Солдат?»

«Я знаю, что все обернулось... плохо,» начала она. «Но для протокола... если это чего-то стоит... Я бы хотела, чтобы вы воспринимали меня более серьезно, во время этого патруля.»

«Ты не думаешь, что я тебя воспринимал всерьез?»

«Я хочу быть разведчиком, сэр. Всю дорогу, вы отдавали предпочтение Жажжу, забирая его с собой. Даже сейчас, даже это. Ему доверили эту пробежку.»

«Ты знаешь, почему я выбрал его, а не тебя?»

«Нет, сэр.»

«Ты лучше стреляешь, Мюрил. Ты нужна нам здесь. Когда мы... если мы вернемся, я представлю рекомендации Мколлу. В разведчики.»

«Для Жажжу?»

«Для вас обоих. Я был впечатлен твоей работой с самого начала. Жажжо нужно было немного подтянуть.»

Она открыла рот, затем опять закрыла. Она не была уверена, что сказать.

Затем удобный случай, как бы то ни было, ушел. Оба рванули, когда услышали шквал взрывов позади дома.

Девятнадцатый отряд установил половину своих трубчатых зарядов в подлеске и салях, вдоль заднего участка. Бростин нашел несколько бобин с бечевкой в подвале, и они поставили ловушки.

Первые незваные гости, вошедшие в сад, неловко двигавшиеся под сильным дождем, задели бечевку сапогами. Целая гроздь взрывов расцвела позади и полностью их уничтожила. Еще две ловушки были активированы у рва на восточной стороне сада. Солдаты Кровавого Пакта, до сих пор не видимые в ливне, начали стрелять в дом. Защитники в доме ответили несколькими бескураживающими выстрелами. Через минуту, или около того, еще одна вспышка и взрыв появились на левой стороне поместья, когда была взведена еще одна пачка зарядов.

Стрельба прекратилась. Кровавый Пакт отошел.

Мюрил пошла за лонг-лазом Ларкина, но нашла оружие в его руках. Он пригибался у одного из окон спальни, всматриваясь в дождь снаружи. «Ты в порядке?» спросила она.

«Ага,» сказал он. Он так не выглядел. Он выглядел чудовищно. Его узкое лицо было почти белым, за исключением синевато-багрового синяка, а его глаза были темными впадинами.

«Я чувствую себя лучше,» сказал он. «На самом деле. Я чувствую себя лучше, чтобы... не поймать выстрел.»

«Хорошо,» сказала она. «Мы достанем Кью, Ларкс. Выберемся и достанем его. Я видела, как он пытался убить тебя, помнишь? Мы поговорим с Корбеком. Расскажем ему все.»

«Окей,» сказал Ларкин.

«Я имею ввиду... Кью, Фейгор, Бростин... Гатс тоже, наверное. Они должны быть наказаны за то, что сделали тут. Фейгор фактически дезертировал на несколько дней. Я не поверю, если Вен не сделает полный отчет. И мы предоставим наш полный отчет, насчет Кью.»

«Хорошо,» сказал он.

«Итак... ты в состоянии поохотиться?»

«Ага,» кивнул он, устанавливая свой лонг-лаз.

«Я буду внизу в последнее спальне.»

«Окей.»

Она исчезла. Он повернулся к своему прицелу. На мгновение, он совсем не мог видеть сад или кромку леса. Только вытянутые розовые звезды и фейерверки.

Он моргнул, потом еще раз, пока зрение не очистилось.

Через полчаса вернулся Кровавый Пакт. Во временном доте теплицы, Каффран подумал, что увидел движение в дожде, и вытянул голову над краем старого остова кровати и мешками с землей.

Он слышал звук. Глухой выход и вой после него. Потом еще. Потом еще один.

Он знал этот звук.

«Снаряды!» закричал он.

Первый минометный снаряд проделал дыру посередине лужайки, и выбросил в воздух куски земли. Другой, метеором вонзился в восточную стену сада, и каменная крошка начала опадать вместе с дождем. Третий ударил по угольному бункеру.

Снаряды продолжали падать, разрывая лужайку позади дома яростными взрывами. Затем автопушки открыли огонь с кромки леса, прошивая заднюю часть дома.

Мквеннер был у баррикады вместе с Куу. В любой момент, минометные снаряды могли сровнять с землей теплицу, и Каффарана вместе с ней.

«Отступай! Кафф, отступай!» кричал он. Прочная структура дома сама по себе, по меньшей мере, предоставляла какую-то защиту.

Каффран свернулся в защитную позу, пытаясь отслеживать, что там снаружи. Снаряды взорвался прямо снаружи, встряхнув теплицу и обдав его грязью.

«Каффран!»

«Подожди!» прокричал он в ответ.

Под прикрытием яростного огня минометов и огнем пушек, солдаты начали штурм. Каффран мельком увидел фигуры в красном, вливающиеся на лужайку по булыжникам, некоторые крались вдоль боковых рвов или вдоль того, что осталось от боковой стены. Теперь огнестрельное оружие тоже к ним заявилось.

Он ждал так долго, как только отважился, пока вражеские фигуры почти не дошли до солнечных часов посередине лужайки.

Он рванул бечевку в руке. Она была прикреплена к запалам оставшихся у них трубчатых зарядов, закопанных на лужайке. Последовала быстрая серия взрывов, поднявшая два или три тела в воздух.

Удовлетворенный, Каффран вылез, и стал пробираться позади теплицы во двор.

Лаз-заряды летели позади него. Фугас взорвался в саду кухни слева от него, а затем другой ударил прямо по теплице.

Взрыв опрокил его навзничь. Мквеннер бросился к нему и потащил к двери кухни, где Бростин прикрывал их. Кую уже забежал внутрь, спасясь от шквала огня.

Мквеннер затащил Каффрана на кухню в тот момент, когда еще два снаряда ударили по баррикаде и останкам угольного бункера. Куски камня осипали заднюю стену дома. Все, кто стрелял из окон, пригнулись. Еще один снаряд ударил по восточной стене, и обрушил крышу на кладовую с ужасным треском.

«Порядок?» поспешил спросил Мквеннер Каффрана. Каффран был в оцепенении, и его плечи и голени были покрыты порезами от шрапNELI.

«Нормально!» с трудом сказал он, и поднялся, чтобы присоединиться к Бростину у двери. «Приготовь огнемет!» сказал Мквеннер.

«Они скоро будут на расстоянии его действия!»

Дом затрясся, когда в него попал еще один минометный снаряд. Разбитая черепица лавиной сползла во двор. Солдаты Кровавого Пакта теперь

заполонили лужайку позади дома, идя низко пригнувшись на дальней стороне баррикады и у разбитой в клочья теплицы. Толстый слой дыма и вспышки от взрывов затуманивали почти весь вид. Призраки стреляли в любую цель, которую могли разглядеть. С первого этажа, Мюрил и Ларкин настреливали больше всех.

«Кто-нибудь поднимитесь наверх!» крикнул Фейгор, стреляя из окна на кухне. Куй поднялся и побежал.

«Справа! Они обходят нас с фесового права!» Гатс кричал по связи из столовой. Мквеннер подошел к кухонной двери и присмотрелся на восток. Сквозь горящие остатки от угольного бункера, он мог видеть лазерный огонь Гатса по ограде у рва, простирающейся к одной стороне дома.

«Продолжай, Гатс!» прорычал он. «Заставь их пригибаться! Я обойду их, и мы их накроем перекрестным огнем!»

«Принято!» ответил Гатс.

Мквеннер побежал из кухни по холлу, и открыл переднюю дверь. Дом сотрясался от стука ружейного огня и обстрела минометов. Кастрюли и сковородки на лестнице задрожали и стали расплескивать содержимое, когда затрясся весь дом. Он почувствовал чрезвычайно громкий взрыв, который звучал так, как будто минометный снаряд упал на крышу. Мквеннер осознал, что это был всего лишь гром, раздавшийся прямо над ними.

Он открыл дверь и рванул в дождь с поднятым оружием, двигаясь с восточной стороны здания. Рев битвы разливался вокруг с другой стороны.

Кровавый Пакт уже прорвался свозь изгородь у рва на лужайку перед домом. Один заметил Мквеннера, но разведчик застрелил его до того, как он смог поднять оружие или закричать. Он выстрелил снова. Еще двое упали назад на изгородь.

Еще трое открыли огонь, и Мквеннеру пришлось нырнуть обратно к крыльцу.

Лаз-заряды зашумили по каменным столбам крыльца. Из укрытия, он подстрелил двоих атакующих, и затем рванул к изгороди, надеясь обстрелять ров.

Граната вылетела из дождя. Мквеннер бросился в сторону, но, тем не менее, взрыв поднял его и швырнул в высокую мокрую траву лужайки.

Он пришел в себя мгновением позже, чтобы увидеть железную маску, нависшую над ним, и лезвие, направленное к его горлу.

Мквеннер откатился и ударил его по ногам, опрокидывая солдата Кровавого Пакта. Еще один сделал выпад штыком в Танитца, но Мквеннер схватил ствол, вырвал его из рук врага, и убил его яростным ударом приклада. Лаз-заряд пролетел к нему почти в упор, но Мквеннер припал к земле, затем поднялся, резко воткнув штык захваченного оружия в живот третьего атакующего. Не оглядываясь, он ударил назад, ломая шею первого, который пытался подняться с травы.

Но подходило еще больше, намного больше. Почти дюжина, стремительно направляясь к нему, кое-кто стрелял. Он уклонился от еще одного штыка, и лаз-заряд пролетел через его правое бедро. Подогретый болью, он воткнул клинок захваченного оружия в шею ближайшего захватчика.

Лазерный огонь в автоматическом режиме пронесся над лужайкой, оставляя следы пара в ливне. Три солдата Кровавого Пакта сразу упали, затем четвертый. Мквеннер открыл огонь из своего лазгана и подстрелил еще двоих до того, как повернуться и пообедать к крыльцу.

В дверях крыльца стоял Петерик, яростно стреляя из лазгана Рервала. В автоматический режим.

Оставшиеся солдаты Кровавого Пакта бросили на лужайке, как мертвых, так и спасающихся бегством.

Мквеннер рухнул рядом с ним. «Спасибо тебе,» сказал он.

«Вам нужно обработать рану на ноге,» сказал Петерик. «Я сделаю это позже, если это позже наступит,» сказал Мквеннер. «Прямо сейчас нам нужно удержать переднюю часть дома. Сделаешь это?» Петерик кивнул.

«Да, сэр. Сделаю.»

Позади дома, серия минометных снарядов ударила по двору, и тротуарная плитка пролетела через стену кухни. Еще два снаряда попали в кладовую, которая уже была разрушена. Каффран и Фейгор присели позади железной печки, стреляя через дыру, которая когда-то была основным окном. Дверь кухни была сорвана с петель, но Бростин стоял в проеме, поливая из огнемета.

Трио солдат Кровавого Пакта выскоились из-за баррикады и атаковали кухню. Бростин окатил их и они вспыхнули на ходу, гранаты, которые у них были сдетонированы и покрыли разбитый двор металлическими осколками, кусками костей и горящими клочками ткани.

Бростин дозаправил огнемет, и послал вторую струю над баррикадой, шипящей в дожде. Они могли слышать крики. Вражеский солдат, с горящими спиной и ногами, безнадежно пытался убежать к теплице, но упал от выстрела Фейгора.

У Бростина была печально известная склонность к огню. Теперь, когда враг был в досягаемости, он начал окатывать жидким огнем баррикаду и стену сада кухни, плавно двигая его под углами, под которыми лаз-заряды не могли в него попасть. Он омыл зеленый дом, сделанный из сруба, полотном горячего, оранжевого огня, превращая в пузыри старую краску и поджаривая дерево, а затем воспламенил его копьем голубого, сверхгорячего пламени. Другой вражеский голос зашелся в крике. Буря взрывов подожженных гранат добавилась к бушующему огню.

Минометный снаряды все еще падали. Каффран взродогнул, когда услышал, что одна пролетела через крышу.

Пушечный огонь крошил заднюю стену, разрушая незащищенный кирпич и камень. Известь, покрывавшая дом, давным-давно была уничтожена.

Фейгор посмотрел на Каффран, когда они прятались от еще одного залпа.

«Ради этого ты хотел остаться тут?» спросил он с сарказмом. Голос Фейгора всегда звучалsarкастически, но сейчас это было по-настоящему.

«Нет,» сказал Каффран. Он указал на Танитский полковой значек на куртке. «Я хотел остаться ради этого.»

Огнемет Бростина снова шумел и свистел. Вонь горящего прометиума наполнила кухню.

«Они наступают!» закричал Бростин. «Они наступают!»

Это конец, Ларкин знал это. Дом пастора разваливался на части под минометным обстрелом, а позади дома шел штурм вражеским подразделением, размером с батальон. Кровавый Пакт так же был в боковом рве, он мог слышать это, и вокруг передней части дома.

Он сделал выстрелы, какие мог, сбивая на землю ярко-красные фигуры на лужайке и позади баррикады. Но можно было быть уверенным только в одном. Снаружи было намного больше вражеских солдат, чем у него было «горячих выстрелов» в ранце.

Интересно, выиграли ли они достаточно времени. Интересно, где был Жажжо. Интересно, узнает ли кто-нибудь когда-нибудь о том, что они тут сделали в этот день. Эта горстка против армии.

У него снова помутился взгляд. Заплясали огоньки. Он тяжело моргнул и потряс головой, пытаясь прояснить взгляд. Тряска чувствовалась так, как будто его мозги плещутся в голове.

Интересно, одолеет ли его боль до того, как Кровавый Пакт доберется до него. Что наступит раньше? Что причинит меньше боли?

Он выстрелил снова, но промазал. Он опять выстрелил, но промазал во второй раз. В его глазах стоял туман, а боль была всемогущей. Розовые, вытянутые звезды. Фейерверки. Фейерверки...

Рука схватила его за затылок и обрушила его лицо на подоконник. Ларкин взвизгнул от боли и на мгновение отключился.

Лайжа Куу держал его за затылок, давя пальцами, как клещами, на поврежденную область черепа снайпера.

Ларкин скорчился, слезы боли потекли по его мертвенно-бледным щекам.

«Что...? Что...?» пробормотал он.

«Мы трупы, Танитец, как пить дать. Они в дверях и окнах. С нами покончено.

А вот я не закончил. Я никуда не пойду, даже в ад, не закончил свое дело.»

«Фес!» заорал Ларкин, пытаясь освободиться. Руки Куу сомкнулись на трещине черепа, и он заткнулся и завыл. Кровь хлынула из ноздрей Ларкина. «Ты сумашедший ублюдок!» пролепетал он. «Это не --»

«Что? Что, ты маленький гаколицый Танитец? Правильное время? Это забавно, как пить дать. Ты заплатишь, и если сейчас не правильное время, то другого никогда не будет.» Куу снова сдавил голову Ларкина, и снайпер вырвался. Куу толкнул его на матрас.

Ларкин пытался двигаться, но вытянутые розовые звезды заполонили зрение, сливаясь в огромные фейерверки, которые взрывалось в мозгу.

У него начались судороги. Его затылок болел, а глаза закатились, пока не стали налитыми кровью белками. Кровь потекла, когда он прокусил язык. Когда судороги пронзили его тело и конечности, он издал неземной стон.

Куу сделал шаг назад с отвращением. Он обнажил клинок. Танитский прямой серебряный клинок, тридцати сантиметров длиной.

«Ты животное,» прорычал он, избегая трясущиеся конечности Ларкина.
«Выглядит так, как будто я сделаю тебе одолжение, урод.»

Он поднял нож.

«Отойди от него, ублюдок!» яростно сказала Мюрил. Она стояла в дверном проходе спальни, ее лазган был направлен на шрамированное лицо Куу.

Она начала приближаться к нему. «Ты дермо. Ты мелкое дермо.»

Куу поднялся, ухмыляясь. «Я просто пытался помочь ему, девонька. Посмотри на него. Он истекает.

Давай поможем ему, пока он не прокусил свой гаков язык.»

«Оставь его! Я видела тебя, Куу. Я видела, что ты делал.»

«Я ничего не делал.»

«Ты собирался убить его. Как убил Брагга. И Бог-Император знает, кого еще. Ты кусок дерма.»

«И что ты собираешься делать, а? А, девонька? Пристрелишь меня?»

«Я могу.»

«В любом случае мы уже все трупы. Послушай, что за дермо происходит снаружи. Они, должно быть, уже на кухне. Давай, стреляй. Это уже не имеет значение.»

«Это будет иметь значение для меня, Куу. Я умру счастливой.»

Последовали оглушительная вспышка и звук, который звучал как гром, но не был им. Стена спальни взорвалась, разбрасывая кирпичи и штукатурку по

всей комнате. Еще один минометный снаряд пролетел через чердак и взорвался позади них.

Мюрил пыталась подняться, в удушающих пыли и дыме. В обломках не было и следа ее оружия, и она вытащила свой боевой нож. Покрытый кусками штукатурки и завитками обоев, Ларкин был все еще жив, и все еще трясясь и стонал на матрасе у окна.

Мюрил, спотыкаясь, пошла к нему, осматриваясь в поисках тела Кью среди кирпичей.

Он был позади нее с клинком в руках.

С криком, она крутанулась, так быстро, как никакой Танитский скаут еще не двигался, до или после.

Прямой серебряный клинок прошел сквозь плоть и кость и не остановился, пока не пронзил бьющееся сердце.

Часть крыши рухнула. Пайет Гатс пригнулся, когда падающие балки пробили потолок столовой, уничтожая длинный, полированный стол. Вазы и драгоценный фарфор попадали с полок и разбились. Масляные картины охватил огонь.

Гатс поднялся, отхаркивая пыль. Потолка теперь не было, и дождь хлынул внутрь. Он взглянул через дыру разбитого окна, где он отбивался.

Выкрашенный в красное, легкий танк выкатился на лужайку позади дома из деревьев, вражеские солдаты окружали его. Он проехал по разросшейся траве и остановился на солнечных часах. Когда он снова выстрелил, Гатс почувствовал, как дом затрясся. Одна из картин упада со стены.

В первый раз, он подивился, кем же они были. Те официальные лица, потемневшие от старости, смотрящие с картин. Уставившиеся на него издалека.

Картины горели, несмотря на дождь.

Гатс увидел движение у окна и выстрелил. Железная маска отпрянула назад. Раздались выстрелы, вгрызаясь в комнату. Гатс отошел в глубь столовой, дождевая вода стучала по нему, избегая разбитую фурнитуру и стреляя в брешь. Многочисленные точки ружейного огня появились в ответ.

Единственный стул в столовой уцелел после падения балок. Гатс сел на него и продолжил стрелять в окно, пока его батарея не опустела.

Полдюжины солдат Кровавого Пакта залезли в окно, прицеливаясь в одинокую фигуру, сидящую на стуле в конце комнаты.

Они начали стрелять.

Гатс размышлял, переживет ли это старая женщина. Он надеялся на это, хотя и сомневался. Но это больше не имело значения.

Ничто не имеет значение, если ты достаточно далеко. Это то, что Пайет Гатс всегда говорил себе. И сейчас, наконец-то, он был так далеко, как он вообще мог быть.

СЕМНАДЦАТЬ

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

«Бывает слава в жизни, и слава в отваге, и слава в действиях, но самая точная слава из всех, к человеческому сожалению, слава в смерти.»

- Йако Бусар Феп Голке,

из его дневников

Дым вытекал из леса, как кровь из раны. Штурм прошел, направляясь, наконец, вдоль пиков Горного Массива, но воздух был все еще сырой, а небо все еще черным.

Звук битвы продолжал доноситься сквозь сосновые насаждения Монторка. Огнестрельное оружие, мобильные пушки, гранаты.

Колм Корбек спрыгнул с восьмиколесного бронетранспортера, на котором ехал, и вызвал впереди идущие отряды.

«У нас чисто?» крикнул он.

«Чисто!» крикнул назад Варл.

«Доложи мне о ситуации!» крикнул Корбек.

«Сэр,» сказал Жажко, поднимаясь со своего сидения в бронетранспортере.
«Я хотел бы --»

«Я заню, что ты бы хотел, сынок,» сказал Корбек. «Но я думаю, что может тебе лучше остаться здесь.»

«Я --»

«Это приказ, парень.»

Корбек побрел сквозь деревья, к дымящимся останкам старого, одинокого дома. «Дом пастора,» Жажко называл его так.

Слева от него, легкие танки и звенящие стражи Крассианского Бронетанкового направлялись к долине через деревья, оказывая огневую поддержку огневым командам Первого, которых Корбек послал вперед. Серьезная схватка происходила в лесу позади дома.

Комиссар Харк устало тащился к нему. Он крутил шлем в руке.

«Рядовой Жажко был прав,» сказал Харк, показывая Корбеку железную маску шлема. «Кровавый Пакт.»

«Я никогда не сомневался в словах Жажко,» тихо сказал Корбек. «Вокс сообщения были достаточно ясными.»

Харк кивнул. «Именно так, Корбек. Я просто рад, что бы собрались и прибыли как раз вовремя.»

«Неужели?» устало сказал Корбек.

«Мы отбросили Кровавый Пакт назад в лес. Майор Виккерс из Крассианского бронетанкового сказал, что они отступают, обратно в долину к высокому перевалу. Кажется, Крассианские танки хорошо себя показали против вражеской брони и --»

«Мы победили, сегодня. Я знаю это, Харк. Я имею в виду... прибыли ли мы сюда вовремя для наших?» Корбек затих, глядя на дымящиеся руины дома пастора.

«Девятый взвод обыскивает его. Мы --»

«Собери арьергард и отправь его дальше,» внезапно сказал ему Корбек. «Я собираюсь посмотреть все сам.»

Варл ждал его у разбитого крыльца дома пастора. Мертвые враги усеивали лужайку. Старая женщина – у Корбека не было мыслей, кто фес она такая –

стояла на коленях и рыдала над телом молодого солдата Альянса. На ступеньках крыльца, санитар Крассианцев перевязывал многочисленные раны Танитского солдата. Он звал медика, пока работал.

Танитец был так покрыт кровью, что по-началу его нельзя было узнать. Ужасная рана ноги, огнестрельное ранение, рана на голове, что-то кошмарное с его левым плечом.

Корбек проигнорировал Варла и встал на колени рядом с человеком. Только тогда он понял, что это был Мквеннер.

«Фес, Вен! Это должен был быть всего лишь патруль!»

«Это он и был,» сказал Мквеннер, слабо моргая из-за крови на глазах.

«Ты будешь в порядке,» сказал Корбек. «Приведи его в порядок, фес тебя!» сказал он, глядя на возмущенного санитара.

«Ты получил наш сигнал?» прошептал Мквеннер.

«Если мы собираемся просто так болтать, то не задавай фесовы очевидные вопросы. Мы получили, Вен, мы пришли. Мы отбросили их задницы обратно в лес. Ты проделал отличную работу, ты и остальные.»

«Благодарности,» вздохнул Мквеннер.

«Просто заткнись,» сказал Корбек.

Мквеннер помотал головой. «Мне может не представится другого шанса сказать это, Колм. Я выдвигаю к награде их всех.

Всех их. Они стояли до последнего. Первые и последние. Если Жажко сделал это, тогда он заслуживает звание разведчика.

Мюрил тоже, без вопросов. Убедись, что она узнает, что я рекомендовал ее. И я хочу, чтобы вы доставили специальное упоминание в Генеральный Штаб Альянса. Вы это для меня сделаете, сэр?»

«Конечно, сделаю.»

«Рядовой Первого Класса Руфо Петерик, Шестнадцатая Брюнгаттерская. За героизм. Вы запомните это имя, Колм?»

«Я запомню, но мне не придется, Вен. Потому что ты фесово хорош для этого, чтобы умереть.» Крассианцкий медик пробежал по лужайке, чтобы помочь санитару. Корбек встал и повернулся к Варлу.

«Рассказывай. Насколько все плохо?»

«Пайет Гатс мертв, в той комнате. Кажется, он хорошо отомстил за себя. Рервал жив. Его ранило в лицо в ранней фазе битвы. Врачи сейчас с ним.»

«Это что-то,» вздохнул Корбек. Он скучал по своему вокс-оператору последние несколько дней.

«Бростин, Фейгор и Каффран тоже выжили, хотя Бростин и Кафф тяжело ранены. Каким-то образом Фейгор пережил все это даже без царапин.»

«Дьявольское везение,» сказал Корбек. «Остальные?»

«Ларкин без сознания. Доктор Мтэйн с ним. Рана на голове. Док не знает, выживет ли он. Говорит, что нам нужно доставить его в Инс Арбор для операции.»

«Фес,» сказал Корбек.

«Я --» начал Варл. «Что?»

«Я нашел Мирил с Ларксом наверху. Ублюдки насадили ее на штык.» Корбек закрыл глаза. Он чувствовал боль, худшую, чем все ранения, которые он получил. «Я хочу увидеть ее.»

«Шеф --» Варл пытался остановить его. «Вы не захотите это увидеть.»

«Мне нужно, Варл. Нужно.» Корбек оттолкнул Варла и пошел в дом.

В дверях он остановился и мельком взглянул на Варла.

«Күү?»

«Ох, он выжил,» сказал Варл.

Вокруг дома было много суеты. Не такой суеты, которая разрушила тут все, но все-таки. Грузовики с солдатами скользили наверх. Крассианские танки перемалывали лужайки и направлялись в лес.

В лесу шла гакова битва.

Это больше не его проблема.

Лайжа Күу сел на старую скамейку спереди дома и смотрел на все это.

Он слизнул кровь с прямого серебряного клинка и убрал его в ножны.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

КОНЕЦ В СЕРЕДИНЕ

«Когда я говорю о теле в этом смысле, я имею в виду тело, как фигуру для вооруженной силы. Для лидера, эта сила становится его телом. Он должен заботиться о нем, управлять им, кормить его, следить за его благополучием и за его болезнями. Таким образом, оно становится его конечностями, органами жизни и чувств, телом солдата. Таким образом, масштаб увеличивается. Все командиры и их люди – тела в войне, сражающиеся и умирающие так же, как и единственный человек сражается, умирает и подвергается ранениям.»

- ДеМарчезе, Об Использовании Армий

Неделей позже, на мрачные улицы Гибсгатте выпало больше дождя.

Полковник-Комиссар Ибрам Гаунт, все еще слегка прихрамывающий от винтовочной пули, которая оцарапала его, когда они в течение шести часов прорывались с линий Шадика, поднялся по ступеням Сезарии, здания с золотым куполом, которое доминировало на фоне неба над грязным северным городом.

Часовые Банды Сезари у двери проверили его документы, и затем поклонились, пропуская его, страусовые перья на их головных уборах дотронулись до пола.

Гаунт кивнул им с неподдельным уважением. Теперь он знал, кто такие Банда Сезари. Он видел нескольких из них, сражавшихся до конца.

Адъютант Альянса сопровождал его через три пролета и вдоль роскошного коридора с картинами в позолоченных рамках. Адъютант постучал в раскрашенные двери и представил его.

«Полковник-Комиссар Гаунт, сэр.»

Гаунт зашел, двери за ним закрылись, и отдал честь.

Главнокомандующий Линтор-Севк встал, и обошел свой стол, чтобы поприветствовать Гаунта. «Рад вас видеть, Гаунт.»

«Сэр.»

Линтор-Севк был тощим, лысым человеком с оципанными усами и прозрачными глазами. «Как вы, сэр?» спросил он.

«Достаточно хорошо.»

«Нога беспокоит вас?»

«Не очень, спасибо, что спросили.»

«Вы, должно быть, проделали тяжелый путь, выбирайясь с вражеского фронта той ночью.»

«В самом деле, сэр. Нам понадобилось полтора дня, в общей сложности, залегая, передвигаясь, когда было чисто.»

«Ваше искусство проникновения. Вот почему, об этом все разговоры в Генеральном Штабе! Хотя, вы попали в неприятности?»

«Да, сэр. Дважды. В последний раз нас почти не заметили. Я потерял несколько хороших солдат там.»

«Ужасная неприятность, Гаунт. Выпьете?»

«Немного амасека, сэр.»

Линтор-Севк наполнил два бесценных хрустальных стакана . Один он протянул Гаунту. «За ваши усилия, сэр,» сказал главнокомандующий.

«И моих погибших,» ответил Гаунт.

«Именно так.» Они выпили.

Линтор-Севк повел его к столу, на котором лежал весь расклад войны на Айэксе Кардинал.

«Многие доверяют вам, Гаунт. Вам и Имперцам. Конечно, мы были благодарны за ваше вмешательство. Но до сих пор... я не упоминал вашего имени Рэджаку Анкре.»

«Если я никогда больше его не увижу, сэр, я не расстроюсь.»

Линтор-Севк тихо рассмеялся. «Мы уничтожили пушки. Осадные пушки. Я уверен, что вам сказали. Они были прямо там, где вы и приковали их. Звено мародеров уничтожило их следующей ночью. Эти мародеры. Отличные самолеты. Я был бы рад добавить несколько к Воздушным Силам Альянса.»

«Я уверен, Генерал Вон Войтц сделает одолжение. Вообще-то, я ожидал, что увижу его сегодня.» Линтор-Севк улыбнулся. «Он уехал на юг. Во Фрергартен. Мы сейчас атакуем через Монторк, знаете ли. И это то, о чем я опять должен вас благодарить. Ваши разведчики, остановившие поток, приславшие предупреждение. Предупредившие нас о присутствии элиты архи-врага на Айексегариенской земле. Мои планы изменились, конечно. Радикально. Но я концентрируюсь на новом шаге, и я думаю, что мы смогли преодолеть тупик. Эта война будет окончена к Сретению.»

Гаунт допил. «Я надеюсь на это, сэр,» сказал он. «Или это, или война будет продолжаться бесконечно.» Линтор-Севк угрюмо посмотрел в свой стакан. «Это займет столько времени, сколько нужно,» сказал он.

Гаунт кивнул. Он уже просматривал доклады за последнюю неделю. Они уничтожили супер-пушки и развернули вторжение по фронту через Монторк, и даже в этом случае, оба этих действия казались несущественными на фоне того, что была потеряна вся Сарво. В Мейсекской Коробке дыры. Нижняя Долина Наэме захвачена. Остландский Щит пробит в двух местах. За каждую победу – потеря. За каждый завоеванный метр – смерть. Война просто началась, как печь, питаемая человеческой силой.

«Я предполагаю, что вы пошлете мои отряды в новые места?»

«Вообще-то нет.» Главнокомандующий протянул Гаунту планшет. «Новые приказы. От Магистра Войны, полученные Астропатикус. У вашего полка новое задание. Транспорты флота идут в систему, чтобы собрать вас.»

Гаунт посмотрел на планшет.

Он чувствовал необычное состояние шока. Его никогда не отзывали из боевой зоны до того, как сражение закончится. По его мнению, все еще нужно год кровавой резни или более на Айекс Кардинале до того, как Империум сможет завоевать победу. Макарот отзывал Танитский Первый. Это напоминало конец в середине. Согласно планшета, группы Второй Армии Крестового Похода движутся сюда, чтобы заменить их и закончить работу.

И его сердце подпрыгнуло, когда он увидел пункт назначения, куда отправляли Призраков.

«Император защитит вас там, куда вы отправляетесь,» сказал Линтор-Севк.

«Спасибо, сэр.»

«Я только просил вас, чтобы вы пришли, чтобы дать вам это.»

Он залез в стол и вынул тонкую, продолговатую коробочку, глянцевую с золотыми прожилками.

Линтор-Севк открыл ее.

Золотая Аквила, прикрепленная к белой шелковой ленте, лежала на подушечке.

«Это в знак признательности вашего преданного служения Айэкс Кардиналу. Орден Орла. Величайшая честь, что могу пожаловать этот дар, именем верховного сезара.»

Гаунт видел такую прежде, с гордостью прикрепленную к плащу Йако Феп Голке. Он очень хотел взять медаль и затолкать ее в глотку Линтора-Севка, пока тот не задохнется. Или, по меньшей мере, отказаться от нее. Но он знал, какие проблемы будут, если он что-то такое сделает.

Он позволил главнокомандующему приколоть ее ему на китель, и отдал честь. Она будет висет на нем сейчас, и никогда больше.

Пока Гаунт большими шагами шел по отдающему эхом холлу Сезари, офицер из Банды Сезари догнал его с пакетом в коричневой бумаге.

«Сэр,» сказал он. «Тактик Байота сказал, что ожидает вас и передает это с наилучшими пожеланиями.» Гаунт взял пакет с неясным кивком.

Белтайн ждал снаружи, сидя за рулем большой черной штабной машины. Его большому пальцу было лучше. Он теперь мог переключать передачи.

Гаунт сел позади. «Сэр?»

«Отвези нас обратно в Ронфорк, Белтайн,» сказал Гаунт.

Двигатель заревел и влился в трафик Гибсгатте, направляясь на юг.

На заднем сидении машины, Гаунт сорвал бумагу с пакета. Внутри была книга, старого издания. Он посмотрел на название: ДеМарчезе, «Об Использовании Армий».

Гаунт улыбнулся, не смотря на глубокие предчувствия отзыавшиеся в сердце болью.

Внутри была записка от Байоты.

«Полковник-Комиссар,» начиналась она. «Я надеюсь, что вы найдете книгу поучительной. Я забрал ее библиотеки лорда генерала, и я уверен, что он не хватится ее. А что до вопроса, который вы мне задавали...» Как настоял Гаунт, они поехали через леса вокруг Шонсамарла, по пути в Ронфорк. Солнечный свет играл сквозь деревья, пестря на машине, когда они неслись по узкой извишающейся дороге.

Белтайн остановил машину.

«Мы потерялись, не так ли?» сказал Гаунт.

«Нет, сэр,» сказал Белтайн. «Я Танитец. Я не могу потеряться.»

«Ты потерялся, когда мы шли тут.»

Белтайн пожал плечами. «Все что я знаю, сэр, это место здесь. Не спрашивайте, почему этого тут больше нет.» Гаунт вышел из машины. Лес выглядел знакомо, очень знакомо. Он был уверен, что Белтайн прав.

Просто здесь больше не было часовни. Никаких следов Часовни Обильного Святого Света, Веник. Ничего, за исключением почти из消了的 давнего аромата редкого цветка.

Белтайн вышел, чтобы присоединиться к нему. «Куда она делась, сэр?» спросил он.

Гаунт протянул ему записку Байоты.

«А что до вопроса, который вы мне задавали, я изучил Имперские записи и нашел упоминание о воительнице Адептус Сороритас по имени Элинор Закер. Она была ключевым членом свиты Святой Саббат во время первоначального крестового похода, и умерла на Херодоре шесть тысяч лет назад.» Белтайн задрожал. «Что-то не так, сэр,» сказал он.

«Думаю так,» сказал Ибрам Гаунт.

По всему сектору 58 Линии Пейнфорка распространялся приказ. Призраков отзывали. Обессиленный, Даур шел по линии, раздавая приказы взводам.

Они должны были отойти следующей ночью к церковному городу Гренны и ожидать, когда их заберет Флот.

В приказах не говорилось, куда они отправляются, но все солдаты были взволнованы. Это звучало значительно. И большинство из них с отчаянием хотели вырваться из ужасов траншей Айэкса.

Даур не находил себе места. Он хотел видеть Первый подальше от убийственного фронта, но он так же терял роль старшего офицера. Ана Керт рассказала ему, что Роун почти поправился. Через день-два майор вернется к своим обязанностям.

Даур передавал приказы ответственно, готовя полк к отбытию.

Он поднял взвод Халлера, затем Обела.

Он шел по зигзагу траншеи к командному посту Сорика.

Даур посмотрел внутрь через занавесь. «Шеф? Готовьте людей,» сказал он. «Мы отываем завтрашней ночью.»

Сорик сидел у стола в темном укрытии. Он держал свернутую голубую бумажку в пальцах.

«Вы правы, капитан,» сказал он. «Я знаю.»

Даур пожал плечами и ушел.

Сорик посмотрел на бумажку в руках. «Призраки отывают. Завтра ночью,» гласила надпись.

Сорик скомкал ее и бросил прочь.

Внезапно Вивво уставился через занавесь. «Приказ, что бы отываем, шеф. Есть идея, куда?»

«Нет,» резко сказал Сорик.

«Окей,» осторожно сказал Вивво, пятясь назад и оставляя его одного.

Сорик откинулся на стуле. Блестящая латунная гильза для сообщений стояла на столе перед ним. Он ждал, надеясь, желая. Затем он подался вперед и схватил гильзу.

Агун Сорик отвернул крышку и вытряхнул голубую бумажку. Он развернул ее и прочитал, что там было написано его собственной рукой. Одно слово.
«Херодор.»